ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 45 НОЯБРЬ 1986

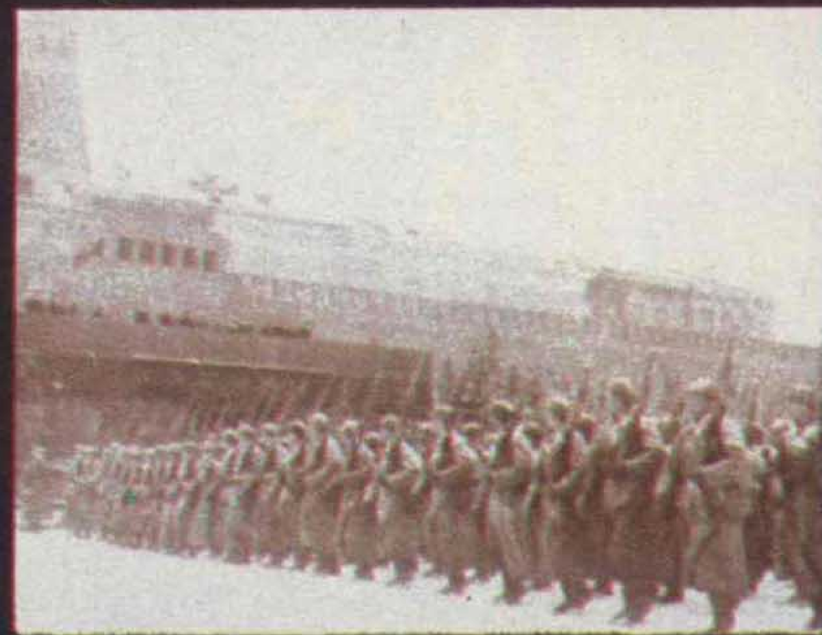
СУДЬБА А. Ф. КОНИ

«12 ЭТАЖ»: ЗА И ПРОТИВ

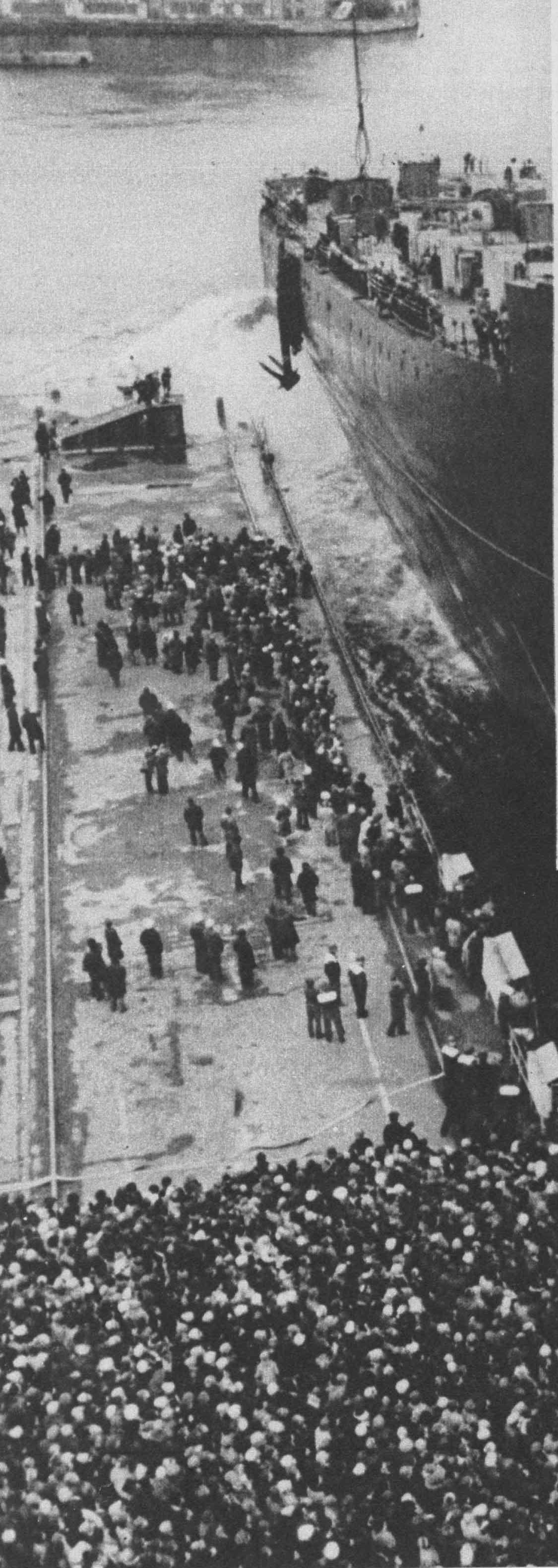
САМЫЙ МОЛОДОЙ ДЕПУТАТ

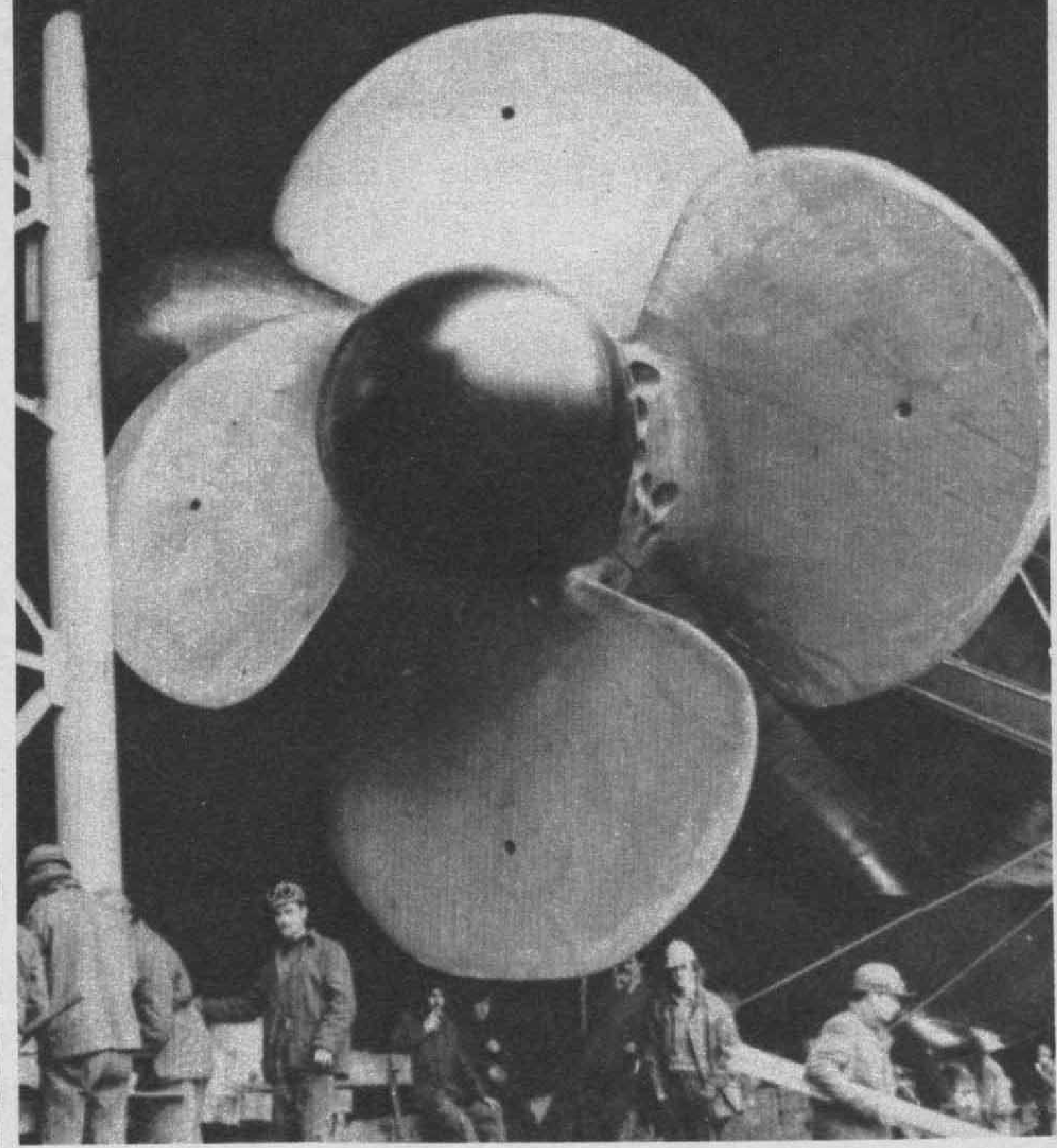
КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ 7.XI.41

Рабочіе солдаты всѣхъ
странъ, требуите немедленно
мира. Да здравствуетъ

С ПРАЗДНИКОМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ!

Осенние цветы в канун праздника Великого Октября вручали радостным судосборщикам знаменитого Балтийского завода. Корабелы спустили на воду очередной, четвертый атомный ледокол. После доводки на плаву его ждут суровые ледовые трассы.

СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИЛЕМ

Олег ПЕТРИЧЕНКО, собкор «Огонька». Фото Юрия ЩЕННИКОВА

С высоты портального крана центр города, изменив привычные масштабы, кажется, устремился тебе навстречу. Совсем рядом Петропавловка, протяни руку — и можешь коснуться шпиля Адмиралтейства, величественного купола Исаакия.

Крошкой должен смотреться на этом фоне ледокол. Но вот глянешь вниз и еще раз с уважением оценишь труд людей, собравших тысячи тонн крепчайшей стали в массивный

Бригадир изолировщиков Т. Проскурякова (слева) и изолировщица И. Кузьмина: какой же он большой!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (3094)

8—15 НОЯБРЯ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.10.86. Подписано к печати 03.11.86. А 00756. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2688. Заказ № 3789.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИЛЕМ

монолит громадного корпуса, в очертаниях которого уже угадывается сокрушающая арктические льды мощь его машин.

Не так уж много времени осталось до того момента, как оживут, вспенят мощными винтами воду заключенные в них 75 тысяч лошадиных сил. Но вот точные сроки назвать не решусь... Оглядывая город и завод с захватывающей дух высоты, вдруг поймал себя на мысли, что нынешний праздник вполне мог быть посвящен и другому событию: торжественным проводам в первый рейс предыдущего богатыря — «Россия». По первоначальному графику примерно где-то сейчас должна была она прокладывать дорогу на Север, а на деле еще в нынешнем январе оставила за кормой арктические мили. На год раньше срока сдали балтийцы Мурманскому пароходству свой третий атомоход и, сохранив этот высочайший темп, устремились к очередной, четвертой вершине.

Именно так — вершине, потому что даже в масштабах нашей великой морской державы, единственной, обладающей атомным ледокольным флотом, каждый новый атомоход — незаурядное событие.

До его спуска на воду остается около часа, а пока хватает хлопот у спусковой команды монтажников, возглавляемой В. М. Ладоненко,

Призывно шумит яркая, богатая ярмарка. На улицах и площадях Москвы, на рынках — автомобили из разных республик и областей страны. Их прислали агропромы и кооператоры. А привезли они яблоки, груши, виноград, абрикосы, клюкву, изюм, курагу, колбасы и окорока — все, чем богаты.

От покупателей отбоя нет. Оно и понятно: все свежее, все прямо с грядки и по ценам таким, что обычный рыночный торговец чувствует себя совсем неуютно, приходится ему сбавлять цену.

Фото А. Бочинина

бригады судосборщиков А. П. Потапова, их коллег, выполняющих последние, необходимые для успешного спуска операции. Заклинило, в частности, кое-где опоры под тяжестью корпуса, вижу, волнуется, что-то советует рабочим директор завода Виктор Нилович Шершнев, «нарасхват» главный строитель К. Т. Кручин.

Привычная картина. Для кого праздник, а для кого — самые ответственные, самые волнующие минуты года: хоть и близнецы ледоколы, а у каждого свой норов, свой характер, как-то поведет себя этот при встрече с невской студеной водицей?

Кто воистину беззаботен, так это ребятишки, которых здесь, пожалуй, не меньше, чем взрослых. Вот хорошо знакомая коренастая фигура легендарного полярного капитана Юрия Сергеевича Кучиева. Пришел с внуком, и, смотрю, оба смело карабкаются по ступенькам соседнего крана. К папе, энергетику стапельного цеха Н. Ф. Шевченко, спешит пятиклассница Ира Шевченко, а за ней... еще около пятисот энергичных гостей из подшефной заводу школы № 2. По-моему, о спуске атомохода стало известно всем мальчишкам Васильевского острова, и, конечно, случая они не упустили — редко вот так настежь распахиваются для них строгие обычно заводские ворота.

Как знать, не в эти ли волнующие минуты загорится в чьей-то душе искорка интереса к удивительной профессии корабела, а кто-то по-новому посмотрит на своих, как оказывается, знаменитых родителей, фотографии которых на Доске почета, фамилии — на красочных стендах, отмечающих успехи передовиков на строительстве этого красавца корабля.

Бригада судосборщиков А. Потапова (в центре). До свидания со следующим судном.

Что ни год, заметнее становится притяжение завода для новичков. Утверждаю это столь уверенно, располагая статистикой: если пять-шесть лет назад на предприятие из армии возвращалось 30—35 процентов ребят, то сейчас вдвое больше. Сыграли свою роль и решительная модернизация производства, и гибкая кадровая политика: балтийцы, к примеру, одними из первых добились недавно разрешения на возведение по индивидуальному проекту собственного молодежного жилищного комплекса из четырех многоэтажных домов.

Быстро мужают ребята. Вот и в бригаде кавалера орденов Трудовой Славы трех степеней, делегата XXVII съезда партии А. П. Потапова недавно вновь повысили разряды Геннадий Жуков, Виктор Ткачук, кандидатом в члены КПСС стал Игорь Пузырев. Хорошее настроение в коллективе, но не об успехах, о трудностях говорил бригадир, когда удалось выкроить ему несколько свободных минут.

— Перемены к лучшему, конечно, есть, но не столь пока значительные, как хотелось бы,— заметил он, отвечая на мой вопрос.— И это, наверное, естественно. Изменить годами складывавшуюся психологию — это не топором махнуть, чтобы по одну сторону осталось все плохое, а по другую — только хорошее. Работа предстоит кропотливая, важно, что она начата. А пока у нас по-прежнему имеются претензии к проектировщикам: еще многое по их вине приходится переделывать по нескольку раз; заслуживают упрека и смежники: установленные сроки поставок выдерживаются ими далеко не всегда.

Не первый год сетуют рабочие на многократные переделки окончательно, казалось бы, утвержденных чертежей, нехватку, несовершенство малой механизации, низкое качество домкратов и прочие, из года в год переполняющие проблемы. Не просто сетуют — компенсируют их за счет внутренних резервов, лучшей организации собственного труда. «Хватает у нас, конечно, и своих недостатков,— говорили мне,— и все-таки порядок следует наводить везде, одновременно. Причем не требуется никаких чудес — нужна элементарная дисциплина на каждом рабочем месте: министра, инженера, монтажника».

Пока все внимание к газосварщице Ольге Гусевой — «крестной матери» спускаемого ледокола. Звучит традиционное пожелание «Семь футов под килем!», со звоном разлетается столь же традиционная бутылка шампанского, и освобожденная газосварщиками от стального плена задержника махина ледокола сначала медленно, потом все быстрей и быстрей устремляется по насаленным полозьям к Неве. Ушли в воду якоря, поспешили на подмогу буксиры, с помощью которых новичку предстоит одолеть самые первые свои метры в родной теперь стихии. А впереди судьба, начертанная три года назад в такой же примерно осенний день на закладочной табличке: «Для обеспечения круглогодичной навигации в западной части Северного морского пути и своевременной доставки грузов в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока».

Те же дороги ожидают и будущего младшего брата, первые секции которого были установлены на освободившемся месте по команде главного строителя А. И. Полякова. Высокая честь уложить закладочную доску была доверена А. П. Потапову. На бронзе выгравировано: «Атомный ледокол «Октябрьская революция» заложен на Балтийском заводе имени С. Орджоникидзе 31 октября 1986 года в честь 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции».

Гордое имя. Его с честью носил линейный корабль Балтийского флота (бывший «Гангут»), на котором в октябре 1915 года произошло восстание матросов. После Великой Отечественной войны оно было присвоено одному из лучших наших крейсеров. И вот теперь будет красоваться на борту мирного атомохода...

Юлиан СЕМЕНОВ

ТРИ ПЕРЕВОДА ИЗ ОМАРА КАБЕСАСА С КОММЕНТАРИЯМИ

В МАТАГАЛЬПЕ — ЭТО В СТА ТРИДЦАТИ КИЛОМЕТРАХ ОТ СТОЛИЦЫ НИКАРАГУА, ИМЕННО ТАМ НАЧИНАЕТСЯ СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ...

Омар Кабесас.

Рисунок Дарьи Семеновой

Омару Кабесасу, команданте герильеро, что, весьма понятно, относительно соответствует званию генерал-лейтенанта, тридцать семь лет. Худенький, крепкий, громадноглазый, он часто ходит в тенниске, джинсах и сандалиях — ни дать ни взять учитель или техник. Тем не менее на улицах его узнают сразу же все без исключения — один из отважнейших борцов против Сомосы, в горы ушел шестнадцатилетним, ныне один из самых молодых ветеранов. В Соединенных Штатах и Европе Омар более всего известен как выдающийся писатель. Его книга «Горы — это значит больше, чем бескрайние зеленые степи» (у нас в журнале «Иностранная литература» заголовок был изменен: «Уходя в горы...») приобрела огромную популярность, бестселлер.

— Знаешь, вчера я наконец подсчитал, сколько мои литературные агенты перевели гонораров,— сказал он (мы дружны не один уже год).— И ахнул: миллион долларов! Девятьсот девяносто тысяч я отдал Сандинистскому фронту... Я бы все отдал, но янки наладили экономическую блокаду, и теперь мы вынуждены продавать «Марлборо» за доллары, а я курю три пачки в день, так что з а н а ч и л на сигареты...

Когда мы расстались в прошлом году, Омар был комиссаром министерства внутренних дел, начальником ПУРа; прилетев в этом году, я встретился уже с заместителем министра.

— Вчера руководство республики приняло решение,— сказал Омар,— все министры и команданте разъехались на праздники в горы, к сборщикам кофе, на границу с Гондурасом. Меня откомандировали в тот район, где я начинал партизанскую борьбу. Видимо, ЦРУ не преминет устроить вылазку наемников именно во время праздников: урожай кофе в этом году отменный, конъюнктура на рынке в нашу пользу, это реальное золото, поэтому все мы и отправляемся поближе к тропам контрас.

...В Матагальпе — это в ста тридцати километрах от столицы Никарагуа, именно там начинается Северный фронт,— каждому отправляющемуся в горы дают автомат, прикрепляют на лодыжку левой ноги «смит-вессон», в машину садятся два автоматчика, и начинается путь в Хинотегу, а оттуда, по красному, ввинчивающемуся в небо проселку на асиенду Лос-Нагалес. Отсюда совсем уж рукой подать до Гондураса.

...Ночь здесь кажется затаенной и непроглядной; фары тревожно высвечивали жирную, ярко-зеленую листву неведомых тропических деревьев, стоявших недвижной стеной, намертво связанных друг с другом удушающим объятием лиан. Когда входишь в наш равнинный сосновый бор или поднимаешься на крымское платановое высокогорье, все видно окрест, взору открываются поля, перелески молодого березняка, синие дали; здесь же, в тропиках, ступив в лес — если, впрочем, сможешь, каждый шаг приходится прорубать мачете,— ты сразу же начинаешь ощущать гнетущее чувство одиночества.

Омар писал в своей книге: «Одиночество — это когда начинаешь забывать шум машин, когда тебе по ночам постоянно мерещится электрический свет; одиночество и в том, что в горах ты видишь только темные тона, тяжелую зелень; ни синего, ни голубого, ни желтого, ни фиолетового; тебе не хватает любимых песен, женщин, тоскуешь по семье, по школьным товарищам, маме, братьям... Так хочется, чтобы все это вернулось... Оторванность ото всего, к чему привык,— это и есть самая страшная форма одиночества... Никто тебе не улыбнется, не поцелует, не приласкает... Даже дикие звери в лесу, птицы в небе, рыбы в голубых ручьях ласковы друг к другу... Жить без самого простого человеческого тепла, без ласки значительно труднее, чем голодать и мерзнуть, рыскать за хворостом для костра, продираться сквозь лианы; для меня не было ничего страшнее этого бездонного одиночества, и самое ужасное во всем этом было то, что мы не знали, сколько времени нам суждено жить здесь, в этом океане безмолвной тишины...».

— Ты где начинал борьбу? — спросил я.— В этом районе?

Омар покачал головой.

— Разве это монтанья?! Вообще-то,— пояснил он,— это наше партизанское понятие, это не просто «горы», это больше, в одном слове умещается вся наша прошлая жизнь, я даже не знаю, как это можно перевести на другие языки... В этот район мы спустились уже накануне победы, когда Северный фронт объединился с товарищами, которых вели Даниэль Ортега и Эрман Помарес... Здесь еще не монтанья... А кстати, в той деревушке, что мы проехали, я чуть не попался сомосовцам... Я спешил на конспиративное свидание с товарищем, который нам помогал... Ходил я тогда в белой рубашке, в кармане брюк пистолет, за поясом граната, а в руках Библия,— странствующий монашек, таких у нас много... Только я свернул на главную улицу, как сразу увидел «джип»; на нем, свесив ноги, сидели сомосовцы; один из них лениво поднял автомат и нацелился мне в живот:

— Есть оружие?

В таких экстремальных ситуациях на размышление отпущены доли мгновения, не мгновения даже, правда... Либо на тебя снисходит озарение, либо гибель... Я даже не успел толком подумать, как отвечать и что делать, но меня словно бы толкнуло, я бросился к сомосовцам и заорал: «Есть, есть, есть!» — И тычу им Библию в лица, продолжая истерично орать: «Вот мое оружие! Божьи слова! Откровения апостолов, которые учат паству миру и дружбе между людьми. А ты целишь мне в живот! За что!»

Сомосовцы усмехнулись; тот, что поднял автомат, кивнул:

— Ладно, иди... Чего орешь, как сумасшедший?

Омар рассмеялся, смех у него заразительный, как у мальчишки, очень какой-то доверчивый. Высунувшись по пояс из окна «джипа», он чутко прислушался, нет ли пальбы в горах: вчера на рассвете именно здесь пыталась пройти банда контрас; двадцать сомосовцев

положили в бою, остальные затаились где-то поблизости, ждут своего часа,— хотят ударить по сборщикам кофе именно в ночь праздника, когда люди будут петь и танцевать.

Он долго слушал ночь, потом удобнее устроился на сиденье и закурил:

— А еще чуть повыше, милях в пяти отсюда, у меня произошел поразительный случай, такое бывает у каждого только один раз в жизни...

Несмотря на то, что монтаньас кажутся порою однообразными, ничто так не заряжает тебя динамитными эмоциями, как они. Впрочем, все зависит от человека: один проходит мимо чуда, не замечая его, а другой лишь глянет на какой невзрачный камень и сразу угадет в нем облик Моны Лизы.

Однажды мы делали стремительный марш-бросок, преследуемые сомосовцами. Нас было тридцать человек; во вчерашней схватке мы потеряли товарища, поэтому каждый был погружен в себя, и я чувствовал эту затаенную разобщенность особенно остро.

Люди были напряжены, потому что мы не только потеряли брата, не только оттого, что за нами топали правительственные войска, но и потому, что завтра мы должны были обрушиться на противника в определенном месте и в точно обусловленное время — опоздание чревато катастрофой. Если мы не придем в назначенное место точно по времени, мы, помимо всего прочего, потеряем связь с городом, с другими партизанскими соединениями, а это катастрофа, ты окажешься в изоляции, твой отряд будет оторван от борьбы и обречен на пассивное ожидание.

Итак, нас было тридцать; мы шли, сохраняя дистанцию — десять метров друг от друга, живая цепь; когда первый был на вершине, последний еще только переходил ручей в глубоком ущелье. Триста метров в горах — когда за тобой идет погоня, а впереди может быть засада — очень большое расстояние. Оно кажется смехотворным на шоссе, но во время партизанской борьбы это гигантский отрезок, правда. Идущий впереди прорубает дорогу в зарослях, его внимание сосредоточено на зеленой стене леса; последний может увидеть мелких рыбешек в голубой воде горного ручья, который он переходит, а тот, кто посредине, наслаждается ароматом цветов, потому что пересекает высокогорный луг. Если небо имеет глаза и наделено даром ассоциативного мышления, то наша колонна должна была казаться ему гигантской змеей, точно повторяющей рельеф местности.

...Был полдень; мы вышли в поход в пять утра и с тех пор шли через горы без остановок, в очень быстром темпе, точнее сказать, в невозможном, изматывающем, каторжном темпе; каждый из нас тащил на спине боеприпасы, оружие, гамак, палатку,— огромная тяжесть, правда...

Я, как командир, был неким термометром тревоги... Именно так — тревоги и страха, да, страха, потому что я отвечал за всех, и любая мелочь пугала меня, ибо я вел братьев и сестер по борьбе, и я был обязан провести их через горы и укрыть в безопасном месте, чтобы вчерашняя гибель одного из братьев была последней... Я понимал, конечно, что это не последняя смерть, во время завтрашнего боя тоже кому-то из нас суждено умереть, но я заставлял себя не думать об этом, особенно во время такого перехода, я требовал от себя веры в то, что все будет так, как должно быть.

Как всегда, первым шел Хусто, прорубая дорогу в лесу, вторым шагал я.

Внезапно я услыхал за спиной птичий свист — фуиии, фуии — это у нас условный знак: что-то случилось, стоп!

Я обернулся, почувствовав, как сквозь меня прошел электрический разряд — острый испуг, мощный выброс адреналина; я ощутил кожей, что рядом враг, я даже как бы услышал выстрел и явственно ощутил горелый запах пороха, я представил себе, как все мы попадаем на землю, прижавшись бородами к прикладам автомата,— засада! Я увидел безжизненные тела моих друзей, и я себя увидел мертвым, с пустыми глазницами — здешние птицы прежде всего выклевывают глаза, это у них особое лакомство — и чуть не закричал в отчаянии: «Дерьмо, ну какое же ты дерьмо, Омар! Отчего ты такой невезучий?!»

Товарищ, что шел следом, делал условный знак, чтобы я остановился; я не заметил на его лице особого напряжения, которое предшествует началу боя, значит, враг не настиг нас и мы еще не попали в засаду.

Я посвистел Хусто. Тот остановился. Я двинулся назад, к товарищу, который по-прежнему жестами звал меня к себе.

— Что случилось? — прошептал я, приблизившись к нему.

Он молча обернулся: тот, кто шел за ним, объяснил, что его попросили остановиться, что-то произошло сзади.

Поскольку выстрелов по-прежнему не было и вокруг нас плыла тишина, я разрешил себе подумать, что, наверное, у кого-то из наших просто-напросто оборвался ремень рюкзака или какая-нибудь вещь в нем трет спину; в этом случае партизан просит остановиться, хотя такое запрещено правилами партизанской борьбы: поход не должен прерываться ни на секунду. Перед тем как выйти из лагеря, мы специально давали полчаса времени, чтобы как следует приладить вещевой мешок, оружие, боеприпасы; это ведь очень некрасиво, когда один задерживает всех.

Не снимая рюкзака, я начал опускаться вниз, вдоль трехсотметровой колонны. Я проходил мимо партизан и видел их тревожно-вопрошающие глаза, мокрые, измученные лица — ведь уже семь часов мы шли по горам, люди мечтали об отдыхе. Мы обычно останавливались в пять вечера, час уходил на то, чтобы собрать дрова, развести костер и сварить фасоль, а потом наступало блаженное расслабление.

Чертыхаясь, я опускался вниз, подсчитывая, сколько же метров мне придется отмахать вниз, только б чего не случилось в самом конце колонны! Я злился все больше и больше: по законам партизанской войны никто не имеет права остановить движение колонны, никто, кроме командира, или в крайнем случае с его разрешения, а ведь меня никто не спросил; кто-то захотел остановить бросок и остановил его. Самовольно.

Я был обязан не просто идти тем размеренным, спокойным шагом, который подчиняет себе человека, вбирает его в себя, сообщает ему монотонность успокаивающего ритма, не дает ощутить усталость, валящую с ног, а я должен был бежать, чтобы сэкономить время. Когда я миновал пятнадцатого, от меня валил пар. Возле семнадцатого, который смотрел испуганно, но с состраданием, я остановился:

— Что случилось?

— Это не я,— ответил он шепотом.

— Что здесь произошло?! — повторил я, стараясь скрыть ярость.

— Это не я,— снова сказал товарищ.— Это Яоска.

— Где она?

— Там.— Он показывал взглядом на противоположный склон горы.

Я обернулся, посмотрел вверх, но не увидел нашей Яоски.

— Что с ней случилось?

— Не знаю... Шла-шла, а потом посмотрела на гору и стала быстро взбираться на вершину; я ей свистнул, но она не остановилась...

— И ничего никому не сказала?

— Нет.

— Может, ее прижало?

— Она бы сказала...

Я озлился еще больше:

— А у тебя языка нет? Не мог спросить?

— Так она отвалила внезапно, команданте! Я ж свистел ей, а она только рукой махнула...

А вдруг она дезертировала, подумал я. Не выдержала ужаса нашей жизни — она ж совсем молодая, в отряде недавно — и ушла?!

Я рванул в гору, чувствуя, что моя кожа словно бы покрылась мыльной пеной: ну, стерва, ну, паршивка, только б мне найти тебя, гадость ты эдакая!

Я увидел ее минут через десять, когда уже отмахал половину подъема. Она шла мне навстречу: прелестная девушка среди желто-зеленых лиан, обвивших серые стволы деревьев.

На ее лице был написан испуг; я даже ощутил трепет страха в ее теле; ох какая же она молоденькая, подумал я, лет шестнадцать, не больше, и волосы бело-золотистые, будто она родилась в Сеговии, и рот очерчен четко, хоть и пухлый, детский еще, но уже женственный, чувственный...

Она очень испугалась, увидав меня, поскольку понимала: она, именно она виновата в том, что наш бросок был задержан, я спустился оттуда, где она уже должна быть. Она отдавала себе отчет в том, что я могу схватить ее за плечо и встряхнуть так, что душа вылетит, она все понимала, эта шлюха с золотистыми глазами, такая красивая и нежная, что было даже как-то странно видеть ее в горах...

Я снял с плеча автоматический карабин, поставил его прикладом на землю, оперся ладонями о ствол, чтобы хоть как-то дать отдых телу, и спросил:

— Что же ты делаешь, сучья дочь, а?! Я мокрый, потный, без сил, гоню за тобой вниз, а потом карабкаюсь в гору? Ты что, партизан, который знает устав, или проститутка какая?! Кто тебе разрешил остановить колонну?! За нами гонятся, стерва! Из-за тебя перестреляют товарищей! Ты понимаешь это или нет?!

Девушка потупила взгляд; одну руку она прятала за спиной, другой сжимала винтовку; в зеленой форме, в зеленом берете, среди яростной тропической зелени она была прекрасна...

Рука, спрятанная за спиной, делала ее похожей на ребенка, которого застали на месте преступления, когда тот взял конфету или мамино колечко без разрешения; в ее глазах теперь уж не страх, а настоящий ужас, потому что она услышала все, что я думаю о ней.

Я злюсь еще больше оттого, что она стоит, опустив голову, не произносит ни слова,— хоть бы возразила мне, объяснила хоть что-то; ты напугал ее, подумал я, и заставил себя услышать эти слова; поэтому она стала такой каменной. Тогда начинаю мять пятерней лицо, голову, шею, чтобы хоть как-то снять напряжение и ярость.

— Ну, что произошло, Яоска? — сказал я тихо.— Объясни мне толком.

Она медленно подняла голову, и я увидел на ее бледном лице робкое подобие улыбки; она боязливо вытащила детский кулачок из-за спины и тихо сказала:

— Это вам.

Я даже не сразу понял, что произошло. Правда. В ее руке был красивый, совершенно диковинный цветок, и она протягивала его мне, по-прежнему чуть испуганно улыбаясь.

— Я его заметила, когда мы шли по тропе... Я не знаю, что со мной случилось... Но я просто не могла удержаться и пошла за ним... Он волшебный, он притянул меня, вот и все... Я сорвала его вам...

Сукина ты моя дочь, подумал я; миллион мыслей пронеслось в моей бедной голове, десять миллионов чувств, сто миллионов ассоциаций.

Я не возьму ее цветок, подумал я в первый момент, потому что если я его возьму, то, значит, оправдаю самовольную остановку нашего марш-броска. Мое состояние было сходно с тем, как если бы дьявола положили на святое распятие или дракона вытащили на солнце.

Женщины все чувствуют быстрее и острее, чем мы. Испуг Яоски прошел. Она теперь смотрела на меня спокойно и добро, а я под ее взглядом ощутил дикую, валящую с ног усталость и какое-то минутное безразличие ко всему происходившему. Я, который умел мгновенно реагировать в любой ситуации, сейчас не знал, как быть. И в порыве слабости, а может, чего еще другого, не знаю чего, я взял из ее рук цветок. Я стал соучастником преступления.

Я увидел этот цветок в глазах Яоски; она теперь улыбалась совершенно иначе, властно, сказал бы я, ведь я покрыл ее грех.

К колонне мы вернулись вместе. Яоска встала на свое место, а я быстро полез вверх, к Хусто; я шагал молча, не отвечая на тревожные взгляды товарищей; Хусто обернулся ко мне и яростно спросил:

— Что там случилось?

— Да так,— ответил я,— ничего не случилось, сущая ерунда, пошли...

— Это прекрасный законченный рассказ, Омар,— сказал я.

Он покачал головой:

— Нет, это не рассказ, а глава из новой книги... Гарсиа Маркес и Хулио Кортасар требовали, чтобы я продолжил мои «Горы»... Вот я и пишу... Я взял с собой еще один отрывок,— он хлопнул себя по карману куртки,— если хочешь, почитаю, когда поднимемся к нашим, они совсем близко...

Окончание следует.

А. Ф. Кони в рабочем кабинете.

В 1924 году «Известия» напечатали сообщение своего корреспондента из Ленинграда о том, что там «состоялись торжества в связи с 80-летием академика Анатолия Федоровича Кони. Юбиляра чествовали в Институте живого слова, одним из организаторов которого он являлся. В приветствии отмечалось, что в тяжелые дни, когда не было ни света, ни тепла, Кони мужественно не пропустил ни одной лекции. Разыгран спектакль — изображение царского суда над «чиновником Кони» за участие в общественном и литературном движении. Решено вопрос о «вине» академика перенести на суд истории...»

Суд истории разрешил дело в пользу «ответчика». Имя Анатолия Федоровича Кони, выдающегося русского юриста, общественного деятеля, талантливого литератора, навеки осталось в истории нашей Родины.

Как могло это произойти, когда сами понятия «судья», «прокурор», «юстиция» в дореволюционной России мы привыкли связывать с мерами подавления и угнетения, с судом «неправедным и скорым»? Да потому, что под председательством судьи Кони присяжные заседатели вынесли оправдательный приговор Вере Засулич. И ни нажим министра юстиции, ни беседа перед процессом с Александром II не повлияли на беспристрастность Кони. Будучи оберпрокурором, он дважды провел через сенат решение об отмене несправедливого приговора по «мултанскому делу». С трибуны Государственного совета Кони обвинял Столыпина в нарушении конституции, выступал в защиту прав Финляндии, призывал прекратить производство и казенную продажу водки...

После Великой Октябрьской социалистической революции Кони стал преподавателем в университете, одним из самых любимых лекторов в студенческих и рабочих аудиториях. Неподкупность, высшие нравственные идеалы принесли ему заслуженное уважение народа.

Сергей Высоцкий написал книгу об Анатолии Федоровиче Кони для серии «Жизнь замечательных людей». Сегодня мы публикуем главы из новой работы писателя.

Сергей **ВЫСОЦКИЙ**

НА ПЕ

1

В столице не было хлеба. Длинные очереди выстраивались у булочных с вечера. Озлобление против властей достигло апогея. «Далеко за рекой, налево, по городу стлались клубы дыма, и было видно пламя огромного пожара. Это горел... Окружной суд, разгромленный и подожженный возбужденной толпой, по соседству и за компанию с предварилкой. Там горели архивы и бесчисленные документы гражданского судопроизводства...» — вспоминал один из очевидцев событий 27 февраля. «Но дело было, конечно, не в хлебе...— отмечал В. В. Шульгин.— Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти...»

Надежды миллионов людей на то, что будет заключен мир, не оправдались. В конце апреля — начале мая Петроград захлестнули выступления рабочих и солдат против продолжавшейся Временным правительством империалистической войны. Буржуазию спасли от полного краха эсеры и меньшевики, согласившись на создание коалиционного кабинета во главе с князем Г. Е. Львовым.

Один из декретов Временного правительства гласил: «Сенатор неприсутствующий Кони

назначается первоприсутствующим в уголовном кассационном департаменте Правительствующего Сената».

Таким было последнее назначение Анатолия Федоровича во все еще имитировавшем подобие деятельности старом аппарате России.

Старому, больному, с трудом передвигающемуся на костылях Кони, к каждому слову которого сенат когда-то прислушивался затаив дыхание, предстояло теперь управлять «сенаторами новой формации», большинство из которых отличались от сенаторов старой формации только тем, что в условиях общей нестабильности старались добиться для себя благ и привилегий в более короткие сроки. Тотчас! Пока была возможность, пока не рухнуло все старое здание.

Глаза у нового первоприсутствующего были по-прежнему живые и властные, ум, обогащенный гигантским опытом, не утерял своего блеска и остроты. Но оказалось, что в сенате ему почти нет достойного применения. Судебная машина России, как и весь аппарат власти, буксовала.

А тем временем слово «большевики» все чаще и чаще входит в лексикон даже таких удалившихся от политической жизни либералов, как Кони. О них говорят разное — самые противоречивые мнения,— но сходятся в одном: большевики — это сила. За ними рабочие, за ними солдаты. А что они принесут за собой, какая у них программа, в окружении Кони не знают. И это настораживает, пугает. Некоторые интеллигенты готовы верить самым невероятным слухам.

О том, что программу большевиков плохо знали или не знали вовсе в среде чиновничества, особенно среднего и высшего, свидетельствовали многие.

2

И еще ожидало Кони последнее дело, которое следовало разрешить в судебном заседании общего собрания уголовно-кассационных департаментов.

В марте 1917 года матрос Федор Силаев с крейсера «Аврора», стоявшего у Корабельной набережной, рядом с бывшим заводом Берга, находясь на корабле, написал «во внеслужебное время» Военному и Морскому министру Керенскому письмо, в котором имелись такие слова: «итак, убийца Керенский, уйди с поста, срок тебе 10 (десятого) июля 1917 г.».

Силаева арестовали. Керенский стал премьер-министром и, наверное, не часто вспоминал о матросе. Да и писем ругательных ему приходило все больше и больше. А следственное дело, раз уж было начато, закрутилось. Но очень медленно — никто не хотел брать на себя смелость судить авроровца в такое горячее время. Начались «прения о подсудности». Военно-морской следователь считал, что раз письмо Керенскому написано во внеслужебное время, то и разбираться с Силаевым должны по принадлежности — судебные следователи, в участке которых находится Корабельная набережная. Но «цивильным» следователям тоже не хотелось «брать грех на душу», и они вернули дело в военно-морской суд.

«6 октября 1917 года Петроградский временный военно-морской суд, выслушав доклад по вопросу о подследственности и подсудности дела.., объявил по 1545 ст. уложения о наказаниях: настоящее пререкание... представить на разрешение общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената...»

Так попало дело сенаторам. Кони основательно готовился к заседанию, на котором окончательно разрешился бы вопрос, кому взять на себя ответственность и судить Силаева. Сохранился в архиве листок с его пометками при подготовке вопроса. Как всегда, взвешены все «за» и «против».

Но когда собрались доставить в Сенат самого «возмутителя спокойствия», то «по заведенной канцелярией Обер-Прокурора у н-ка Петроградской одиночной тюрьмы справке оказалось, что матрос Силаев освобожден утром 25 октября 1917 г.».

О том, что в 11 утра приказом Военно-революционного комитета освобождены находившиеся в тюрьмах Временного правительства Рошаль, Захаров, Толкачев, Силаев и другие, сообщила и газета «Рабочий путь».

У матроса Федора Силаева и у всех авроровцев 25 октября 1917 года было много дел — предстоял штурм Зимнего, захват правительственных учреждений. Большевики брали власть в свои руки...

Кони отпустил по домам сенатских чиновников, тех, кто еще приходил на службу. Прошел из залы заседаний по гулкому коридору к себе в кабинет.

В кабинете было прохладно, из окон нещадно дуло — похоже, что никто не собирался в этом году заклеивать щели. Анатолий Федорович аккуратно собрал все бумаги по делу Силаева, сложил в папку. «Неужели на этом ставится точка? — подумал он.— На нерешенном деле о пререкании между военно-морским и гражданским судами?» Но тут же остановил себя: «С приходом новой власти не прекратится же судопроизводство. Пусть придут новые люди, с новым взглядом на жизнь, на добро и зло, с новыми понятиями о чести, но сама жизнь продолжится. Нужен будет и суд».

Густой басовитый гудок на Неве отвлек Кони от грустных мыслей. Он подошел к окну. Прямо перед окнами Сената очень медленно и осторожно надвигался бортом на гранитную набережную корабль. Ветер рвал в клочья и разносил над Невой клубы густого дыма, валившего из двух высоких труб. Красный флаг полоскался на флагштоке. Кони прочитал название: «Азов» — и вспомнил, что не раз уже слышал об этом военном транспорте, перешедшем на сторону большевиков.

За секунду до того момента, когда стальной борт «Азова» должен был столкнуться с гранитом набережной, матросы выкинули большие плетеные кранцы, транспорт слегка вздрогнул, и вот уже вахтенные на берегу крепят его тросами к набережной. Без суеты, без лишних команд спущен прямо на парапет широкий трап. Один за другим, с винтовками в руках, одетые в черные бушлаты, матросы сходят на гранитную мостовую, строятся в шеренги. Командуют несколько офицеров и матросов. Невысокий человек в бушлате, остановившись перед строем, произносит короткую речь. Заканчивая, наверное, сказал что-то веселое — матросы дружно смеются. Звучит громкая команда: «На-ле-во!» Кони слышит ее даже через закрытые окна. Строй четко разворачивается и начинает свой марш в сторону Зимнего.

«Если у них везде такой порядок,— думает Кони,— они выиграли»...

3

Лето восемнадцатого года Анатолий Федорович опять провел в Павловске. Чтобы снять дачу, пришлось продать часть книг из библиотеки. С грустью расставался Кони с редкими изданиями — другие у букинистов спросом не пользовались. Книги значили в его жизни очень много, и, отдавая очередной маленький томик или фолиант с гравюрами в чужие руки, Анатолий Федорович испытывал горькое чувство, как при расставании с другом. В одном из писем академику А. А. Шахматову, встревоженный слухами о национализации библиотек, он писал о том, что сроднился с книгами, как с живыми людьми. И высказывал мысль о получении охранной грамоты на свою библиотеку от Луначарского.

В Павловске рядом с Кони жил со своей семьей бывший директор департамента министерства иностранных дел Владимир Борисович Лопухин. Там же часто бывал и еще один бывший член Государственного совета, Н. Н. Покровский. По вечерам они собирались вместе, обсуждали «злобы дня». Главной «злобой» был вопрос: долго ли продержатся большевики?

— Большевистский режим не жизнеспособен,— утверждал Покровский.— А значит, недолговечен. В конце концов они уйдут...

— Скоро? — интересовался Лопухин.

— Не скоро.— Покровский встал с плетеного стула, подошел к раскрытому окну веранды, за которым цвела персидская сирень.— Не скоро.— И, повернувшись к собеседникам, сказал, словно профессор с кафедры:— Нечто подобное тому, что произошло у нас, случилось в средние века в Чехии... Там это длилось четырнадцать лет. Инерция нашей России куда как больше! Процесс будет длительный...

— Как можно сравнивать явления разного порядка? — тихо сказал Кони.— Разные эпохи, разные социальные условия...

— Мы всегда ищем ответа в истории,— с обидой сказал Покровский.— И не всегда безуспешно. Вы, что же, Анатолий Федорович, считаете, что большевики останутся навечно?

— Большевики могут уйти,— ответил Кони.— Большевики уйдут, большевизм останется...

Покровский с удивлением посмотрел на Анатолия Федоровича, не зная, что ответить, а Лопухин развел руками:

— Непонятно.

— Мне и самому многое непонятно. Однако не кажется ли вам, господа, что новая власть пользуется широкой поддержкой? Зимой я беседовал с их министром просвещения Луначарским...

— Вы были у Луначарского? — изумился Владимир Борисович.

— Он был у меня на Надеждинской,— с лукавой усмешкой ответил Кони.— Мне показа-

Окончание на стр. 14—15.

А. А. Ахматова и А. Ф. Кони.

РЕЛОМЕ

Александр ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

ПРАВОМ, ДАННЫМ МНЕ...

На прием никто не пришел. Глеб запер депутатскую комнату, отдал ключ дежурной и открыл дверь на улицу. Шагнул и остановился. Задумался. Конечно, есть от чего расстроиться! Два часа ждал — и никого. «Почему? Неужели никто не хочет поделиться наболевшим, попросить совета, помощи, защиты?! А впрочем... Пока нет авторитета, вряд ли можно удивляться, что ко мне не идут... Студент. Двадцати еще нет. В житейских делах неискушен... Но ведь на выборах за меня проголосовали, значит, доверили...»

То был первый приемный день депутата Верховного Совета Белорусской ССР Глеба Еремеева. Прошло почти два года. В Верховном Совете республики он стал членом постоянной депутатской комиссии по делам молодежи. У себя в радиотехническом институте — дипломник, избран в вузовский комитет комсомола. Женился на однокурснице и отделился от родителей. Жизненного опыта заметно прибавилось. Прибавилось зрелости. И все равно в первую среду нового месяца Глеб волнуется: обратятся ли к нему сегодня избиратели и с чем?

Пожалуй, нет дня, чтоб Глеб не размышлял о депутатской деятельности, чтобы не искал ответа на вопросы: а что такое общественная личность сегодня? Как она может проявить себя в нынешней обстановке? Как сделать, чтобы активность общественных сил вошла в норму нашей жизни? В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии Михаил Сергеевич Горбачев отметил, что Советы народных депутатов прошли проверку временем, доказали свою жизнеспособность, огромные возможности в осуществлении полновластия народа. А дальше сказал, что сама логика развития социалистического демократизма диктует настоятельную необходимость максимального использования этих возможностей советских представительных органов. Вот она, суть депутатской деятельности! Суметь наполнить ею повседневность — вот задача. Суметь!

Глеб приучил себя искать в каждом частном случае социальную мотивировку, общественный подтекст. Тогда не только поможешь в конкретной просьбе, но и возьмешь в руки нить какой-то большой проблемы,— значит, появится шанс ее решить.

...Очередной прием избирателей. Я иду на прием, потому что «Огонек» хочет рассказать о Глебе Еремееве. Женщина, с ней девочка. Девочка тут же осваивается, сажает в кресло куклу и отправляется обследовать комнату. Женщина мнется, сетует, что не взяла с собой бумагу, где все по порядку изложила.

— А вы расскажите,— предлагает Глеб.— Зачем бумага?! Я выслушаю, постараюсь разобраться.

Просьба связана с жильем. Глеб сосредоточивается, делает какие-то пометки в блокноте.

— Я все понял. Сразу, естественно, ответа дать не могу. Заняться — обещаю. О результатах дам знать.

Просьба оказалась вполне разрешимой. Но сколько пищи для размышлений. Ведь до этого женщина обращалась в несколько инстанций и нигде не встретила так необходимых человеку внимания и чуткости. Когда мы остаемся вдвоем, Глеб говорит: «Вот он, один из ответов на вопрос: почему редко приходят на прием? Не верят в нашу дееспособность. А как в нее поверят, если чуть ли не на каждом шагу волокита. Обивание порогов усложняет жизнь, а люди устали от искусственных усложнений, тем более что хватает естественных. Ждут, когда же мы уберем бюрократические «прокладки» из нашей машины».

До обидного часто приходится депутату выслушивать жалобы на бытовые неурядицы — квартирную неустроенность, нужду в телефонах, сбои в коммунальном обслуживании, ненадежность торговли... До обидного редко обращаются по крупным проблемам — хозяйственным, социальным, нравственным... Почему? Мы разучились воспитывать себя и других умным, заинтересованным общением.

Да, трудноосуществимого в короткие сроки у нас накопилось больше чем достаточно. Но разве это оправдывает казенность, черствость, бездушие?! А ведь сколько расплодилось чиновников, «специализирующихся» на одном: выставлять перед человеком непроходимый заслон из циркуляров, постановлений, решений, а самому не вникать, не хлопотать, заставлять таким образом людей изнурять себя бесконечным топтанием в присутственных местах и отваживать туда обращаться!

Разумеется, не все, кто приходит на прием, заслуживают одинакового к себе отношения. Лезут демагоги, клеветники, вымогатели...

...Думы. Споры с самим собой. Уроки. Одолеть бюрократизм можно только одним средством — общественной активностью во всех сферах жизни. Развязать инициативу, дать выход энергии, свежей мысли — об этом без конца говорим, а действий — смелых, увлекающих даже самых пассивных — не хватает.

Я спрашиваю у Глеба:

— Наверное, сейчас, когда страна решительно и круто повернула к обновлению, когда очень важно предельно раскрыться каждому, вы все острее чувствуете, как много можно сделать народным Советам и их активу?

— Да, хочется, чтобы Советы быстрее нашли и использовали свою долю участия в перестройке, прежде всего возможность человеческого фактора...

В Ляховичском районе Брестской области комиссия проверила использование культурно-просветительных учреждений и спортивных сооружений в воспитательном процессе. В одном, другом хозяйстве увидели неухоженные, сиротской судьбы клубы. А хозяйства богатые. Глебу не терпелось поспорить с председателями колхозов: как же так — то отодвигали заботу о культуре из-за того, что налегли на животноводческие комплексы, теперь из-за того, что хотят чуть ли не всем раздать ключи от новых домов... Не получится ли, что пока очередь дойдет до культуры, отпадет надобность о ней заботиться?!

С комсомольским народом тоже приходится спорить, ругаться. Разъедает иждивенчество! Дверь в клубе починить — пусть кто-нибудь; организовать субботник — почему мы; сшить костюмы для самодеятельного кружка — только не нашими руками...

Чересчур затягивается детство и слишком усердна опека взрослых — родителей дома, учителей в школе, кураторов в институте. Вот и получается, что уже не умещающиеся в гнезде птенцы еще не заботятся о силе своих крыльев. Если б расплачивались только они!

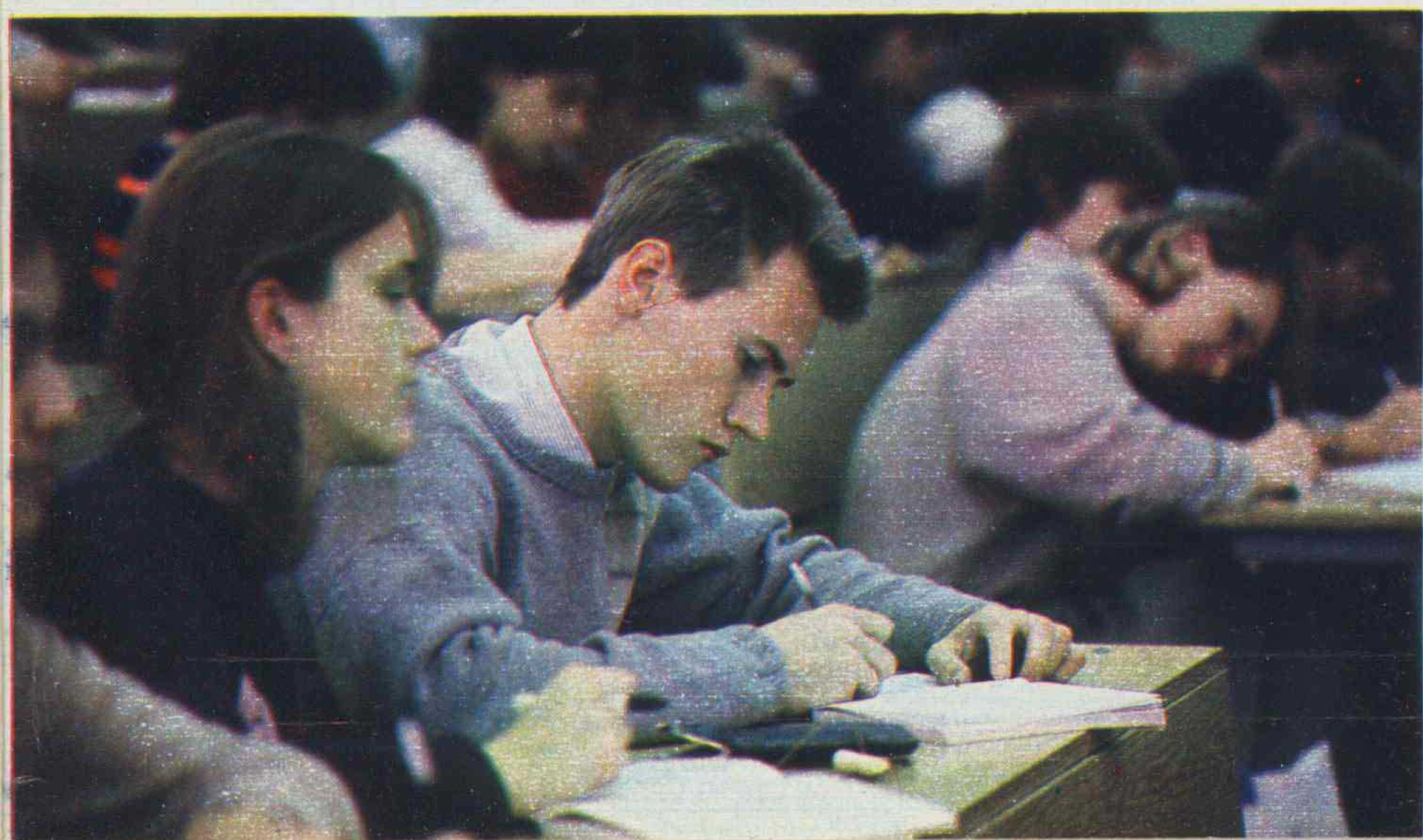
Скоро на заседании депутатской комиссии предстоит обсуждение выводов по Ляховичскому району. Глеб выскажет свое мнение. К тому времени у него накопится материал и по другой проверке — эффективности воспитательной работы в общежитиях Первомайского района Минска. Тут тоже есть над чем задуматься. Прежде всего о студенческом самоуправлении. Глебу достались общежития института механизации сельского хозяйства. Разбираться и легко и трудно. Легко, потому что студенческая среда близка ему и понятна. Трудно, потому что клубок воспитательных проблем основательно запутан, и найти в них узлы, развязать их — долгая работа терпеливых, надежных умов и рук.

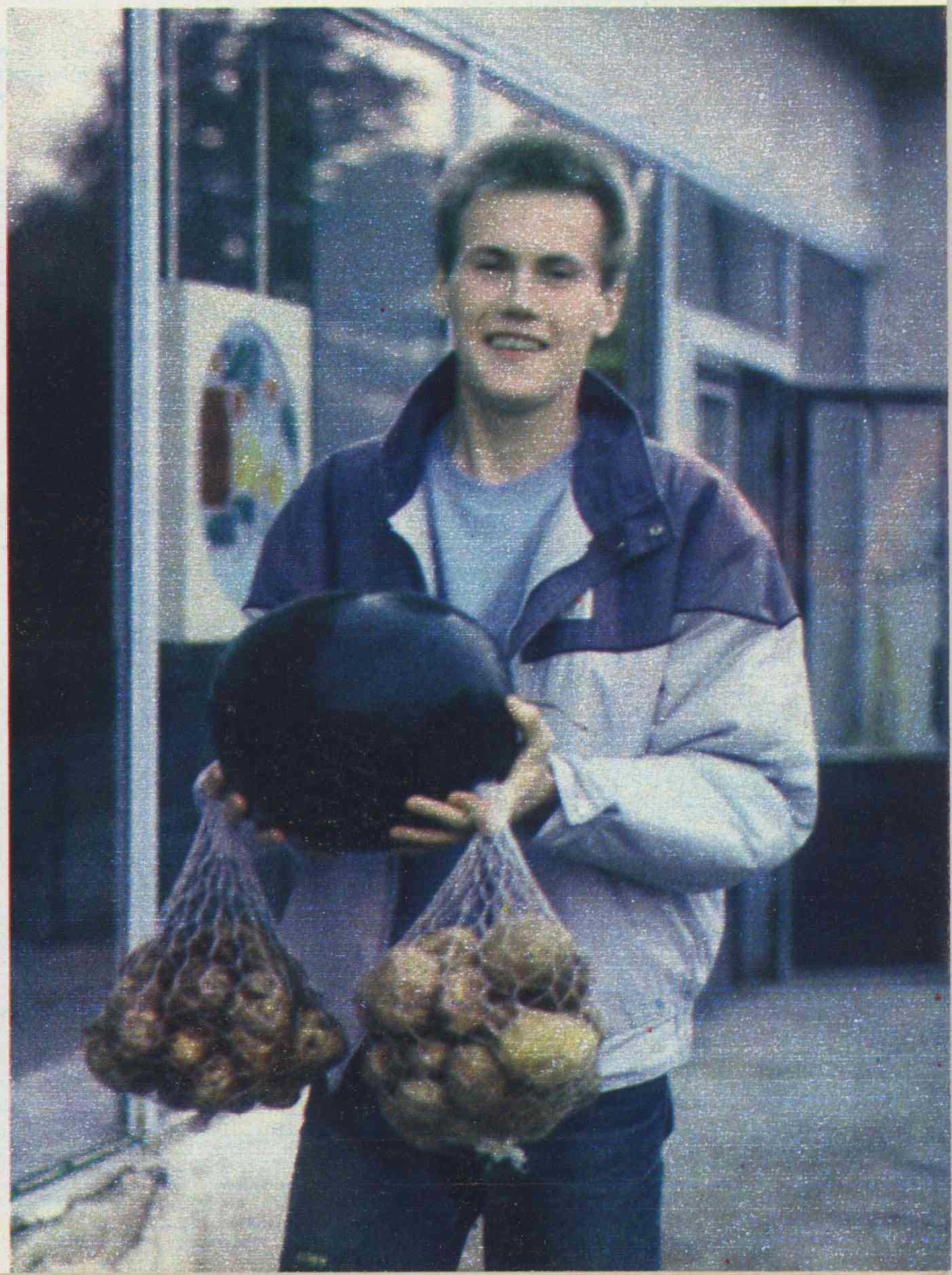
Надо до заседания комиссии посоветоваться с ее председателем Леонидом Ивановичем Киселевским. Он ректор Белорусского государственного университета, думающий, опытный человек. Проблема ему не в новинку. В университете есть общежития на самоуправлении. Что поучительного? Самостоятельность условна, если не подкреплена правами, средствами, ресурсами. А сейчас именно так. Отдать бы студенческому совету деньги, что платили коменданту, воспитателям, уборщицам. Пускай бы распоряжался, куда истратить — на экскурсии, на спортивный инвентарь, на организацию вечеров... Нельзя. Коль не заполнены штаты, изымаются деньги, на них предусмотренные. Почему бы не войти с предложением в Верховный Совет Республики: пересмотреть такой порядок. Депутатская комиссия занята в основном локальными вопросами: проверяет положение дел в каком-либо районе, городе, области, обсуждает итоги проверок, выносит рекомендации, потом проверяет их выполнение и т. д. А внести, скажем, поправку к закону, чтобы Президиум или сессия рассмотрели... Говорилось же на съезде партии, что Верховные Советы должны настойчиво совершенствовать законодательство, что рекомендации комиссии, предложения и замечания депутатов должны тщательно рассматриваться и учитываться исполнительными органами.

...Вот так постепенно складываются характер мышления, убежденность в правильности жизненной линии, умение понимать людей и быть понятым ими — то, что характеризует государственных людей, облеченных высоким народным доверием. Иногда, правда, хочется уверить себя в том, что государственный человек в тебе не мешает жить студенту, спешащему взять все от звонкой, легкокрылой молодости. Уверить уда-

Депутат Верховного Совета БССР Глеб Еремеев обсуждает итоги проверки общежитий Белорусского института механизации сельского хозяйства * В свободную минуту * На лекции в институте * Дела семейные.

ется. Глеб зовет друзей, берет в руки гитару, и вдруг становится просторно в маленькой квартире. Песня словно раздвигает стены... А еще есть упоительное ощущение радости в беге по знакомой тропинке утреннего леса, в усталости после поединка на теннисном корте, в мальчишеской безудержности среди таких же, как он, футбольных болельщиков... Есть нетерпеливое ожидание филармонических концертов, будоражащая глубина талантливых книг, вечная загадочность изваяний и полотен... И после всего, как торжественный и в то же время тревожащий аккорд, требование ответа: а правильно ли, умно ли живу?

Нет, спрашивать себя об этом — не кокетство, а требовательность к себе, постоянный, жесткий самоконтроль. Тут Глебу с детства есть с кого брать пример. Отец и мать. Владимир Константинович никогда не помышлял променять специальность токаря на какую-нибудь другую и в рабочей своей должности всегда искусен, добросовестен и собран. Глеб видел еще в детстве, как отец владеет станком, как преображает, заставляет дышать холодный, неподатливый с виду металл.

Ну, а мать — Раиса Алексеевна, балерина театра оперы и балета БССР, привила сыну поэтическое видение мира.

...К депутату Глебу Еремееву обратился участник Великой Отечественной войны, художник. Ему определили пенсию в пятьдесят рублей, сказали, что больше не положено, поскольку не привязывал себя к одному месту, нанимался по договорам.

Глеб пытался выяснить: разве не следует учитывать то, например, что человек добровольно ушел на фронт, прибавив себе, чтоб не препятствовали в военкомате, возраст. Да и работать по договорам в ряде случаев не повод для ущемления прав, особенно если человек работал на общество. Параграфы и жизнь столкнулись. Дело застряло. Тогда Глеб попросился на прием к Председателю Президиума Верховного Совета БССР Георгию Станиславовичу Таразевичу.

Они беседовали около полутора часов. Президент республики интересовался взглядами Глеба на нынешние проблемы, оценками молодежных настроений, возможностями лучше использовать депутатские полномочия... Глеб делился обстоятельно и откровенно. Не хватает правовых знаний; беспокоит, что привычка многих руководителей администрировать уводит их от надобности, потребности видеть в депутатах постоянных помощников, советчиков; бросается в глаза, что не везде торопятся с перестройкой, встречаются солидные вывески, за которыми работают мало, а платят много — зачем, считают там, что-то менять?!

Хороший получился разговор! Георгий Станиславович поддержал ходатайство Глеба об увеличении пенсии художнику.

«Правом, данным мне...» Как это весомо звучит, если устами депутата говорит народ!

Минск.

Глеб Еремеев с женой Мариной.

Имя Геворга Эмина широко известно. Его творчество отличают обостренное чувство правды, философичность, пафос познания, взыскующей к истине мысли. Образ его изящен, от стихов ощущаешь душевное волнение. Первую книгу «Предтропье» он издал в 1940 году. Не раз с тех пор и в Армении, и в Москве выходили у него итоговые сборники. Правда, итога не получается: работа не прекращается, творческая мысль не дает покоя. Недаром Геворг Эмин сказал: «Поэзия — самовыражение поэта, но настоящий поэт — всегда Человек и Гражданин, и, следовательно, выражая себя, не может не выразить свое время, свой народ, мысли и чувства других людей».

МОЙ ВЕК! МОЙ БРАТ!

Геворг ЭМИН

●

Нейлоновые шубки,
Капроновые чулки —
Синтетика сплошная —
Ресницы и парики.
Эффектные полимеры —
Искусственность без конца!
Фабричные почки и нервы,
Искусственные сердца...
Ах, если бы, времени вторя,
Продолжились чудеса:
Нейлоновой стала слеза,
Капроновым стало горе...

Перевел с армянского Л. Григорьян.

ИЗ «АМЕРИКАНСКИХ СТИХОВ»

●

Так все преступления в мире
сплелись —
Где Авель? Где Каин? Поди
разберись...

И был ли он, Каин, зачинщиком
боен?
А может быть, Авель в той бойне
виновен?
Кто знает? Кто скажет? Поверим
кому,
И времени нет разобрать, что к
чему?
Одну только истину твердо
усвоим:
Оружье такое досталось обоим,
Что если с оружием тем воевать,
Ни тот, ни другой не вернутся
назад
И будут бессмысленно плакать и
звать:
— О Каин, скажи мне, где Авель,
твой брат?
— О Авель, скажи мне, где Каин,
твой брат?
...И ветер не станет тех слов
разносить —
Ведь некому будет об этом
спросить...

●

Допотопно все накануне потопа.
Все это было,
все так же злословно.
Это — так называемая свобода,
когда не дорвешься до
микрофона.
Это —
молитвы лживые,
выспренние,
и преступления — самые
искренние.
Это —
ложь наяву
и ложь во сне,
это сны,
не в явь превращенные —
в сны.
Это —
щель в разрушающейся
стене,
которая шире самой стены.
Это —
мясорубка людей.
Это —
мыслерубка идей.
Это —
когда любой плевал —
зерно ты или плевел.
Это —
вселенскую подлость
кто-то возводит в святыню.
Это — святыню —
пошлость,
смеясь,
превращает в пустыню.
Это —
доброта,
у которой
нет ни двора,
ни кола,
с рукой,
безнадежно простертой,
милостыню
просит у зла.
Это —
палач,
это — жертва.
Это — хамелеон,
Это —
разваливающаяся,
как еле связанные жерди,
башня твоя,
Вавилон.
Я знаю
неизбежность истории.
Очередь
за карой скорою.
Содом и Гоморра разрушатся с
треском,
и богу захочется
с прежним блеском
построить
заново
новый свет,
и вдруг он увидит —
возможностей нет...
Конечно, он может,
чертям уподобясь,
низвергнуть какой-нибудь новый
потопец,
найти Арарат,
и ковчег,
и статистов
на жалкие роли
нечистых
и чистых...
Но где он найдет
существо неземное
На роль голубую
спасителя Ноя?
Почти безнадежное дело это —
быть реконструктором Нового
Света!

●

Сквозь сумрак ночи,
Сквозь худые крыши
Стекает в мозг мой
Дождевая суть...
Я вижу нищету,
Я стоны слышу...
Мне не уснуть.
Я не могу уснуть.
Весенний дождь —
Он может быть смертелен,
Он Хиросимы атомную жуть
Несет и этим
Паркам и отелям...
Мне не уснуть.
Я не могу уснуть.
Крадется сон
С намереньем хорошим —
Дать мне покой
И веки мне сомкнуть.
Под пиками ресниц
Он вспять отброшен:
Мне не уснуть.
Я не могу уснуть.
Спешат ракеты
В звездном океане,
Их привлекают Марс или Луна.
А сколько на Земле
Еще страданий,
Безмолвных глаз,
Которым не до сна.
Летят ракеты
По своим орбитам...
О человек!
Куда ведет их путь:
К чертогам звездным?
В норы к троглодитам?
Мне не уснуть.
Я не могу уснуть.
В ночи мне слышен
Гул толпы несметной:
Там те, кого в Освенцимах
сожгли,
Историей оправданы
посмертно,
Встают из пепла,
Как из-под земли,
Чтоб взором,
Полным ярости и боли,
В глаза бездушных
Палачей взглянуть,
Но всех убийц найти...
Ты шутишь, что ли?
Мне не уснуть.
Я не могу уснуть.
Скажу о том,
Что мучит и тревожит!
Возьму перо!
Но горьких истин суть
Во многие ль сердца
Проникнуть сможет?
Мне не уснуть.
Я не могу уснуть.
Мой век! Мой брат!
Мой враг! Мой друг сердечный!
Пошли мне сон!
Дай в забытье нырнуть!
Иль разбуди всех тех,
Чей сон беспечный
Уж столько лет
Мне не дает уснуть!

Перевел с армянского Л. Шерешевский.

ПРЕДВЕСТНИК ПОБЕДЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАССКАЗ О ПАРАДЕ 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА

К 45-ЛЕТИЮ

БИТВЫ

ПОД МОСКВОЙ

Многое помнит Красная площадь Москвы. Помнит и тот исторический военный парад суровой осени 1941 года, состоявшийся 45 лет назад. Гитлеровцы тогда стояли у самых ворот столицы и с вожделением рассматривали ее в бинокли. А Гитлер, как известно, хвастливо утверждал, что Москва уже пала и он готов принять парад своих войск на Красной площади. Фашисты заготовили даже пропуска на торжества по случаю взятия Москвы. Многого они хотели, да не вышло! На Красной площади 7 ноября действительно состоялся парад, но это был наш, традиционный, праздничный октябрьский парад, наполнивший радостью и гордостью сердца советских людей, который и сегодня живет как одна из ярких и памятных страниц в героической летописи Великой Отечественной войны.

Сегодня среди нас все меньше остается участников военного парада 1941 года, и тем дороже для нас и потомков их живые свидетельства. Давайте сегодня с помощью этих воспоминаний перенесемся мысленно к тем историческим событиям сорокапятилетней давности и посмотрим на них глазами ветеранов войны.

Полковник Г. ШАГУН, бывший курсант 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища имени Л. Красина, находившегося в подразделении, открывавшем парад:

Всего неделю назад вернулись наши дивизионы с московской городской линии обороны, где, заняв боевой порядок, готовились к отражению рвущегося к столице врага. Теперь стоим здесь, у Исторического музея, лицом к сердцу России — Красной площади. Я — в середине четвертой шеренги. Рядом — товарищи по курсантской батарее: Саша Насонов из Воронежа, Сергей Шакай и Костя Рябуха с Украины. Все мы вместе на шестнадцатый день войны добровольно с направлением комитета комсомола московского института стали пришли в училище.

Стоим пока по команде «вольно». Переступаем озябшими в небогатой, курсантской обувке ногами, стараемся не особенно заметно поддеть друг друга плечом, не столько согреваясь, сколько скрывая этим охватывающее каждого из нас волнение. Историческая значительность происходящего сейчас здесь, на Красной площади, ощущается и переживается всеми. Менее чем в ста километрах от наших шеренг на ближних подступах к столице идет жестокий бой с гитлеровскими войсками. Мы — с оружием в руках, в преддверии парадного марша—у стен Московского Кремля.

...Вслед за тревожно-торжественной дробью барабанов грянула оркестровая медь и пришла в движение площадь. Сдвинулись с места и вновь поплыли в снежной мгле батальоны и полки, закружилась у ног снежная пыль. Начался торжественный марш.

Блеснули выхваченные офицерами из ножен клинки. Собрался, уплотнился и затвердел наш строй. Упали с плеча, слегка звякнув затворами, на вытянутую вперед руку новенькие винтовки. Правый локоть отыскал бок соседа и прикипел к нему. Равнение направо

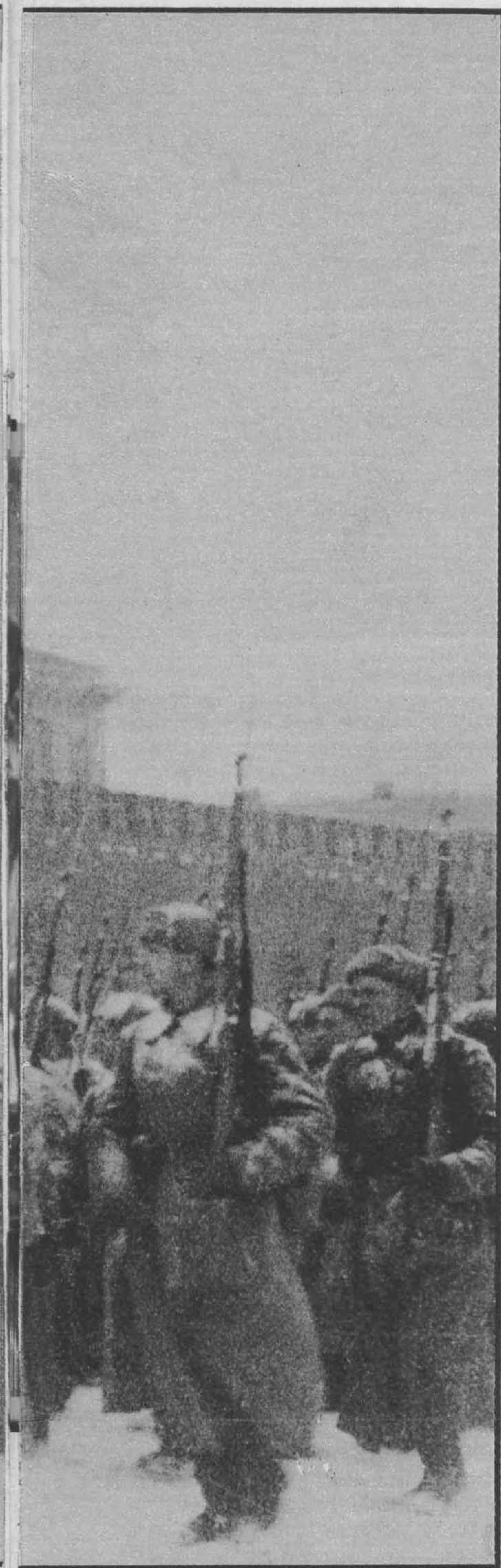

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

и вздернутый кверху подбородок! Как хорошо, как ладно мы шли! Летели, а не шли!

Тверд, но бесшумен на снегу парадный курсантский шаг. Мавзолей остается позади. Еще слышен оркестр, но теперь он мешает идти в ногу — звуки запаздывают. Убыстряем движение вперед и вниз, к набережной. Напряжение не спадает, не оставляет волнение от пережитого. «Смерть! Смерть! Смерть фашистским оккупантам!» «Вперед! Вперед! Вперед к победе!» — в такт шагам стучит в голове».

Ветеран войны и труда В. КОЛЕСНЕВ:

7 ноября 1941 года, намного раньше обычного, был объявлен подъем, и после завтрака мы направились по улицам еще ночной Москвы. Первое впечатление, которое у нас возникло,— направляемся на фронт. Настроение у всех было взволнованно-напряженным. И только когда подошли к Красной площади, до нашего сознания дошло, что, как бы враг ни стоял близко от Москвы, как бы тяжела ни была военная обстановка, традиционный праздничный военный парад должен состояться.

Наше училище заняло место в головной колонне парадного расчета. Курсантская форма выделяла нас среди других участников парада, да к тому же усиленная строевая подготовка позволяла нашей колонне проходить более четким шагом.

Откровенно говоря, не помню подробностей, как мы проходили мимо ленинского Мавзолея. Но общая картина суровости, совсем непарадной обстановки запомнилась на всю жизнь. Парад в осажденной Москве, выступление И. В. Сталина еще более укрепили у каждого из нас, как и у всех советских людей, уверенность в том, что врагу Москвы не видать, он будет здесь разбит. Так оно и было.

Вскоре состоялся ускоренный выпуск нашего курса. Мы стали офицерами подразделений реактивных установок («катюш»). Меня направили в формировавшийся 85-й гвардейский минометный полк, где в должности командира взвода воевал на Воронежском, Донском фронтах, участвовал в окружении армии Паулюса под Сталинградом. Весной 1943 года получил ранение, а после выздоровления продолжал сражаться командиром батареи в 26-й гвардейской тяжелой минометной бригаде. Войну закончил в Берлине.

Полковник в отставке Л. ГЛУХМАН:

О предстоящем параде мы ничего не знали. В ночь с 6 на 7 ноября подразделения усиленно готовились к выходу на боевое задание. К 5 часам утра все было закончено. По 1-й Мещанской улице (ныне проспект Мира) полк направился к центру города. По пути мы в разных местах встречали баррикады, надолбы и «ежи».

Во время движения командование предупреждало нас, что перед отправкой на боевое задание состоится смотр. Все должны иметь молодцеватый вид, чувствовать себя, как на параде.

Но вот мы прибыли на Красную площадь. Там уже в четком порядке выстроились войска. И только здесь поняли, что примем участие в параде.

Маршал Советского Союза С. М. Буденный объезжал части и поздравлял с праздником. Несмотря на отсутствие тренировки, по площади гремело дружное «Ура!». Твердой верой в грядущую победу прозвучала речь И. В. Сталина. Началось торжественное прохождение войск. Прошагал и наш полк. Многие части прямо с парада направлялись на фронт, на защиту Москвы. Специальную задачу получил и взвод, которым я командовал.

Свое место со взводом в то утро я хорошо запомнил. И сейчас, каждый раз приходя на Красную площадь, стараюсь немножко постоять на том месте, как бы снова пережить незабываемые минуты.

Гвардии младший сержант в отставке А. БУРМИСТР:

Боевое крещение получил под Витебском. Ожесточенные были бои. Враг превосходил в живой силе, боевой технике. Но мы стояли до конца.

В один день получили приказ: прибыть в Москву. Конечно, не предполагали, чем вызвано это обстоятельство. Между тем готовилось большое событие...

Знаменательный день настал. На заснеженной Красной площади выстроились войска. Был здесь и наш артиллерийский расчет. Когда шли к месту построения, воинов приветствовали тысячи москвичей. Кто мог представить, что состоится традиционный парад. А он состоялся! Торжественным маршем прошли мы мимо Мавзолея, испытывая необыкновенное чувство гордости за нашу Родину, горячее желание насмерть сразиться с ненавистными захватчиками.

Я вспоминал то морозное утро 7 ноября 1941 года, парад, изумивший весь мир, когда проходил в составе сводных колонн по брусчатке Красной площади во время исторического Парада Победы в июне 1945 года. И, казалось, рядом идут мои однополчане — артиллеристы, с которыми гнали врага от Москвы до Берлина.

Воспоминания о параде продолжает полковник Г. ШАГУН:

Широко известно содержание речи Председателя Государственного Комитета Обороны и Народного Комиссара Обороны на параде. Многие из переживших войну помнят ее почти дословно и по сей день. Вот и мне осталось памятным: «...Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков—Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Это обращение к героическим страницам нашей истории имело огромное значение для укрепления у всех советских людей чувства Родины, не говоря уже о тех из них, кто находился в сражавшейся Москве, кто стоял в снежное ноябрьское утро перед трибуной ленинского Мавзолея.

...Мне вспоминается возвращение наше после парада по московским улицам. Вдоль тротуаров на всем пути стояли москвичи. Мало мужчин и много женщин и детей. Изредка — старики. Но более всего женщин. Одни из них, глядя на нас, молодых, возбужденных от недавно пережитого, прикрыв платком рот, беззвучно плакали. Другие улыбались, что-то говорили, приветливо махали руками... Дорогие, милые вы наши Ярославны! Как много вас было! Сколькие из вас так и не высушили своих слез, не дождавшись своих мужей! Всю войну и вот уже более сорока послевоенных лет живут во мне ваши бледные большеглазые лица под идущим холодным снегом на тревожных улицах прифронтовой Москвы. На лицах — любовь, верность, надежда!

После ноябрьского парада для нас, курсантов, еще совсем немного учебы и в апреле сорок второго — фронт. Боевая стежка моя протянулась от Мценска до Франкфурта-на-Одере. Военная судьба, оказавшись милостивой ко мне, не пощадила многих из тех, с кем прошли мы по Красной площади 7 ноября 1941-го. Нет Саши Насонова. Нет Сергея Шакая. Нет многих других. Они геройски сложили головы в боях за родную советскую землю, до конца свершив обет, данный на памятном параде.

Правдист военных лет С. ГЕРШБЕРГ:

Идут батальоны пехоты, подразделения войск НКВД, моряки в черных бушлатах, отряды вооруженных рабочих Москвы. Кто с винтовкой, кто с автоматом, кто с ручным пулеметом.

На площади появляются эскадроны кавалерии, а вслед за ней моторизованная пехота. В грузовиках — зенитные пулеметы. Зенитчикам аплодируют особенно дружно, это был тогда, пожалуй, самый популярный в Москве род войск: они охраняли небо столицы.

Площадь заполняется скрежетом и гулом. Появляются танкетки, за ними легкие танки, средние, тяжелые. Эвакуированные на Урал из Ленинграда, из Харькова заводы еще только налаживали их производство. Каждый танк буквально на вес золота. Сколько же их сейчас здесь, на площади? Напрягаю зрение, внимание, боюсь пропустить, сбиться со счета. Не глядя в блокнот, делаю отметки карандашом. Двести черточек в блокноте — двести танков! Эта

цифра казалась тогда колоссальной.

Бывший военный фотокорреспондент Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ:

Редакция «Известий» отозвала меня с Брянского фронта. Когда я приехал в Москву, эшелон с сотрудниками редакции и семьями уже двигался к Куйбышеву. В здании на площади Пушкина осталось человек двадцать, которые и выпускали ежедневно газету. Здесь и жили на «казарменном» положении, спали на раскладушках в кабинетах. Каждое утро от подъезда редакции отправлялись машины с корреспондентами на фронт, а вечером газетчики уже сдавали материал в очередной номер. Участок фронта, к которому я был прикреплен, находился, пожалуй, дальше других — в 54 километрах от Москвы.

Приближались праздники. Шестого ноября в подземном зале станции метро «Маяковская» состоялось торжественное заседание Моссовета. Но никто в редакции не предполагал, что произойдет на следующий день. В ночь на 7 ноября меня разбудили и вызвали к редактору. Он вручил скромный, напечатанный на серой бумаге в одну краску пропуск. Я сохранил этот исторический документ. Вот его содержание: **«Фото кино пресса. Пропуск № 37 Тов. Бальтерманц Д. Н. На Красную площадь в день празднования 24 годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции 7 ноября 1941 года».**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ФОТО КИНО ПРЕССА

ПРОПУСК № 37

Тов. Бальтерманц Д. Н

На Красную площадь в день празднования 24 годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции 7 ноября 1941 года.

Комиссар гос. безопасности 3-го ранга

(ВЛАСИК)

7 ноября 1941 года

Действителен при предъявлении паспорта

Решение провести парад произвело на меня ошеломляющее впечатление. Немецкие разведчики просачивались в район Химок, а на Красной площади — парад!!!

Рано утром, как было всегда в мирное время, кинооператоры и фоторепортеры собрались в помещении Фотохроники ТАСС на улице 25-го Октября. Большинство из нас было в военной форме. Коротали время, обменивались впечатлениями о последних фронтовых съемках. Ждали. Вдруг в дверь вбежал человек с криком: «Что вы здесь сидите? Парад начался!»

Все бросились к площади. Мы бежали и слышали по радио заключительные слова речи: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков...»

Парад начался на час раньше. Я успел сделать только один кадр трибуны. Сказать, что шел снег, это значит ничего не сказать о снегопаде, который буквально буйствовал на площади. Сквозь эту сплошную пелену из крупных хлопьев липкого снега с трудом просматривались Спасская башня, храм Василия Блаженного, ГУМ. Но главная беда заключалась в том, что снег попадал в объективы, и затворы замерзали. А войска все шли. Их уверенный шаг, рев могучих двигателей внушали уверенность. Хотелось снимать и снимать, тем более что погода для фашистов была явно нелетная.

Всех фото- и кинорепортеров собрали и сказали: «Фотографируйте откуда угодно. Ходите на площади, куда хотите (это было только один раз за все время моих съемок), но чтобы через три часа все фотографии, сделанные вами, мы получили».

Телевидения тогда не было, а миру надо было показать, что парад состоялся.

Почему-то в печати о параде 7 ноября появляются фотографии только идущей пехоты. А парад был по полной программе: пехота, кавалерия, артиллерия и танки. Войска с Красной площади уходили прямо на передовую, а тяжелые танки, развернувшись у храма Василия Блаженного, ушли в сторону Химок.

Прошло 45 лет после исторической съемки. Много подробностей ушло из памяти. Но сам парад забыть невозможно.

Вспоминает генерал-полковник в отставке П. А. АРТЕМЬЕВ:

Прохождением танков парад был закончен. Руководители партии и правительства покидали трибуны. С. М. Буденный подозвал меня к себе и передал приглашение И. В. Сталина прибыть к нему на квартиру в Кремль. Так я оказался участником небольшого неофициального приема, который устроил Председатель Государственного Комитета Обороны, и был свидетелем оживленного обмена мнениями по поводу только что закончившегося величественного исторического парада.

Мне было приятно сознавать, что под непосредственным руководством С. М. Буденного я справился с ответственным поручением ЦК партии и Советского правительства...

Из воспоминаний Маршала Советского Союза С. М. БУДЕННОГО:

За свою долгую службу в армии я много раз участвовал в воинских парадах. Приходилось и командовать, и принимать торжественные марши войск. Каждый из них оставил в моей памяти свои незабываемые черты. Но тот был парад особый, парад легендарный. Он хранится в сердцах тех, кто шел тогда по Красной площади перед ленинским Мавзолеем с боевым оружием в руках,— он сохранится в сердцах грядущих поколений... Мне, старому солдату, выпало великое счастье — по поручению ЦК партии и Советского правительства принимать этот исторический парад...

Из мемуаров Маршала Советского Союза Г. К. ЖУКОВА:

Бойцы прямо с Красной площади шли на фронт.

Это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение.

Публикацию подготовил Анатолий САФОНОВ.

«ЕЩЕ ТР

Как-то в квартире московского певца Николая Ляшкевича разговор зашел о событиях гражданской войны. А когда вспомнили о легендарном комбриге Г. И. Котовском, Ляшкевич вдруг произнес: «А я хорошо знаю штаб-трубача Котовского. Это Александр Ерофеевич Лавренюк. Мы вместе выступали в хоре. О нем поэт Михаил Матусовский написал стихотворение, опубликованное в журнале «Огонек». Я сейчас покажу его вам».

Пожелтевший, двадцатипятилетней давности номер журнала все мы перелистывали с живым интересом. Встречи с минувшим никому не бывают безразличны. Вот и подборка стихов поэта. Она начиналась стихотворением «Трубач Котовского»:

Из них уж многих нет
в помине —
С тех пор прошел не день,
не год,—
Но, говорят, еще и ныне
Трубач Котовского живет...

...Не сразу удалось мне после этого любопытного разговора встретиться с бывшим конармейцем знаменитой бригады Котовского штаб-трубачом Лавренюком. Хотя ему за восемьдесят, застать его дома оказалось не так-то просто: то уйдет на репетицию Народного хора ветеранов революции, то отлучится по общественным делам. И вот, наконец, долгожданная встреча состоялась.

Его детство начиналось на Дальнем Востоке. Отец — Ерофей Ефимович — был унтер-офицером, георгиевским кавалером, участником русско-японской войны. Позже отец завел в Харбине лавчонку, стал торговать. Здесь-то, в Харбине, и родился в 1905 году Александр.

— Остались у вас в памяти какие-либо эпизоды из раннего детства?

— А как же! Очень многое помню, и даже, как это не покажется странным, довольно отчетливо. Недалеко от нашего дома находился китайский театр. Я любил туда ходить. Подбирался к сцене и как завороженный наблюдал за игрой нарумяненных, одетых в красивые, яркие шелковые костюмы актеров. Под впечатлением их игры я старался подражать героям пьес — у меня был звонкий дискант. Как-то знакомый китаец услышал мое пение и посоветовал отцу показать меня своим актерам. Вскоре мне стали давать первые в моей жизни музыкальные уроки...

В 1912 году Лавренюки вернулись с Дальнего Востока на родину матери, в Киев. Отец устроил способного к пению сына в двухклассное земское училище. Ему даже доверили петь в церкви на клиросе. Голосом своим Шурка выделялся среди сверстников. И вот однажды учитель Александр Степанович привел на занятие высокого, со строгим лицом, седого человека, одетого в черный сюртук. Это был знаменитый хормейстер Калишевский. Он внимательно прослушал Шуру: «Мальчик даровитый. Голос чистый. Заметьте: у него нет потолка — легко берет все верхние ноты. Не будете возражать, если я возьму его в Софийский собор?»

Уже через несколько занятий Лавренюк пел соло.

Калишевский гордился своим хором, охотно показывал воспитанников приезжим иностранцам.

В 1913 году в жизни Шурки Лавренюка произошло знаменательное событие. В Киев приехали итальянцы. Слушали в соборе вечерню. После службы приезжие о чем-то долго говорили с Калишевским. Вначале он неодобрительно качал головой, потом надолго задумался и, наконец, попросил Шурку сходить за отцом.

«Ерофей Ефимович,— торжественно произнес Калишевский.— Вашему сыну предлагают заключить контракт на выступление в Италии в Миланском соборе. Разумеется, ему сначала предстоит усердно учиться. Может быть, из него выйдет толк. Условия контракта выгодные. Деньги за сына вы будете получать золотом».

Лавренюк-старший согласился.

В Милане Шурку определили к наставнику — учителю пения Миколе Очеретному — благообразному старичку, носившему черную

Г. И. Котовский с трубачами корпуса.

сутану. Миколу самого вывезли из Украины в Италию мальчишкой. Он стал классным педагогом, хорошо изучил итальянскую школу пения. От своих хозяев имел четкие инструкции: до мутации голоса у подростков итальянскому языку их не обучать, чтобы не ушли из собора, прельстившись легкими заработками. Очеретный научил своего подопечного старославянскому языку, разучил с ним произведения, написанные для церковного пения русскими композиторами.

Несмотря на заботливое, сердечное отношение Миколы Очеретного, Шурка с каждым днем все больше грустил по дому.

Мальчик разузнал, что в Россию собирается ехать цирковая труппа, чтобы присоединиться к «Шапито» Чинизелли. Шурка сбежал из Миланского собора и присоединился к труппе. Новый хозяин поручил ему присматривать за лошадьми. Он собирался без потерь провести свою труппу до Петрограда. Шла первая мировая война, но артисты все-таки благополучно добрались до Петрограда. Шурка написал оттуда письмо в Киев и узнал, что остался круглой сиротой.

Мальчишки, прибившиеся к труппе, ухаживали за лошадьми: чистили их, расчесывали гривы, седлали к представлениям. Иногда затягивали песню. Как-то Шурка спел товарищам: «О, гиля, гиля, гусоньки на став...» В этот момент

Киев на поддержку революционных рабочих завода «Арсенал».

— А когда вы попали к Котовскому? — обращаюсь я к Лавренюку.

— Ранней весной 1919 года, но тогда это была еще не дивизия, а небольшой отряд, созданный в Бессарабии. Большинство его составляли местные крестьяне. Ситуация требовала временно оставить берег Днестра и отойти на север. Но многие бойцы не захотели покидать родные места. Отряд распался. Котовский с несколькими верными сподвижниками решил пробиваться в Екатеринослав, чтобы там выработать план дальнейшей борьбы. Я был единственным подростком среди взрослых и не расставался с небольшой медной трубой. Когда-то в юности Григорий Иванович и сам играл в оркестре на корнет-а-пистоне. Теперь ему было не до игры. На Екатеринослав наступали немцы и петлюровцы.

К лету закончилось формирование из партизанских красных отрядов на Украине 45-й стрелковой дивизии. Г. И. Котовский возглавил в этой дивизии 2-ю стрелковую бригаду. Меня комбриг направил в стрелковый полк Федора Криворучко конным разведчиком.

А в марте 1920 года получил я вот какое боевое крещение. После деникинского фронта наших крылатых конников перебросили на польский фронт. Полевой адъютант Котовского Н. Н. Полетаев стал готовить наш взвод в «разъезд», то есть в разведку. Он сказал мне: «Мы тебя, Шура, переоденем пастушком, и ты будешь выдавать себя за хлопчика, потерявшего мать. Нужно хорошо разузнать, какие силы у белополяков на станции Комаровцы».

Стал я пробираться на станцию. Изучил обстановку. Польские офи-

лодию на трубе. И вдруг заметил подозрительное шевеление колосьев в поле неподалеку от пруда. Мелькнули какие-то фигуры. «Поляки»,—молнией пронеслось в мозгу. Труба взметнулась и пропела тревожный сигнал. Бойцы повскакали на коней, сверкая клинками, помчались на врага.

А однажды юный трубач выручил и самого Котовского. Завязался трудный бой с недобитыми петлюровцами. Видя, что в какой-то момент бойцы дрогнули, комбриг на Орлике увлек конницу за собой. Рядом на своем Бельчике скакал Лавренюк. Неожиданно на Котовского налетел гайдамак с пикой. Комбриг успел захватить ее под мышку правой рукой и силился сбросить петлюровца с коня. В мгновение ока Шурка перерубил шашкой пику и помог Котовскому быстро справиться с врагом.

Много эпизодов времен гражданской войны мог бы вспомнить Александр Ерофеевич Лавренюк. Но, пожалуй, главный не изгладится в памяти никогда: Лавренюку от имени Г. И. Котовского была вручена необычная трофейная труба, сделанная из чистого серебра. Надпись на трубе гласила: «1-й батарее 12-й артиллерийской бригады за отличие в войне с Турцией на Кадыкиойских высотах». К духовому инструменту был прикреплен серебряный Георгиевский крест — высший знак солдатской доблести.

Вручая трубу Шурке, командир 2-го кавалерийского полка Иван Макаренко сказал ему: «Труба эта — символ русской славы. Береги ее как зеницу ока, пока жив, не отдавай врагу».

Пораженный абсолютным музыкальным слухом мальчика, Григорий Иванович лично обучал его многим кавалерийским сигналам и воспитывал как своего боевого штаб-трубача.

Сдержанный и немногословный, Котовский-командир оставался для всех требовательным, суровым, но юного музыканта жалел и по-отцовски опекал, часто расспрашивая о прошлой жизни, интересуясь мечтами и планами Шурки. Однажды сказал ему: «Твоя труба, Шурка, зовет бойцов в бой, а придут мирные дни, и ее призыв должен стать совсем другим...»

...Служа в Военно-Морском Флоте, А. Е. Лавренюк окончил в 1927 году Бакинскую консерваторию. В начале 30-х годов становится артистом симфонического оркестра Всесоюзного радиокомитета. Затем его приглашают как одаренного валторниста в Государственный оперный театр в Ростове-на-Дону. В начале войны Александра Ерофеевича направили на военный факультет Московской государственной консерватории, а после — военным дирижером в училище ПВО Военно-Морского Флота.

Много лет Лавренюк дирижировал военно-морскими и гражданскими оркестрами, выступал солистом на валторне в крупных симфонических оркестрах.

Гордится старый штаб-трубач, что любовь к музыке унаследовали и его дети: дочь Нелли — преподаватель в музыкальном училище, старший сын, Эрик, окончил Ленинградскую военно-морскую музыкантскую школу, младший сын, Александр, в прошлом солист балета Большого театра, заслуженный артист РСФСР, ныне дирижер оркестра.

Станислав ГЛУШНЕВ

И НЫНЕ УБАЧ КОТОВСКОГО ЖИВЕТ...»

на конюшне появился акробат Стефани. Услышав красивое пение Шурки, Стефани в восхищении заметил: «Вот что, дружочек! У меня есть хорошие знакомые в военно-морской музыкантской школе, что при 2-м Балтийском гвардейском флотском экипаже. Устрою тебя туда в хорошую капеллу».

По сложившейся в школе традиции морские офицеры-музыканты воспитывали учащихся в своих семьях. Сирота Шурка Лавренюк попал к валторнисту Николаю Михайловичу Нагорнюку. Разумеется, кроме занятий в капелле, мальчика стали обучать игре на валторне.

Наступил исторический 1917 год. После свержения царского режима старшие воспитанники участвовали в охране мостов через Неву. Среди них неизменно находился и Шурка Лавренюк. Не по годам рослый, плечистый паренек держался солидно, как взрослый, не пасовал в трудных ситуациях. Когда был отдан приказ штурмовать Зимний дворец, курсанты присоединились к вооруженным матросам-балтийцам. В штурмовую группу, которая брала левое крыло Зимнего, попал и Лавренюк... За смелость его даже похвалил командир группы. После взятия Зимнего дворца красногвардейский отряд, где Шуру оставили музыкантом, направили в

церы и солдаты везде пили, гуляли. Однако главные силы, видимо, находились в Волковинских хуторах. Подъехали к хуторам — тишина. Спешились. Я ползком подобрался к избам. Вижу, стоит батарея из четырех орудий. Охраны никакой. Я сообразил: снял с двух орудий замки — один бросил в кусты, другой донес до своих. Командир разведки Никита Лебеденко похвалил, но сказал: «Шпарь назад, сними чехлы у остальных пушек, насыпь в стволы песку. Надень снова чехлы и быстро возвращайся».

Через несколько часов котовцы ворвались в Волковинские хутора, и выведенная из строя батарея не оказала никакого сопротивления красной коннице. За этот подвиг Г. И. Котовский подарил Шуре бельгийский браунинг.

Юного трубача уважали все в бригаде, а заслужить такое отношение можно было только личной отвагой. И не один раз проявлял ее Шурка Лавренюк.

В мае 1920 года кавалерийская бригада Котовского готовилась к наступлению у местечка Ольшанка. Стояли жаркие весенние дни. Бойцы решили выкупать лошадей, да и сами поплавать в большом ольшанском пруду. Выставили за ржаным полем дозор. Шурка-трубач освежился первым. Забрался на пригорок погреться на солнышке, тихонько выводя маршевую ме-

Александр Ерофеевич Лавренюк вспоминает...

Начало см. на стр. 6.

лось, что их идеи могут привиться на русской почве. Их власть — сильная власть. Они знают, чего хотят. Я так и сказал новому министру...

— Народному комиссару...— поправил Покровский.

— Я совсем не знаю, почти абсолютно никого не знаю... из ваших деятелей...— сказал я,— но чувствую в воздухе присутствие сильной власти. Если революция не создаст диктатуры — вступим в смутное время, которому ни конца, ни края не видно... Вам нужна железная власть и против врагов, и против эксцессов революции, которую постоянно нужно одевать в рамки законности, и против самих себя.

— Вы так и сказали: «железная власть... против самих себя»? — изумился Лопухин.— И вас никто не отправил на Гороховую?

— Как видите,— улыбнулся Анатолий Федорович.— Я сказал господину Луначарскому и о том, что в быстро организующемся правительственном аппарате, который должен охватить всю землю от Петербурга до последней деревушки, всегда попадается много сора. Придется, сказал я, резко критиковать самих себя. А сколько будет ошибок, болезненных ошибок, ушибов о разные непредвиденные острые углы! И все же я чувствую, что действительно огромные массы приходят к власти...— Он замолчал. Вынул из кармана портсигар, раскрыл его. Там лежали аккуратно разрезанные пополам сигары.— Угощайтесь, господа. Бесценный мой друг, Елена Васильевна, отдала за сигары библию с рисунками Доре...

Но ни Лопухин, ни Покровский не потянулись за столь большой редкостью. Владимир Борисович достал из нагрудного кармана папиросу, продекламировав: «Папироска, друг мой тайный, как тебя мне не любить...»

— «...Не по прихоти ж случайной стали все тебя курить»,— подхватил Кони и с удовольствием пустил колечки дыма.— Еще маленьким мальчиком я слышал эту песенку у себя дома. Как хорошо ее пела Дарья Михайловна Леонова! Вам это имя, конечно, ни о чем не говорит?

— Ну как же,— откликнулся Лопухин.— Прима Александринки.

Покровский, сосредоточенно что-то обдумывающий, вдруг сказал:

— Если бы у правительства нашего последнего монарха была государственная воля, железная воля, о которой вы изволили сказать господину комиссару, и желание консолидировать общество, трагедии бы не произошло.

— Правительство делало все, чтобы возбудить неудовлетворенность и раздражить интеллигенцию,— сердито сказал Кони.— Чтобы вызвать в ней жажду крушения строя! А надо было разумно воспитывать народ в идеях справедливости и порядка. А теперь все идет прахом. Народ чужд всему, кроме мысли о земле. Русскому человеку нечего беречь. Это еще Достоевский сказал.

— Как это? — пожал плечами Покровский.— А наша история, наши культурные ценности?

— Русский народ был всего лишен!

Хозяйка принесла на веранду поднос с чаем. Мило улыбнулась:

— Господа, неужели не о чем больше поговорить? Политика, политика, только политика...

4

...Но жизнь преподносила и приятные сюрпризы — с Урала, с Каслинского завода, приехали в Петроград рабочие, разыскали Кони и преподнесли большой бюст Пушкина каслинского литья и мешочек муки. Анатолий Федорович был растроган, долго не мог справиться с волнением. Потом вместе пили чай в холодной гостиной. Рабочие вспоминали, как Кони помог им в сенате выиграть дело против заводчика, захватившего издавна принадлежащую им землю.

Кони слушал рассказы о переменах на заводе, о трудных первых шагах, о том, как выручали рабочих и их семьи эти, с боем вырванные у хозяина клочки земли в самое голодное время, и думал: «Сколько в моей жизни было событий куда более значительных, чем дело каслинцев, о котором я уже и думать забыл, а для этих серьезных, судя по всему умудренных опытом, и каких-то очень деликатных во всем людей победа над заводчиком, получение земли — событие. Нет, не может быть мелочей, когда имеешь дело с людьми!»

В конце 1918 года Анатолия Федоровича пригласили читать лекции в Петроградском университете.

«Господину Ректору Петроградского университета. 28 ноября 1918 г. Имею честь представить, что Юридический Факультет в заседании 25 ноября с. г. единогласно постановил пригласить почетных членов Университета А. Ф. Кони и Н. С. Таганцева войти в состав преподавателей...»

«10 апреля 1919 г. Профессору Первого Петроградского Университета Анатолию Федоровичу Кони. Согласно извещения Правления Совета Ученых Учреждений и Высших Учебных Заведений от 5 сего апреля сообщаю, что Вы зачислены на усиленный продовольственный паек...

Продукты будут выдаваться в распределительном пункте Комиссариата Народного просвещения (Аничков дворец, кв. 15, первая парадная с Фонтанки...) Обращаться следует к Николаю Никол. Шлейферу или Павлу Яковлевичу Орлову...»

И приписка на обороте: «Продукты можно получать начиная с четверга 10-го апреля... Хлеб будет выдаваться раз в неделю. Распределительный пункт просит взять с собою посуду для подсолнечного масла. Ректор Университета А. Иванов».

Не густо, но уже кое-что. Вся страна жила тяжело. Многие не имели даже такого пайка.

В то жесткое, напряженное время, когда люди, волею судьбы оказавшиеся «не у дел», были вынесены стремительным революционным потоком на обочину истории и — кто на долгие годы, а кто навсегда — исчезли из поля зрения,— имя Кони постоянно оставалось «на слуху». Его опыт, его знания оказались очень нужными для подготовки молодых кадров Республики. Ему, бывшему сенатору и члену Государственного Совета, доверили одно из самых ответственных дел.

«От прежних званий не осталось ничего,— писал Кони И. Д. Сытину,— а профессура, когда-то утраченная, казалось, навсегда, вернулась в изобилии».

Не забывали об Анатолии Федоровиче и друзья. На огонек,— зачастую в те годы «огоньком» являлась свеча или керосиновая лампа — в его квартиру заглядывали Шахматов и Модзалевский, Чуковский и Магазинер, Зарудный и Брянский. В большой, нетопленой квартире, укрывшись пледом, читал он им свои новые работы. Елена Васильевна Пономарева угощала чаем — роскошь, которую могли в то время позволить себе не многие. Но гости Анатолия Федоровича знали, что стоит за этой «роскошью». Одна за другой исчезали из квартиры ценные вещи, принадлежащие самой Елене Васильевне,— картины, мраморные скульптуры, книги. Исчезали редкие издания из библиотеки Кони.

...«1920 г. 1.7. Счет

За уступку мною Пушкинскому Дому... бюста вел. кн. Елены Павловны старинной работы следует мне получить три тысячи рублей. Почетный академик А. Кони...»

Для того чтобы представить, чем являлись в то время три тысячи, приведем еще одну расписку: «За переноску книг из дома № 10 по Моховой улице в Пушкинский Дом заплачено А. Гуляеву 1000 руб.».

Кони старался выглядеть спокойным, никогда не жаловался на лишения, но какие мучения ему приходится испытывать, добираясь к своим студентам.

Анатолий Евграфович Молчанов — А. В. Луначарскому:

«Дорогой Анатолий Васильевич.

Позвольте привлечь Ваше внимание на следующее обстоятельство:

10-го февраля (28 января старого стиля) текущего года исполняется 75 лет со дня рождения красы и гордости нашей — Академика А-я Ф-ча Кони.

Этот редкостнейший человек, несмотря на свой преклонный возраст и тяжелое болезненное состояние, продолжает самоотверженно отдавать всего себя общественно-педагогической деятельности. Сохранив полностью свежесть ума и духовную бодрость, выдающиеся способности, он неустанно пребывает на посту учителя подрастающих поколений, которым он, со свойственным ему замечательным талантом, передает свои обширные научные знания и сведения, добытые многолетним громадным опытом и долг. безупр. труд. жизни. Свой подвиг А. Ф. Кони несет скромно, тихо, в твердом убеждении, что в этой просветительской работе на пользу общества и заключается вся сущность его личного существования. Помимо того, сама жизнь его и деятельность являются поучительным примером и образцом безукоризненного служения высшим идеалам правды и справедливости.

И вот, восхищаешься доблестями А. Ф. Кони, а между тем сердце кровью обливается при одной мысли, как этот немощный старик отправляется почти ежедневно исполнять свои громадные обязанности, читать свои лекции в Университете или в другом учреждении и принужден ползти пешком, при помощи двух костылей, с Надеждинской на Васильевский остров, или, с опасностью для жизни, пытаться вскочить в переполненный вагон трамвая. Ведь это — прямо ужасно. Неужели в богатом конюшенном ведомстве не найдется кого-нибудь, хотя бы самого скромного, средства передвижения для такого лектора, для такого выдающегося деятеля, как Кони. Казалось бы, что в данном случае допустимо даже исключение...

А. Ф. Кони не подозревает о моей просьбе, которая является тайным заговором против него. Вы себе представить не можете необыкновенную скромность этого большого человека...

Удивительная безсеребрян(ость) А. Ф. Кони вошла в поговорку. Но в настоящее время он, лишенный пенсии, переживает очень тяжелые минуты в борьбе за существование... Но с каким стоическим спокойствием и кротостью переносит этот немощный старик выпавшие на его долю материальные лишения — прямо удивительно, молча, не жалуясь, продает он потихоньку том за томом свою ценную библиотеку, которую собирал всю жизнь».

В конце своего письма Молчанов пишет о роли Кони в деле Веры Засулич. И добавляет: «Кто на его месте не построил бы в те времена своей карьеры на этом».

Бричка профессору Кони была предоставлена.

К. И. Чуковский рассказывал в своих воспоминаниях о том, что кучер этого экипажа, предоставляемого, кстати, не всегда регулярно, чтобы скоротать время в ожидании своего седока, стал посещать его лекции и так увлекся ими, что однажды с величайшим одобрением сказал Анатолию Федоровичу: «Ты, брат, я вижу, свеща!»

Молодому Чуковскому Кони помог в работе над книгой о Некрасове — передал ему архив поэта, полученный от его сестры. Правда, одна из статей Чуковского доставила Анатолию Федоровичу и серьезное огорчение — он не мог простить Чуковскому неразборчивости в освещении фактов из частной жизни поэта. Он сам исповедовал совсем иные принципы.

«Не нравится мне и двусмысленная статья Чуковского «Некрасов и деньги», несмотря на весь талант, с которым она написана. Как хочется всем этим господам напомнить стихи Боровиковского: «Ты рассмотрел на солнце пятна и проглядел его лучи!»

В письме к своему приятелю профессору А. И. Садову в июле 1922 года Кони писал:

«...Моя вина единственно в том, что я писал всегда л ю б я того, о ком писал, находя, что нужно изображать не преходящие и случайные недостатки человека, а то прочное, глубокочеловеческое, что в нем проявлялось или таилось. Теперь смотрят на задачу биографа иначе, откапывая, с заднего крыльца, всякую житейскую слабость или недостаток и смешивая частную жизнь человека с его общественной, научной или литературной деятельностью...»

5

В конце 1918 года при театральном отделе Народного Комиссариата Просвещения был открыт Институт живого слова, принципиально новое по своим задачам высшее учебное и научно-исследовательское заведение.

На его общем, обязательном для всех отделении изучали науки о звуке, о слове, технику слова и ряд общих дисциплин. Затем начиналась специализация на ораторском, педагогическом, словесном и театральном отделениях. Изучали, например, влияние войны и революции на русский язык.

Институт этот был детищем Луначарского. Преподавать в нем пригласили К. Л. Зелинского, С. Ф. Ольденбурга, Л. В. Щербу, Е. И. Тиме, Ю. М. Юрьева, В. Э. Мейерхольда. Одним из первых получил приглашение читать в институте Анатолий Федорович — на общем отделении он читал курс «Этика общежития».

15 ноября на Дворцовой набережной, 26, в бывшем великокняжеском дворце, состоялось торжественное открытие института. Выступая с речью, нарком просвещения поставил задачу «...учить говорить весь народ от мала до велика». «Социалистический строй,— сказал Луначарский,— должен выпрямлять всякого рода искалечения, нанесенные капитализмом; нужно прежде всего вернуть человеку его живое слово... При социалистическом строе произойдет гигантский расцвет речи...»

Первые лекции и практические занятия начались 20 ноября на бывшей Знаменской улице, в доме 8, в бывшем Павловском институте. Директором назначили В. Н. Всеволодского-Гернгросса.

Анатолий Федорович был рад, что ему с Надеждинской до института было рукой подать — не то что тащиться на своих костылях «К Василию» — в Университет на Васильевский остров.

Работа в институте давала ему чувство глубокого удовлетворения. Ему казалось, что знание этики человеческих отношений, нравственных обязанностей каждого человека по отношению к обществу и общества — по отношению к каждому своему члену поможет его молодым, и не только молодым (возраст студентов не был ограничен), слушателям в будущем выбрать верную позицию в жизни. Он вкладывал в лекции весь свой богатейший опыт общения с людьми, все свои энциклопедические знания и, главное, свои нравственные принципы. Увлеченность Анатолия Федоровича, отсутствие всякой позы и догматического начетничества, его искреннее стремление дать все, чем обладает он сам, его глубокая вера в то, о чем он говорил с кафедры, вызвали ответную волну глубокого уважения, даже почитания и любви со стороны студентов.

Он рассказывал своим слушателям о взглядах Льва Толстого и Достоевского, говорил об этике личного поведения и литературной этике. Об этике судебной, общественного порядка и экономической. «Собственно говоря, это не были «лекции» в обычном понимании слова, это был скорее рассказ «бывалого человека».

Старый, небольшого роста, немощный на вид, совсем седой человек... читал лекции без всяких внешних эффектов, без блеска, без открытого проявления бурных эмоций, без «ораторских приемов... Но ни на чьих лекциях не бывал так переполнен зал... Никто не захватывал аудитории с такой силой». А ведь его слушателями были и девочки с косичками, не закончившие еще среднюю школу, и люди солидные — бывшие адвокаты, лица, имевшие опыт политической работы, авторитетные специалисты в различных областях знания.

Н. Галанина, учившаяся у Анатолия Федоровича и в 1974 году передавшая свои воспоминания об Институте живого слова в Пушкинский Дом, рассказывает, что после окончания занятий всегда кто-то из молодых людей бежал искать для Кони извозчика. В те годы проблема эта была не из легких. Другие студенты помогали Анатолию Федоровичу спуститься с лестницы, подавали ему пальто. Если к тому времени извозчика изловить так и не удавалось, шли провожать Кони домой.

«А. Ф. Кони был всем дорог, и каждому было приятно довести его, слабого физически, но такого сильного духом, по опустевшим тогда, темным петроградским улицам до самого дома. Шли мимо мрачных домов с закрытыми подъездами и воротами; мимо заколоченных досками окон магазинов; по улицам, на которых не горели фонари и не светились окна домов.

Провожали А. Ф-ча не какие-нибудь 2—3 человека, а, по крайней мере, десяток студентов, чтобы предохранить его от всяких случайностей: от неожиданных толчков, ям и проч... Защитить, в случае необходимости, от нападения «прыгунчиков».

В те трудные годы было в Петрограде холодно, голодно, темно, пустынно, и трамваи почти не ходили. Об этом стоит вспомнить, чтобы оценить заботу студентов об А. Ф. Кони».

В. И. Ленин. Петроград, Смольный, 31 января 1918 года.

ЗРИМАЯ ПАМЯТЬ ОКТЯБРЯ

Свыше миллиона реликвий, которые рассказывают о различных этапах революционной борьбы, о великих завоеваниях Октября, хранятся в фондах Центрального музея Революции СССР.

Особенно впечатляет уникальная коллекция документальных фотографий, собиравшаяся с большой тщательностью на протяжении многих лет. Здесь оживают страницы истории рождения нового мира. В коллекции — работы крупнейших мастеров, а также неизвестных фотографов. И каждая из фотографий неповторима, каждая глубоко волнует...

Вглядимся пристальнее в эти моментальные отражения той легендарной эпохи.

...10 октября 1917 года в Петрограде под руководством Владимира Ильича Ленина состоялось историческое заседание ЦК РСДРП(б), которое приня-

Вооруженная охрана Смольного в октябрьские дни.

Группа красногвардейцев Железнодорожного района Москвы в дни октябрьских боев у Красных ворот.

Красногвардейцы на уборке Кремля.

ло резолюцию о необходимости вооруженного восстания. Штабом восстания стал Смольный институт.

В 9 часов 40 минут вечера 25 октября ударила шестидюймовка «Авроры», затем стреляли пушки с Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости. Боевые корабли, в том числе и «Самсон», ожидали на рейде сигнала к началу восстания.

Баррикадные бои шли в эти дни в Москве. Первое крупное вооруженное столкновение произошло между двинцами и юнкерами на Красной площади 27 октября. Утром 28 октября контрреволюционерам обманным путем удалось захватить Кремль. Но уже через три дня по приказу Военно-Революционного Комитета началось наступление. На улицах города шли артиллерийские бои. Многочисленные разрушения на улицах Москвы были зафиксированы на фотографиях и открытках. Особенно тяжелые бои происходили в районе Никитской, у «Метрополя»...

В ночь на 2 ноября начался обстрел Кремля, а на рассвете следующего дня красногвардейцы ворвались в древнюю цитадель столицы. Победа революции была достигнута ценою больших жертв.

А. Лопухов. Род. 1925. ВИХРЬ ОКТЯБРЯ. 1975—1977.

Н. Никонов. 1889—1975. ВЪЕЗД КРАСНОЙ АРМИИ В КРАСНОЯРСК В 1920 ГОДУ. 1923.

Д. Налбандян. Род. 1906. ВИД НА КРЕМЛЬ. 1983.

Автомобиль с вооруженным отрядом Красной гвардии.

Группа красногвардейцев и солдат у Смольного за проверкой пропусков.

Посмотрите, какой решимостью дышат лица красногвардейцев, сокрушавших последние очаги сопротивления контрреволюции. И вот они же на редкой фотографии, еще не остывшие от жестоких схваток с врагом, дружно приводят в порядок территорию Кремля. Первые шаги победившего Труда, за которыми уже угадываются ленинские коммунистические субботники.

...И по-прежнему летит сквозь Время летучий петроградский отряд Красной гвардии, как бы призывающий нас: «Революцьонный держите шаг...»

А. БУТОРОВ, лектор-экскурсовод Центрального музея Революции СССР

Фотографии, опубликованные без указания даты, относятся к октябрю—ноябрю 1917 года.

ЧТО ЧИТАТЬ?

Начинаем публиковать обзоры «толстых» литературно-художественных журналов. Слово — критику Татьяне ИВАНОВОЙ, которую читатели, возможно, знают по публикациям в газете «Советская Россия», журналам «Новый мир», «Наш современник», «В мире книг» и другим.

Никакой журнальный обзор, естественно, не может претендовать на полноту — критик останавливается только на том, что привлекло его внимание. Мы надеемся также, что наши читатели не ждут от обозревателя беспристрастности: беспристрастная критика не бывает интересна, как не бывает ни в литературе, ни в искусстве интересным хоть что-нибудь, не окрашенное живым чувством.

Редакции было бы полезно знать читательское мнение и об обзорах, и о тех произведениях, по поводу которых наш обозреватель высказывает свою точку зрения. У Татьяны Ивановой огромная переписка с читателями, присылающими отклики на ее статьи, опубликованные в разных изданиях. Письма помогают ей вести разговор так, будто собеседники сидят рядом за столом и смотрят в глаза друг другу. Нам хотелось бы и в «Огоньке» сохранить и развить эту традицию — переписки читателя с критиком о литературе.

Разумеется, мы не ждем от вас только писем, поддерживающих нашу точку зрения. Вы должны быть уверены, что к письмам, в которых вы выскажете и несогласие с нами, мы отнесемся с полным вниманием и уважением.

Татьяна ИВАНОВА

ВЕРИТЬ САМИМ СЕБЕ

Письмо моему читателю (лично).

Наверное, Вас удивила приписка «лично». Дело в том, что я сначала вообще полагала обойтись без этих тяжких подробностей, не хотела рассказывать о том зле, с которым новые поколения (верю!) никогда не столкнутся. Я пишу Вам лично потому, что Вы обязаны знать все, без утайки.

«Роман Коли Пустырева Вы не найдете никогда, он сам, своими руками в моем присутствии сжег рукопись, оба экземпляра. Николая оклеветали. Один негодяй написал донос, в котором называл Колин роман «поклепом» на нашу действительность, на нашу жизнь, становившуюся все лучше и веселей... Потом, много лет спустя, он объяснял свою «роковую ошибку» политической близорукостью... Кровь леденеет, когда понимаешь, от каких ничтожеств порой зависит судьба талантливого и поэтому беззащитного человека.

Колю уволили из школы, исключили из комсомола, а после разговора со следователем он сжег рукопись, искренне считая, что роман был ошибкой. Когда Колю записали в ополчение, он радовался и считал, что его простили и дали право искупить вину на поле боя. Теперь наша мудрая партия жестко осудила тогдашние перегибы, и мы понимаем: никакой Колиной вины или ошибки не было.»

Может быть, мы с Вами, товарищ читатель, все-таки ничего не должны рассказывать об этом нашим детям: пусть это будет наш с Вами заговор доброты, наша святая ложь...

Правда, меня смущает одно обстоятельство. На днях классный руководитель девятого класса ознакомился с таким человеческим документом: «Заведующему районо тов. Шумилину Н. П. Уважаемый Николай Петрович! К Вам обращаются учащиеся 9-го класса 973-й школы. В нашем классе произошел возмутительный случай... Учитель физики... Директор школы, поддерживающий с учителем физики внеслужебные отношения, во всем обвиняет... Просим Вас разобраться и восстановить социальную справедливость...»

Дальше шли подписи.

Вот такое наши дети написали коллективное письмо на своего учителя, на директора школы. Вдруг да потому, что мы хранили вокруг них заговор доброты, подносили им святую ложь?..

Вдруг да вообще не бывает святой лжи?..

Но как же тогда «честь безумцу, который навеет»? Как же «тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман»? Как тогда все это понимать?

...Я тоже с самых первых слов обманываю читателя. Делаю вид, что написала ему личное письмо, а на самом деле с малыми пропусками перепечатала его из журнала «Юность», из сентябрьского номера. Дело в том, что нам необходимо поговорить о повести Юрия Полякова «Работа над ошибками». Именно с нее начать разговор о журналах. Потому что много я прочитала журналов, много проблем, фактов, обличений, самых злободневных и острых, встало передо мной с их страниц, но, может быть, нужнее всех обличений и фактов для нас с вами сегодня тот разговор, который начинает молодой писатель в своей совсем маленькой повести.

Можно ли приступать к выполнению следующего задания, пока не сделана работа над ошибками? Любой учитель скажет вам сразу: нет, ни в коем случае нельзя, потому что толку не будет.

«Приписки начинаются в школе, остальное только следствие». Так ставит вопрос Поляков.

Круто? Крутовато, конечно.

Велика ли беда, что ученики в старших классах плохо читают? Так ли уж страшно, что дефицитно одетые мамы и папы частят в школу, охмуряя учителей? Велик ли грех в том, что шедевр, над которым Гете трудился шестьдесят лет, мы «проходим» за полтора часа?

Если бы вы спросили меня, я сказала бы вам: да, конечно, все это очень плохо, все это надо менять и перестраивать без промедления. Но в самую первую очередь, самым решительным образом и без малейшего промедления надо думать об иной перестройке.

Униженная мысль — вот главная беда школы.

Приписки, которыми озабочен Поляков, школьные приписки, которые высветила его повесть, относятся к сфере ума и души. Школа должна растить граждан. Нам, нашей жизни, нашему общему делу, нашей идее — высшему достижению человеческого разума за всю его многовековую историю — нам необходимо видеть свое юношество честным, гордым, прямым, независимым, сильным. В глазах — ни тени искательства, в поступках — ни намека на рабство: ни лжи, ни лицемерия, ни приспособленчества, ни лести, ни угодничества, ни корысти, ни халтуры, ни трусости, ни хамства, ни жестокости, ни предательства. Только спокойствие, сила, независимость, разум, доброта в глазах.

Все начинается с приписок в школе, остальное — только следствие. Вместо того чтобы раскрепостить мысль, школа закрепощает ее — и в этом главный порок воспитания. Как это происходит, почему — вот над чем думаешь, читая повесть «Работа над ошибками». И что же нужно сделать, каким идти путем, чтобы решительно изменить ситуацию, чтобы перестроить работу школы.

— Реформа начинается с учителя! — провозглашает тренированный демагог.

— Реформой могут назвать или не назвать какое-нибудь событие потомки или историки,— отвечает ему повесть.— Все остальное — мероприятия.

Время правды, гласности, раскованности, критики... А дети пишут то самое коллективное письмо... Кто виноват?

Разве граждане, воспитанные в обстановке демократии и уважения к ней, пойдут таким путем? Есть партийная организация, комсомольская организация, есть коллектив учителей и коллектив учеников, есть взаимное доверие и уверенность, что ничье человеческое достоинство не будет унижено, есть коллективный разум, наши традиции, товарищество, братство. Есть все это в школе или нет? Ну? Если они способны ставить свои закорючки под словами «поддерживают внеслужебные отношения»?

Я хочу сказать, что нам надо всем по-братски, дружно делать работу над ошибками. Это ошибка, когда мы по доброте душевной, по каким-либо еще уважаемым и понятным причинам лжем сами себе и друг другу на глазах у детей, и дети заражаются микробом лжи. В момент прозрения молодой педагог прочел ребятам письмо о несчастном, оклеветанном Коле, о том, как сжег он свою рукопись, которой, может быть, и по сей день зачитывались бы мы с вами. И до них что-то дошло, до наших перекормленных детей, в которых зрелости на три аттестата, в них что-то очнулось, встрепенулось, дрогнуло что-то. Они отдали учителю свою «эпистолярную подлость»: решили не посылать.

Много я прочитала журналов, а думается все о «Работе над ошибками», все о ней. Может надо бы критику говорить о композиции, образах, сюжете и фабуле, но я легко оставляю это другим и, советуя вам, товарищ читатель, обратиться к этому произведению, остаюсь в уверенности, что оно и вас подтолкнет к раздумьям. А разве не это лучшее, чего можно ждать от чтения?

Но вы вправе спросить меня, почему, когда опубликованы произведения Василия Белова, Чингиза Айтматова, я толкую вам о маленькой повести Юрия Полякова. Я отвечу вам так: знаменитых вы не пропустите и сами. Моя забота, как всегда, о том, чтобы вы не просмотрели тех, чьи имена по устам не порхают, в традиционные обоймы имен не входят. Дали оглядеть можно не только с Монблана или Эвереста, но и с сотен других вершин. Да с самой высокой и даль бывает слишком далека, собственный дом станет точкой, его уж и не разглядишь, и вглядываться будет неинтересно.

Разумеется, мы поговорим с вами и об Айтматове, и о Белове, если вы сами почувствуете эту необходимость, захотите услышать мнения критиков, высказать свои собственные. А сейчас все-таки давайте о другом.

Кажется, кому, как не журналам, кому, как не литераторам, в первую очередь понять, сердцем принять необходимость и суть перестройки. Ведь писатели всегда были у нас самыми чуткими, самыми глубоко страдающими за свой народ людьми. И вот вместо того, чтобы деятельно желать людям добра, сострадать им, стремиться обнажить проблемы, вы-

яснить причины неудач, литераторы начинают наводить тень на плетень, заниматься демагогией, плести словеса, загадывать кроссворды... Без газетной суеты и торопливости писатель имеет возможность разобраться в деле, не считая словечка к словечку, может написать — простор ему. А он пишет банальности, а он лицемерит, и хитрит, и правду утаивает...

Примеры плетения словес? Пожалуйста. «Звезда» № 7, серия рассказов молодого прозаика Н. Коняева. Это не рассказы на самом деле, а какие-то наброски, может быть, страницы из записных книжек. Но разве мы так бедны прозой, что вынуждены публиковать страницы из записных книжек начинающих прозаиков, отдавая им на это семь журнальных полос?

В последнее время часто и с разных трибун говорили о так называемой «секретарской литературе»: слишком много, мол, издаются секретари писательского союза, слишком нетребовательны к их произведениям в редакциях. Но, ей-богу, не секретари у нас по этой части в лидерах, нет, совсем другие люди.

Вот есть у нас писатель Руслан Киреев — я не знаю более знаменитого писателя. Почти каждый журнал открываешь и видишь или его собственную публикацию, или статью, где он упоминается. Пожалуйста, «Звезда» № 8. Роман «Кровли далекого города». Скорость, с которой этот писатель пишет романы, прямо непостижима. Публикуют их, по-моему, даже не с той же скоростью, а с ускорением. Почему? Это загадка века.

«Кровли» скучны до отчаяния. Главный герой настолько неправдоподобен, не похож на живого человека, а похож на гомункулуса, выращенного в пробирке, что писатель и сам понимает, что жить это существо не может. Он убивает его на первых же страницах, в самое, что называется, утро жизни, и дальше начинает о нем вспоминать. Вспоминать, естественно, нечего. В ход идет все когда-то слышанное, читанное, виденное, без всякой объединяющей мысли.

Загадки, даже если это загадки века, хочется разгадать. Не потому ли журналы так охотно публикуют произведения Киреева, что в них есть и некие намеки на печаль, на подтекст, на многозначительность с виду простых эпизодов? А язык у него вполне литературный, а герои его как бы и очень непросты, а признаки быта точны и подробны.

Эх, как не публиковать! Тем более что это никогда никого не зацепит, не взволнует и не согреет. Потому что намеки-то есть, а печали-то нет. И подтекста, и многозначительности тоже на самом деле нету. И язык, хоть и вполне литературный с виду, а ведь на самом деле никакой, грамотный если только, но не более, не более.

Хотите примеры кроссвордов? Пожалуйста. Некоторые из вас, видимо, прочитали уже в седьмом номере «Знамени» повесть Галины Шерговой «Светка — астральное тело» и повесть Сергея Абрамова «Новое платье короля» в седьмом номере «Октября». Это повести о жизни нашего «высшего света», щедро удовлетворяющие любопытство по части подробностей этой жизни. Они, особенно это относится к первому произведению, полны подсказок, намеков на реально существующих людей — известных. Кто хочет, может попытаться угадать. Игры такого рода у нас сейчас очень распространены. Некоторые писатели щедро отдают свой талант этому занятию, многие журналы охотно потребляют их продукцию.

Есть бродячие сюжеты: надо было бы кому-то взять на себя труд да и опубликовать их полный список, он не займет много места. Один из самых популярных — встречаются после большого перерыва бывшие одноклассники. Одни, естественно, до неузнаваемости изменились, другие, наоборот, усугубились в самой своей сути. Простак, добряк, подлец, карьерист, толстяк, влюбленный, кокетка... Ну, и так далее. Любой мало-мальски искушенный читатель заполнит фабульную пустоту по своему усмотрению и будет прав. Мне попались таких повестей целых две: в седьмом номере «Молодой гвардии» — «Зачем приехал...» Е. Туинова и в «Просторе» № 7 — «Друзья и подруги детства» Г. Корниловой.

Второй любимый сюжет: стихийное бедствие (пожар, наводнение, авария) — и в свете его все проблемы нашей жизни. В «Звезде» № 7 это «Ледоход» В. Смирнова, в «Полярной звезде» — «Случайный отстой» В. Авдеева, в «Нашем современнике» № 8 — «Дамба» В. Мазаева. Случай тот же, что и с разведенными жизнью одноклассниками. Рассматривайте заголовки как сюжет и заполняйте фабулу по своему усмотрению. У вас все получится: проблемы нашей жизни вам известны, а литература во всех трех произведениях на нуле.

Надо сказать, что с нею, с литературой, в журналах последних месяцев вообще не так уж и хорошо. Встречается куда больше ее, так сказать, косвенных, чем прямых, проявлений. Хотелось бы, например, чтобы читатели не пропустили в журнале «Москва» № 6 публикацию В. Лаврова «Высоко нес я стяг любви...». Это о Бунине — письма, дневники, воспоминания, новые материалы. При подготовке материала к печати в журнале, к сожалению, неизвестное не было тщательно отделено от известного. Но все-таки есть и новое. Да и то, что было раньше опубликовано о Бунине, ведь не так широко доступно. Я сделаю для вас, товарищи читатели, несколько выписок из этого материала.

Вот фраза из дневника Веры Николаевны Муромцевой-Буниной: «Литература — это в некотором роде хранительница России». Вот любопытная запись самого Ивана Алексеевича: «Люди спасаются только слабостью своих способностей,— слабостью воображения, недуманием, недодумыванием».

Еще страничка из его дневника: «Тот, кто называется «поэт», должен быть чувствуем, как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т. д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и проч. На что же мне нужны излияния души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным? Вообще раз писатель сделал так, что потерял мое уважение, что я ему не верю — он пропал для меня. И это делают иногда две-три строки...»

Всегда радуюсь, убеждаясь, что лучшие наши писатели — участники наших сегодняшних споров и дискуссий, наши современники и сограждане, в какое бы время ни жили на свете.

В «Звезде» № 7 статья Анатолия Конгро «Характер для открытия» читается с не меньшим интересом, чем хороший роман. Главный герой Митрофанов — доктор наук, лауреат Ленинской премии, профессор. Много лет назад он изобрел «групповую технологию» — важнейшую штуку для современного производства. Был секретарем Ленинградского обкома партии по промышленности, пытался внедрить изобретение. Но тогда ничего у него не вышло. Сейчас изобретение «групповой технологии» приписывается западным ученым, мир буквально вцепился в него. А тут явный наш приоритет, у нас оно могло пойти еще тридцать лет назад. Могло, да не пошло. Удивительно мы бываем консервативны.

Судьба изобретателя необычайна, характер уникален. Познакомиться с ним — значит обогатить свою память знанием о замечательном соотечественнике.

Из небольшой заметки о выдающемся нашем переводчике М. Лозинском тоже сделаю коротенькую выписку для вас. Это собственное наблюдение переводчика, опыт и знания которого были настолько обширны, что словам его надо внимать с почтением. Вот что он говорил о языках: «У громадного числа слов чужого языка нет точных соответствий в нашем языке (это относится ко всем языкам): существительные охватывают несовпадающие круги понятий, глаголы выражают несовпадающие действия и состояния, прилагательные характеризуют не одни и те же признаки, союзы несут несходные функции; даже на числительные положиться нельзя...»

В 1946 году Лозинскому была присуждена Государственная премия первой степени за перевод «Божественной комедии». «Ад» и «Чистилище» были уже переведены, когда он эвакуировался в Елабугу. И пришлось Лозинскому переводить «Рай» в одной комнате с дочерью, младенцами-внуками, стиркой, готовкой и козой... Где черпал он силы, чтобы писать рай? Они всегда есть у Мастера, занятого любимым делом, что бы ни происходило вокруг, он свободен, а значит, счастлив.

В журнале «Урал» № 6 интересна статья Анатолия Омельчука о вахтовом методе освоения сибирских земель. «Болота Васюгана, как известно, самые крупные на планете,— пишет автор.— Мы и в этом славой поступаться не будем». Как же осваиваются они? Как люди ведут через них дороги? И что такое «вахта»? Вахтовый муж, вахтовый отец? Автор ставит вопрос за вопросом и не спешит отвечать. Ясно только, что все это очень существенные для нашей жизни вопросы, и надо думать над ними сообща.

Еще одна статья о вахтовом методе, «Вахтовый Вах» Т. Макариной, опубликована в журнале «Сибирские огни» № 7. Работающий вахтовиком человек должен жить в условиях непрерывного стресса. Физически многие не годятся для такой жизни. Вечером после вахты двери в медпункт промысла почти не закрываются. Идут и идут вахтовики с жалобами на плохое общее самочувствие, головные боли, бессонницу. Вахты на Вах летают из Белоруссии, с Украины, из Средней Азии. Меняются часовые пояса, климатические зоны. А здесь, на месте работы, их ждет плохо организованный труд, а отдохнуть негде.

При въезде в поселок висит плакат в духе тридцатых годов: «Мы пришли, чтобы дать стране больше нефти». Но так ли это? Отвечая на вопросы социологов, шестьдесят процентов отвечают, что «пришли» заработать. Остальные связывают с Севером надежду на улучшение жилищных условий. Когда люди не находят то, что ищут, они уходят прочь. Кого же убаюкивает плакат при въезде в поселок?..

Тем, кто любит подумать о литературе, я советовала бы прочесть статью В. Кардина «Давайте после драки помашем кулаками...» в журнале «Вопросы литературы» № 8. Даже если вам не захочется во всем соглашаться с автором (а может быть, захочется и все вообще оспорить), все равно гарантирую час острого слова, парадоксальной и глубокой мысли. В том же номере — воспоминания А. Медникова о В. Шкловском, Л. Славине, К. Симонове, И. Эренбурге, М. Шагинян, воспоминания И. Меттера об А. Кроне. В любом случае благодатное чтение, просвещающее. Я, например, с ними не расстаюсь: подбираю и переплетаю. Такие отличные сборники получаются... В недавнем номере «Невы» были воспоминания В. Конецкого о Ю. Казакове. Вы не пропустили ли? Произведения такой степени искренности вообще редки, потому особенно драгоценны.

Что же, я не нашла ни романов, ни повестей, которые можно было бы вам рекомендовать для чтения?.. Да нет, это не совсем так. Почитайте, к примеру, повесть Анатолия Курчаткина «Бабий дом» в «Октябре» № 6. Жизнь в ней довольно правдива, приметы ее точны. Вам может показаться, что автор слишком накручивает события, что героини его несколько схематичны. Оно, пожалуй, так и есть. Но пишет Курчаткин интересно, в нем есть и бодрость, и живость, и доброта, и любовь, сочувствие к людям. Есть и безусловный художественный дар. А это совсем немало. В «Урале» № 6 стоит почитать изящный детектив Леонида Юзефовича ««Ситуация на Балканах». Его герой — русский сыщик, дело происходит в конце прошлого века.

В летних номерах «Невы» повесть Владимира Кунина «Привал» — военная. Но материал в основе почти непочатый: самый конец войны, советский госпиталь, в котором оказались раненые многих национальностей, попавший в окружение немецкий отряд идет на прорыв, не сомневаясь, что люди, говорящие на разных языках, не смогут оказать ему достойного сопротивления. Много геройства и любви, стрельбы, событий... Читается с интересом.

Да... Все-таки рекомендую я не так много и не совсем безоглядно. Журналы не настолько интересны, к сожалению. Но, как показывает мой многолетний опыт чтения их, раз на раз не приходится. Подождем, посмотрим. Может быть, в следующий раз у нас будет совсем другой разговор.

Могу сказать одно: журналам нелегко сейчас соответствовать времени. Время так насыщено мыслями, вопросами, смелостью, такое оно решительное, такое непростое, так много событий, и так они неоднозначны... Когда раскрываешь обыкновенный журнал, похожий на прошлогодний и позапрошлогодний, делается скучно и пресно. Ждешь ума, свободного, не скованного осторожностями, ждешь ответов на бесчисленные вопросы, ждешь, что тебе помогут многое осмыслить, понять, что в тебя вселят бодрость и уверенность.

Хочется такого чтения.

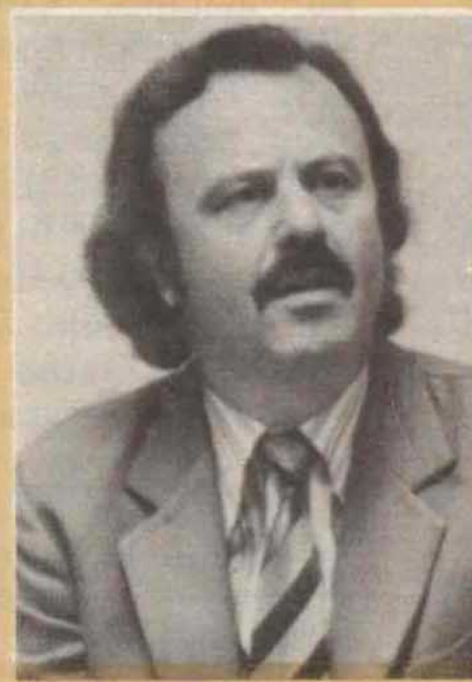
Не надо нас гладить по головке. Не надо нас охмурять, не надо навевать нам золотые сны. Надо говорить с нами просто, прямо, искренне, по-человечески, надо помогать нам чувствовать плечи друг друга, братские, надежные плечи. Надо учить нас верить друг другу и верить самим себе.

МУЗЫКЕ — ОХРАННУЮ ГРАМОТУ

Старинный особняк на Покровском бульваре, принадлежавший писателю Телешову, знаком многим москвичам. По сию пору живы культурные традиции этого старомосковского дома (сейчас там Московское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры). И сегодня, как некогда, на знаменитые «телешовские среды», собирает он артистов, художников, музыкантов, архитекторов, многих любителей искусства — представителей самых разных профессий.

На этот раз в гостиной собрались члены музыкальной секции общества: председатель секции — народный артист СССР, солист Большого театра А. Ф. ВЕДЕРНИКОВ, заместители председателя — композитор Ю. А. ДУНАЕВ и заслуженная артистка РСФСР, лауреат Всесоюзного и международных конкурсов Т. Н. ГУСЕВА, театровед Т. Л. ПУГАЦЕВИЧ, доцент Московской консерватории, член бюро фольклорной комиссии при Союзе композиторов СССР, кандидат искусствоведения В. М. ЩУРОВ, солистка Москонцерта Светлана ЕРОФЕЕВА, музыкальный редактор главной редакции музыкального радиовещания Гостелерадио СССР В. Р. МАКСИМОВ, инженер завода «Красный пролетарий» С. К. ДАРКОВ. Беседу ведет наш корреспондент Лариса ЧЕРКАШИНА.

А. Ф. Ведерников.

Ю. А. Дунаев.

НЕОБХОДИМ ЦЕНТР ОХРАНЫ И ВОЗРОЖДЕНИЯ СТАРИННОЙ МУЗЫКИ И НАРОДНОЙ ПЕСНИ.

БОГАТЕЙШЕЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НУЖДАЕТСЯ В ЗАЩИТЕ.

— Самый первый вопрос: почему такая секция образовалась при обществе охраны памятников культуры? Очень уж непривычно звучит — охрана музыкальных памятников...

ДУНАЕВ: Музыка не в меньшей степени, чем памятники архитектуры, подвержена разрушениям, а значит, нуждается в защите. Кажется, ну что может грозить народной песне? Слова из нее, как известно, не выкинешь, мелодию не изменишь. Но интерпретация, суетное желание певца или певицы усилить впечатление неоправданными эффектами — и старая знакомая песня меняет изначальный смысл. Фальсифицировать можно и народную песню, и классику.

Днем рождения музыкальной секции можно считать 30 декабря 1979 года, когда она получила свое официальное признание — была утверждена президиумом совета МГО ВООПИИК. На самом деле секция возникла еще раньше, когда в Общество охраны памятников пришли люди, которым дорога была судьба отечественной культуры, и в особенности русской музыки. Целью своей они ставили реставрацию и пропаганду памятников музыкальной культуры, возрождение произведений забытых композиторов. И, конечно, защиту отечественной музыки от экспансии со стороны массовой культуры.

ВЕДЕРНИКОВ: К величайшему сожалению, примеры бездуховного отношения к шедеврам русского музыкального искусства можно встретить не где-то там на Западе, но и у нас.

Не придется ли нам вскоре защищать «Ивана Сусанина»? Прижилась и набирает силу такая тенденция, как «приспособление» спектакля к нашему времени, некое осовременивание его. Почему бы тогда в целях приближения эстетических идеалов прошлого не «улучшить» форму куполов собора Василия Блаженного, не заменить роспись явно «устаревшей» тематики на новую?

Неискушенный зритель не всегда чувствует малые перемены: что-то дирижер по своему усмотрению изменит в оркестровке, режиссер перестроит картины, руководствуясь собственными соображениями. Каждый понемножку проявит свое творческое «я», позволит себе в какой-то мелочи не согласиться с Глинкой. Дальше — больше: вдруг появится искус услышать некоторые фрагменты в джазовом исполнении? Почему бы и нет? Ведь исполняет джаз «Половецкие пляски» из оперы Бородина «Князь Игорь»...

Другой пример — старинные слова и фразы, значения которых малопонятны дирижерам и режиссерам, заменяются на современные, как в опере «Хованщина» Мусоргского (кстати, сам композитор был неплохим литератором). И все это проходит безнаказанно, как нечто несущественное — вот что страшно!

— Сложился некий стереотип в отношении к классике как к музыке, доступной пониманию лишь малой части любителей и профессионалам...

ПУГАЦЕВИЧ: Я считаю, что радио и телевидение мало уделяют времени пропаганде классического наследия, а если таковая ведется, то сама форма ее зачастую отталкивает зрителей и слушателей своим однообразием. В показе эстрадных программ, часто весьма претенциозных, режиссерская фантазия бьет ключом, почему же не поискать новые приемы в подаче классики?

ВЕДЕРНИКОВ: Музыка — это идеология. Так было во все времена. Что будет звучать с подмостков оперных театров, с эстрадных площадок, с телевизионных экранов и бесчисленных магнитофонных кассет, определит не только формирование музыкальных вкусов юного поколения, его эстетические идеалы. В конечном счете музыка трансформируется в мировоззрение.

А ведь классика — мощное средство воспитания. Хотя порой происходит как бы ее подмена, и делается это якобы с благородной целью — облегчить молодежи восприятие серьезной музыки. Поговаривают (да что поговаривают —

делают!) об аранжировке наших замечательных опер, об использовании классических либретто для создания рок-опер. Почему-то в музыке позволительно то, что применительно к живописи, к зодчеству, к литературе именуется кощунством.

Я не противник современной музыки. Но создавайте свою, достойную эпохи. Аранжировать Чайковского или Бородина — не равно ли это редактированию Пушкина либо Шекспира?

ЕРОФЕЕВА: То, что мы обращаем взгляд в наше старое искусство, — совершенно логично. Там родники отечественной культуры, ее начало. А наследие у нас богатейшее. Долгое время считалось, что русское музыкальное искусство родилось и развивалось под влиянием западного. Принималось как аксиома: до Глинки серьезной музыки не было, не было и профессионального музыкального образования. Музыкой занимались лишь любители, посему и считались дилетантами замечательные русские композиторы XVIII — начала XIX века Бортнянский, Фомин, Дегтярев, Виельгорский, Березовский, Алябьев. И только сейчас мы начинаем осознавать, какое это богатство, какой не познанный нами ценнейший пласт нашей культуры!

Совсем недавно у нас процветало беспечное отношение к природе. И когда такая небрежность больно ударила по нам самим, многие прежде незнакомые понятия, как «экология», «окружающая среда», из лексикона ученых перекочевали в нашу речь и в наш быт. Музыкальное достояние прошлого такое же обширное, такое же бесконечное, как и вся российская природа. Но, однако, и здесь нужны и бережность, и рачительность, и совестливость, и особая тактичность.

— Мы заговорили о богатстве нашего наследия. Происходят ли сегодня в музыке находки, по значимости сопоставимые с открытием новых летописных памятников либо сокровищ древней живописи, прикладного искусства?

ДУНАЕВ: Забвение старинной музыки равноценно ее утрате. Можно сказать, что мы заново открыли для себя композиторов так называемой «доглинковской поры». О них уже говорила Светлана Ерофеева. Это ярчайшее созвездие имен на музыкальном небосклоне пока не стало достоянием широкой общественности, хотя наша секция и прилагает немалые усилия к популяризации их творчества. Найдены и расшифрованы некоторые памятники древнерусской музыки. К находкам можно отнести и забытые произведения современных композиторов — недавно впервые в исполнении Тамары Николаевны Гусевой прозвучала неизвестная соната Гречанинова.

ПУГАЦЕВИЧ: Все концерты и постановки, подготовленные музыкальной секцией, можно назвать уникальными. Интерес публики к ним большой, успех огромен, но ни радио, ни телевидение их будто не замечают. Я обращалась с просьбой к Элеоноре Беляевой — ведущей «Музыкального киоска» — показать в передаче фрагменты оперы Фомина «Американцы». Мы восстановили оперу к юбилею ее создателя — 225-летию со дня рождения композитора Фомина, «русского Моцарта», как его называли. Этой музыке внимали когда-то современники Державина, Радищева, Фонвизина, и сама она уже частица нашей истории. Но почему-то предложение не нашло отклика у организаторов передачи.

Прошли концерты военно-исторической музыки, старинной солдатской песни, вечера, посвященные знаменательным событиям и героям Отечества: Ермаку, Суворову. В Центральном Доме литераторов организовали вечер памяти династии заонежских сказителей Рябининых. Это благодаря им, пахарям и певцам родной земли, сохранились самые известные ныне былины о русских богатырях, древние песни и сказания. Великое открытие русского эпоса, которое пришлось на прошлое столетие, и по сию пору питает своей животворной силой все искусства: поэзию, живопись, музыку. Обидно: ни одна газета ни строчкой не обмолвилась о таком необычном литературно-музыкальном вечере. Поймите, не славы ради нам это нужно — теряется смысл нашей работы.

ЕРОФЕЕВА: В 1987 году исполнится двести лет со дня рождения композитора Алябьева. Это и дедушка русского романса, и один из первых профессиональных композиторов начала прошлого века. А что мы знаем из его обширнейшего наследия — лишь «Соловья», и только? Я выступаю с алябьевскими концертами в Москве, много езжу с гастролями по стране. И всегда рассказываю о творчестве этого замечательного композитора, о его судьбе, ведь Алябьев и герой войны 1812 года.

Основа всех его романсов чисто русская, мелодичная и очень доступная, близкая сердцу. Я чувствую, как публика легко и естественно принимает его музыку.

ГУСЕВА: Со стороны покажется: вот, мол, чудаки, — все, что ни есть в бабушкином сундуке, вытаскивают на божий свет да еще призывают всех восторгаться. Нет, среди ветоши попадаются и подлинные жемчужины. Когда впервые услышала романсы Алябьева в исполнении Светланы Ерофеевой, задумалась. Я, профессиональный музыкант, всю жизнь посвятившая музыке, вдруг оказалась неучем. Открылся мир вокального Алябьева. Его романсы на стихи Пушкина — удивительный сплав музыки и поэзии, музыка в тон гениальному слову. Да это не просто талантливый композитор, у которого величайшее разнообразие мелодий, необыкновенно свежие гармонии, модуляции, это гениальный композитор! А в годы моего ученичества его причисляли к дилетантам. Такое глубокое заблуждение еще бытует.

ПУГАЦЕВИЧ: В Москве, на улице Чайковского, сохранился дом Алябьева. Правда, отыскать его весьма сложно — вместо мемориальной доски на нем вывеска «Росторгреклама». Есть и еще один ориентир: по соседству с домом — отдел культуры Киевского райисполкома. Приближается юбилей, и тем обиднее, что в Москве, родном городе композитора, не названа в его честь улица. И даже дом, памятник архитектуры, под угрозой сноса.

ДАРКОВ: Не все знают, что в Пущине на Оке находится подмосковная усадьба композитора. В не столь давние времена в алябьевской усадьбе проходили съемки фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино». Как и положено для съемок, ее слегка подкрасили, подновили. Но «грима» хватило ненадолго — усадьба по-прежнему разрушается, а местные власти не спешат с восстановительными работами.

Рядом с усадьбой прекрасный парк, места здесь красоты особенной, проникновенной. Вот где бы проводить праздники, посвященные отечественной музыке! Это ли не лучшая форма ее пропаганды, ненавязчивая и живая...

ВЕДЕРНИКОВ: Случилось так, что в силу каких-то обстоятельств (причин тому много) мы оказались в искусственной изоляции от целых пластов собственной культуры. Почему, скажем, нет пластинки, посвященной творчеству Бортнянского? Или практически невозможно отыскать записи духовной музыки? Да, именно духовной. И не нужно этого бояться. Научились же мы видеть в иконе не только лики святых, но и гениальную кисть Рублева и Дионисия, отражение земной жизни — в библейских сюжетах. Высоко ценим музыку Мусоргского, а ведь в ней композитор использовал старые церковные лады.

Колыбелью многих наук и искусств столетиями была монастырская келья. И музыки тоже. Духовная музыка (а она вплоть до XVII столетия была единственной официальной музыкой на Руси), сложенная талантливым народом, лучшими его представителями, исполняется и записывается редко. Правомерно ли это? Ведь западная духовная музыка широко исполняется у нас и ни у кого не вызывает тревоги.

МАКСИМОВ: Русские хоры — явление уникальное, самобытное, не имеющее аналогов в мировом искусстве. Они же послужили основой отечественной музыкальной культуры.

Считается, что в России XVIII столетия не было музыкальных академий. Они у нас были, только назывались иначе: придворная капелла, хор патриарших дьяков. Жесткие рамки творчества — невозможность использовать орган, инструменты симфонического оркестра — диктовали и особые условия, потому и хоровая музыка развивалась совсем иначе, чем в западных странах.

История Руси — словно музыкальные всплески. Сухой пересказ событий не приблизит их к нам так, как это сделают музыка, песня. В них как бы заложен генетический код народного характера: его чаяния, боль, думы. Не случайно всегда в России годы бурных общественных перемен знаменовали собой и развитие хорового пения.

В старинной хоровой музыке, как заповеди нам, ныне живущим, переданы добрые людские качества.

ЩУРОВ: Наверное, настало время подумать и о судьбе народной песни. Именно она остро нуждается в защите. И по многим причинам: утрачены естественные формы жизни народного искусства, изменилась структура общества, хозяйства, быта, появились средства массовой информации, коммуникации. Все это вытесняет народную песню из ее последних прибежищ. Задача не простая — помешать этому разрушению, сохранить песенное богатство.

Наши поиски, хотя это может показаться странным, проходят не где-то в «глубинке», а даже в таком огромном городе, как Москва. Ведь ездили когда-то в Москву за песнями. В Измайловском парке есть, к примеру, такое место, прозванное «Измайловским пятачком», где по выходным собираются народные музыканты, певцы. Нет организаторов у этих встреч, возникают они стихийно, сами собой. Просто у народа есть духовная потребность в своей песне, и это главное.

Нашли мы прекрасную песенницу Екатерину Сергеевну Ковалеву, работает она кондитером в ресторане на Казанском вокзале. Записали от нее более трехсот народных песен. В Гнесинском институте с ее участием прошел цикл историко-бытовых концертов «Времена года»: осенние свадьбы, зимние святки, весенние игры, песни трудового лета.

Оставила нам прекрасное песенное наследие народная певица Аграфена Ивановна Глинкина из Подмосковья.

Фольклористы сохраняют старинные народные песни — исторические, хороводные, свадебные в нотах, в звукозаписях. Но пока это лишь нотный сборник — музыка мертва. Чтобы песня жила, она должна звучать.

При музыкальной секции несколько лет существовал свой ансамбль народной песни. Входили в него студенты и преподаватели музыкальных училищ, консерватории. Ездили в фольклорные экспедиции, учились с голоса у народных певцов, к себе приглашали самобытные коллективы — буквально впитывали в себя песенную культуру...

— Почему же вы говорите об ансамбле только в прошедшем времени?

ЩУРОВ: Ансамбль распался, причем по той лишь причине, что не было выхода на публику, не было площадки для выступлений, за исключением крайне редких концертов в Знаменском соборе, в институте имени Гнесиных. Убежден, что только силами самодеятельности (хотя это и прекрасно, что появляются молодежные фольклорные коллективы) невозможно сохранить песню в ее первозданном виде. Многие партитуры русских напевов для любительства сложны, нельзя обучиться этому искусству за несколько репетиционных часов. Чтобы петь так, как поют народные певцы, нужно жить в песенной атмосфере, с детства слышать песню. В обработанной же народной песне, легкой для исполнения, выхолощена ее суть, ее душа.

МАКСИМОВ. Нас постигла та же беда: камерный хор, созданный при музыкальной секции, практически на грани распада. Мне как художественному руководителю хора особенно больно все это видеть. Сил в него вложено много, были и результаты — возрожденные памятники древнерусской музыки, старинные хоралы, канты. Поиск старых нотных партитур напоминал подчас сюжет приключенческой повести — где и как только их не добывали: в букинистических магазинах, архивах, частных коллекциях. Несколько старых нотных сборников досталось мне в наследство от деда Ивана Тимофеевича Калинина — большого знатока и ценителя русской хоровой музыки.

Представьте себе ситуацию: не в начале XIX столетия, а в наше время находят рукописное «Слово о полку Игореве». И вскоре в результате каких-то трагических обстоятельств оно исчезает бесследно, навсегда. Неправдоподобно? Но, к несчастью, очень возможная ситуация. Возможная по отношению к единственным экземплярам

старинных партитур, хранящихся в отделе рукописей исторического музея. С большинства их не сделаны даже копии, не говоря о том, что эти сочинения ни разу не переиздавались.

И еще одна проблема — силами любителей не подготовить наши сложнейшие программы, а выдавать «полуфабрикаты» мы не имеем права. Нельзя же годами держаться на чистом энтузиазме. Камерный хор еще можно сохранить, но нужно подумать хотя бы о минимальной материальной поддержке, выделить место, где мы могли бы репетировать, выступать.

— Ведь какие бы фантастические усилия ни приложить к восстановлению памятников русской музыки — открытие не состоится, если эти произведения негде будет услышать... Предпринимаются ли секцией практические шаги, чтобы изменить положение?

ВЕДЕРНИКОВ: Без собственного концертного зала нечего и говорить о настоящей работе по пропаганде музыкального и песенного наследия. У Центрального совета ВООПИК есть концертный зал в бывшем Знаменском соборе. Зал хорош, с великолепной акустикой, но план его работы настолько насыщен, что мы можем рассчитывать на показ собственных программ не более двух-трех раз в году. Да к тому же второй год он закрыт на ремонт.

У Никитских ворот стоит бывшая церковь Большого Вознесения, знаменитая тем, что в ней венчался великий Пушкин. Скоро здесь откроется концертный зал. Весть эта отрадная и долгожданная для всех нас, и тем горше сознавать, что судьбой уникального памятника культуры распорядились все же не так, как он того заслуживает.

Памятником ведает Главное управление культуры Мосгорисполкома, в непосредственном подчинении которого находится Москонцерт. И вопрос о принадлежности будущего концертного зала решился как-то автоматически...

Двадцать лет Всероссийское общество охраны памятников боролось за это старинное здание. Но дело не во времени.

Чтобы создать центр по пропаганде русской культуры XVII—XIX веков, как о том объявлено, Москонцерту придется в корне перестроить свою работу. Под силу ли это ему, да и зачем, когда такой опыт, и немалый, есть у общества охраны памятников?

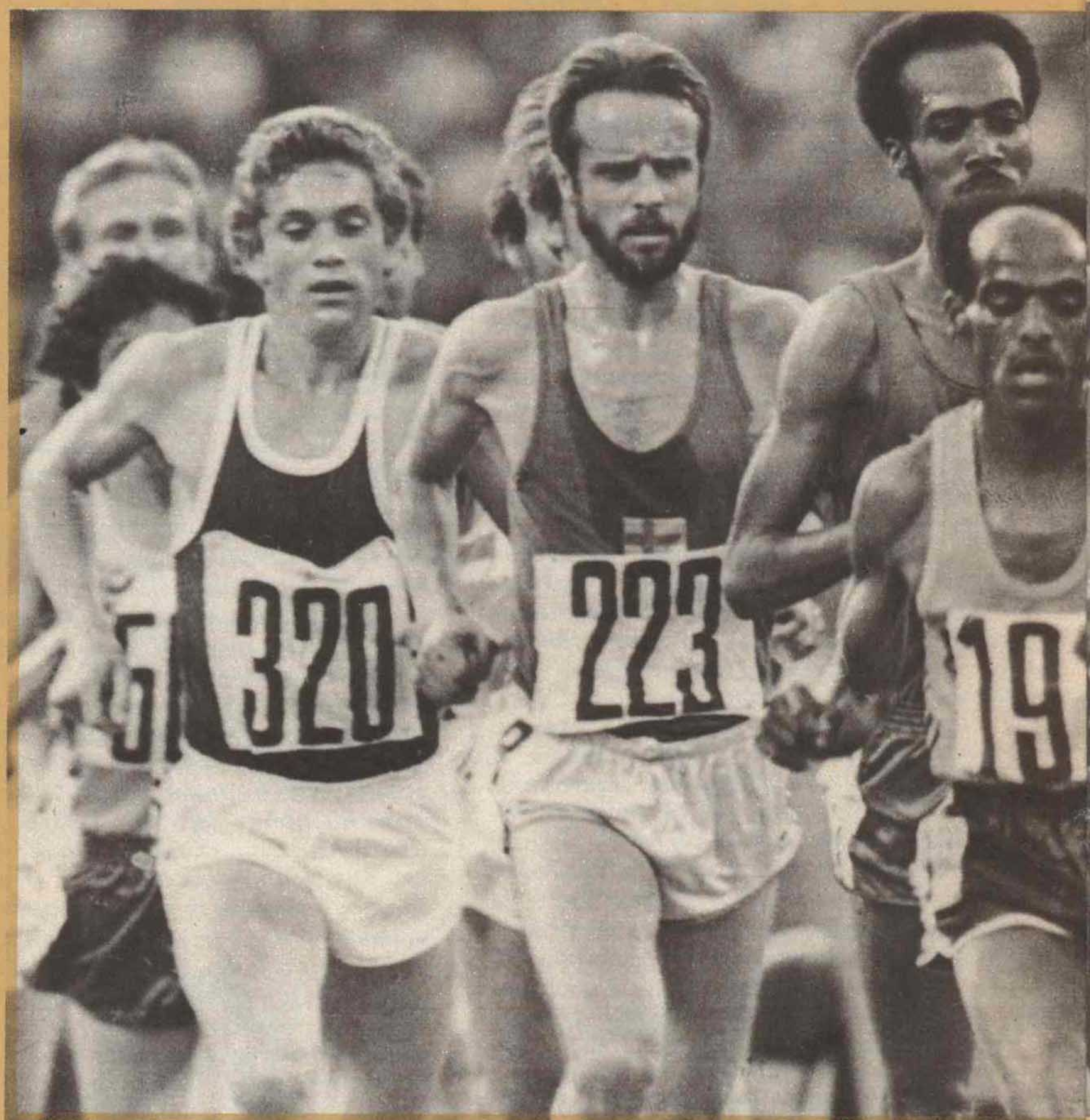
В старинном здании на площади более двух тысяч квадратных метров могут работать многочисленные секции нашего общества, проходить выставки, вечера, молодежные диспуты...

Современники доподлинно сохранили слова Пушкина, сказанные им в день своей свадьбы. «Есть много чудных, поэтических песен, доселе не изданных...» — с грустью говорил поэт друзьям, вернувшись от венца из церкви Большого Вознесения домой. Мне чудится в этих словах особый, пророческий смысл — как нужен нам, особо сегодня, реставрационный центр старинной музыки, народной песни. Песни, которую нужно вернуть народу.

ОТ РЕДАКЦИИ. Вопросы, поднятые в беседе, представляются нам принципиально важными. Приглашая читателей к продолжению этого разговора, мы ждем ответа и из Министерства культуры СССР: ведь проблему сохранения национального музыкального богатства нужно решать не откладывая!

Александр БОЙКО

«Огонек» не раз обращался к проблемам стайерского бега, отмечал серьезные недостатки в этом самом популярном виде легкой атлетики. Выступали по такому жгучему вопросу и другие журналы и газеты, пытаясь выяснить, почему мы плохо бегаем. Но положение в беге на длинные дистанции продолжает ухудшаться. В чем же дело?

10 000 метров — на московской Олимпиаде. Среди стайеров, претендующих на победу, не было наших бегунов. Слева направо: Йерг Петер (ГДР), Лассе Вирен (Финляндия), Мохаммед Кедир (Эфиопия), Мирута Йфтер (Эфиопия), Толосса Коту (Эфиопия).

Фото А. БОЧИНИНА

На недавно состоявшемся чемпионате Европы по легкой атлетике наша команда завоевала 11 золотых, 13 серебряных и 12 бронзовых медалей, заняла первое место. Разве это не победа? Но вот беда: из 42 видов легкой атлетики больше половины — двадцать пять — относятся к бегу, а наши спортсмены в беге на короткие и средние дистанции завоевали только шесть золотых медалей и ни одной на дистанциях длинных. Притом четыре золотые медали на счету женщин и лишь две у мужчин. Вот о мужском беге и пойдет речь.

Итак, мужчины оказались победителями лишь на дистанциях 200 метров и в эстафете 4×400 метров. В восьми видах бега они не попали даже в число финалистов, а в беге на 5, 10 километров и марафоне вообще не участвовали, настолько слабы были их результаты в сезоне. За сорок лет выступлений советских бегунов на крупных международных соревнованиях таких печальных итогов не было.

Почему же в таких сложных видах легкой атлетики, как метание молота, в прыжках с шестом и в высоту, мы сильнейшие в мире, а в самом естественном виде — беге — плетемся в хвосте?

Наши тренеры увлекались разными школами бега: австралийской, английской, европейской, американской, а вот своей школы так и не создали. Наши спортивные знатоки, размышляя об успехах кенийских и эфиопских стайеров, объясняли их тем, что африканских бегунов закаляют жара и высокогорные трассы. Но вот прошел чемпионат Европы, на котором не выступали африканские стайеры, и их с блеском заменили бегуны Италии. Такими успехами в стайерском беге не может похвастать ни одна страна. Три медали в беге на десять километров! Золото и две серебряные — в марафоне, серебряные медали в беге на 3000 метров с препятствиями и на дистанции 5000 метров.

Как объясняют такой взлет наши специалисты? И чего стоят их объяснения, если мы растеряли традиции, заложенные олимпийскими чемпионами В. Куцем, П. Болотниковым, чемпионами Европы Е. Аржановым, С. Поповым, Л. Мосеевым. Мы примирились с положением третьеразрядников? Нет, хуже: третьеразрядные результаты — это бронзовые медали, мы же и их не получаем. Отмечая в этом году сорок лет участия советских бегунов на чемпионатах Европы, мы не завоевали на юбилейном чемпионате ни одного очка на шести дистанциях мужского бега.

БЕГ НАЗАД

Если судить по трем предыдущим чемпионатам Европы, то наши бегуны резко сдали позиции. В 1978 году они завоевали 26 очков, в 1982 году—8, в 1986-м — ни одного.

Есть редко упоминаемый вопрос, раскрывающий причины постоянных неудач в стайерском беге: неумение быстро бегать 1500 метров. Между этой дистанцией и длинными дистанциями существует прочная взаимосвязь. Именно из рядов средневиков издавна, еще со времен легендарного финского стайера Пааво Нурми, выдвигаются выдающиеся стайеры. Но нас дистанция 1500 метров почти никогда не радовала в прошлом, не радует она нас и сейчас. Так, на последнем чемпионате Европы советские средневики И. Лотарев и В. Калинкин заняли последние места в финальных забегах и на 800, и 1500 метров.

Вместо того чтобы добраться до корней проблемы, каждый раз после очередной неудачи виноватыми объявляют самих спортсменов. Как ни в одном другом виде легкой атлетики, в нашей команде быстро меняются составы. И это в то время, когда в течение шести лет сохраняют свои позиции англичане С. Кроу и С. Крем, итальянец А. Кова, болгарин Б. Игнатов, П. Илг (ФРГ), испанец Х. Абсакал, финн М. Вайнис, Х. Мельцер (ГДР).

Казалось бы, такая наша расточительность требует хорошо продуманной тренировочной системы, которая позволила бы быстро находить все новые и новые таланты. Но такой системы нет. В нашей стране 2 миллиона бегунов-разрядников, и среди них — 10 тысяч перворазрядников, кандидатов в мастера спорта, с которыми работают 9 тысяч платных тренеров. Можно ли сомневаться в наших неограниченных возможностях, располагая такими силами? А мы не смогли отобрать из этой массы всего-то восемнадцать бегунов, которые смогли бы успешно выступить на чемпионате Европы. И самое поразительное — это наша способность самоутешения. Стоит, в какой уж раз, нашим прыгунам и метателям прикрыть неудачи бегунов, как начинается победный звон литавров.

Вместе с группой специалистов я смотрел прямой репортаж с чемпионата Европы в телестудии Останкино, и, когда чемпионат закончился, один из присутствующих, профессор Ф. Суслов, удовлетворенно потирая руки, громогласно и торжественно заявил: «Так хорошо мы давно не выступали. Теперь до следующего чемпионата претензий к спортивной науке не будет». Но если спортивная наука столь всемогуща, то почему она не может помочь бегунам? Ведь даже сразу после войны, в 1946 году, когда наша команда впервые приняла участие в чемпионате Европы, наши стайеры выступили удачнее, чем ныне. Я. Пунько занял третье место в марафоне, Ф. Ванин — пятое место в беге на 5000 метров. И вот теперь профессор Ф. Суслов — ныне заместитель директора Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры, персонально отвечающий за легкую атлетику, и прежде всего за развитие выносливости, в течение долгого времени бывший старшим тренером сборной страны по бегу,— высказывает полное удовлетворение выступлением нашей команды. Нет, спортивная наука в большом долгу перед бегунами, и пока ученые, возглавляющие лаборатории и сектора научных институтов физкультуры, вину за провалы будут возлагать на тренеров и бегунов, предварительно запутав их псевдонаучными концепциями, дело вперед не продвинется.

Но, может быть, наша страна оскудела спортивными талантами? Конечно, нет! Провалы наших бегунов объясняются серьезными недостатками в подготовке, плохом подборе кадров тренеров. Главный тренер по бегу сборной команды А. Полунин объяснял провалы бегунов на чемпионате Европы ошибками психологического порядка. Но это сразу вызывает вопрос: а почему же психологически устойчивы прыгуны и метатели? Почему, наконец, более успешно выступают в беге женщины?

Дело тут, конечно, не в психологии. Уже в прошлом году результат нашего лучшего стайера в беге на 5000 метров был хуже, чем время олимпийского чемпиона Владимира Куца, показанное в 1957 году. А олимпийский чемпион 1960 года Петр Болотников в списке лучших бегунов страны 1985 года был бы на третьем месте. В списках пятидесяти лучших бегунов мира 1985 года наши спортсмены занимали на 3000 метров с препятствиями пятнадцатые места, а в списке пятидесяти лучших на 5, 10 километров, и в марафоне их вообще нет.

Как это ни парадоксально, в стране, где такое широкое распространение получил оздоровительный бег, спортивным бегом молодежь не увлечена. Сократилось количество детей, занимающихся бегом, выросло новое поколение бегунов, которые по семь месяцев в году комфортно бегают в теплых манежах.

«Манежные мальчики», как их называют, не хотят тренироваться в условиях, которые повышают их выносливость, они не понимают, как мог Болотников, тренируясь зимой, пробегать двадцать пять километров до Внукова в трусах и майке и надевать тренировочный костюм только на обратном пути, чтобы, вспотев, не замерзнуть на леденящем ветру.

Сегодня из практики подготовки бегунов на длинные дистанции напрочь исчезли кроссы. Двадцать лет назад многотысячные кроссовые соревнования проводили все добровольные спортивные общества, а кросс на призы газеты «Правда» был одним из самых популярных событий спортивного календаря.

Лучшие стайеры пятидесятых и шестидесятых годов стремились выйти на уровень мировых рекордов, а теперь норма мастера спорта по Всесоюзной единой спортивной классификации в беге на 5 километров на 18 секунд ниже, чем была в 1973 году. Лучшие бегуны мира стремятся вперед, а наши стайеры бегут назад. Вот и получается, что, с одной стороны, разработана методика тренировок и ее научное обеспечение, выстроены скоростные дорожки, а с другой — нормативные требования к наследникам Куца и Болотникова снижаются, и сделано это по просьбе некоторых тренеров.

Еще не завершился чемпионат Европы-86, а был уже подписан приказ Госкомспорта СССР о расформировании сборной команды в беге на длинные дистанции. Меры приняты привычные: меняется очередной состав сборной, но такие приказные меры вызывают сомнения. С бухгалтерской точностью в этом приказе названы возрастные границы стайеров, позволяющие им претендовать на включение в сборную и на участие в чемпионатах страны. Но возрастные ограничения в стайерском беге недопустимы. Владимир Куц только в 23 года впервые вышел на беговую дорожку и стал двукратным чемпионом Олимпийских игр в 30 лет, а абиссинец М. Ифтер достиг наивысших успехов в 35 лет.

Что же надо делать для возрождения славы отечественного стайерского бега? Надо проводить массовые соревнования по бегу, кроссы на призы газет «Пионерская правда», «Комсомольская правда», «Правда». И все должно, конечно же, начинаться со школы. Почему бы не ввести тест «класс — километр». Окончил первый класс — пробеги один километр, пятый — пять километров, десятый — десять. Соревнования в таком беге могут проходить на уроках физкультуры, в пионерских лагерях, во время Дней здоровья, какие, согласно школьной программе, должны проводиться не менее пяти раз в году. А на таком фундаменте можно строить четкую, умную систему подготовки бегунов самого высокого класса.

Но так или иначе надо признать, что без бега не может быть легкой атлетики, а она, как известно, не зря величается «королевой спорта».

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, почему же все-таки не советские, а эфиопские и кенийские стайеры, бегуны Италии и Португалии стали сегодня лидерами в беге на длинные дистанции? Почему мы столь долго не можем ликвидировать хроническое отставание в беге на средние дистанции? Почему на смену такому опытному тренеру, как Г. И. Никифоров, подготовившему Владимира Куца, не приходят столь же умудренные специалисты?..

Можно задать и другие подобные вопросы. Ответы на них редакция рассчитывает получить в письмах от всех, кто интересуется бегом, и тех, кто ответствен за успехи и неудачи в этом виде спорта.

Лев
ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»,
фото автора

СЧИТАННЫЕ ЕДИНИЦЫ ОСТАЛИСЬ У РУЛЯ КОЛХОЗОВ ИЗ ЧИСЛА ТЕХ 30 ТЫСЯЧ, КОГО В ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ ПАРТИЯ НАПРАВИЛА ДЛЯ РАБОТЫ НА СЕЛЕ: ОДНИ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ ИСПЫТАНИЯ ТРУДНЕЙШЕЙ ДОЛЖНОСТЬЮ, ДРУГИЕ ПРОСТО НЕ ИМЕЛИ ПРИЗВАНИЯ К РАБОТЕ НА ЗЕМЛЕ, ТРЕТЬИ, УВЫ, УШЛИ ИЗ ЖИЗНИ... ГЕРОЙ НАШЕГО ОЧЕРКА СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ГИНИН В ТУ ПОРУ ВОЗГЛАВИЛ СЛАБОЕ ХОЗЯЙСТВО И ВЫВЕЛ ЕГО В ЧИСЛО ТЕХ, ГДЕ, КАК ГОВОРИТСЯ, ЕСТЬ ЧТО ПОКАЗАТЬ. РОС КОЛХОЗ, РОСЛИ ЕГО ЛЮДИ, РОС КАК РУКОВОДИТЕЛЬ И ВОЖАК КОЛХОЗА. ГИНИН СТАЛ ОДНИМ ИЗ ТАЛАНТЛИВЫХ ОРГАНИЗАТОРОВ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДСТВА В НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЕ, УЧЕНЫМ — КАНДИДАТОМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК.

человек дела

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

— А стреляли...

— Не может быть?!

— Было.

Степан Петрович махнул рукой: прошлое и есть прошлое, чего его ворошить? Но слова из песни не выкинешь... В эти дни исполняется тридцать лет, как ступил Гинин на мещерскую землю. А в те времена была она глухо отрезана от мира гиблыми болотами, топкими гатями да непролазными дорогами. И хотя столица стояла в каких-нибудь двухстах пятидесяти — трехстах километрах, областной Владимир — в сотне, но чтоб добраться даже до района — Курлова, до которого нынче десять минут езды, нужно было угробить день! Мещера, лесная сторона! И чего потянуло тебя, Гинин, городского человека, к черту на рога? Главное, чуть не сам в этот колхоз напросился. А колхоз, таких еще поискать — лядащий...

Привезли нареченного председателя-тридцатитысячника, а собрать всех колхозников сразу и то негде. Так по очереди деревни и объезжали: тут в избе соберут народ, потом в другой. А дело было в самую глухую осень — предзимье, под ноябрьские праздники. Сидели в полутемном помещении в основном бабы да старики. Но и мужички крепенькие иногда посверкивали цигарками. Небритые физиономии туманились хмельными улыбками, душок вился сивушный. А чего? Люди вольные. С одного бону вроде колхозники. Да ведь колхоз не кормит — одни палочки на трудодни проставляют. Потому каждый сам себе добытчик. Иначе — отходник. Наступает пора, гуртуется рабочий люд в артельки. Кто собирается в ближних и дальних краях лес валить, кто торф промышлять, кто избы на стороне ставить... В артель такую кого попало не берут: кому ж охота за неумеху или лодыря горбить? Бригадир в артели — царь и бог: от его сметки, расторопности и работа будущая зависит, и заработок. Самому ни за топор, ни за лопату браться не надо: его забота — выгодное дело найти. С того и ему приварок... Собираются мужики в отход: неделю деревня гуляет, собаки поджимают хвосты. Наконец, настает назначенный час: бредут хмельные еще отцы семейств, балагуря да ухмыляясь, а за ними жены да ребятишки мешки со скарбом тащат, инструменты. Долго тянется процессия, пока лесные тропы не скроют из глаз и знакомую околицу, и сиротливые родные поля... А кое-кто ударялся и в откровенный разбой, погружаясь не столько в работу, сколько в загулы, в злое безделье.

— Ну а ты-то, председатель, надолго? Никак ты у нас тридцать первым берешься верховодить...

— Говоришь, вот такие огурцы,— мужик отмеряет по руке размер,— будем выращивать? А...

— Ха-ха-ха...

— Шел бы ты, пока не поздно, куда и сам дорогу знаешь!.. И провожать бы не пришлось...

Смех в открытую, шуточки беззастенчивые — балаган. А все ж председателем избрали — должен же кто-то и за круглую печать колхоза отвечать. Правда, печати-то как раз и не оказалось. Предшественник, сбегая из колхоза, забыл из кармана штанов ее вывернуть...

Надо было с чего-то и начинать. Стал председатель, который до этого дня и в деревне-то толком не бывал, обходить хозяйство. Направился на ферму — была в колхозе пара сотен коров. Коровник разваливается, через щели вся улица видна, грязь, холод. Животноводам от колхоза на трудодни только сено... В свинарник не пошел. Свинарка предупредила: «Свиньи два дня не кормлены. Вот сейчас в окошко картошки им побросаю, сожрут ее — потом зайдешь». Не уловил председатель издевки в голосе, но ослушаться не решился... С чего же начинать? За плечами председателя был хозяйственный вуз, высшее экономическое образование. Успел на заводе поработать: в немалой должности был, заместителем директора. Научился рубли считать — и не видел в этом занятии ничего предосудительного.

Колхозные поля и фермы почти не давали товарной продукции, нечего было продавать. Касса стерильно пуста. Где же эти рубли добыть, как стронуться с места? Среди скромного наследства, перешедшего новому хозяину, было немного лошадей. Председатель решил определить лошадей на соседнее предприятие на извоз. Возницы на время становятся заводскими рабочими, там им зарплату платят, а за использование лошадей получает уже колхоз. Невеликие, но уже деньги для первого оборота. Да и мужичкам не за тысячи верст в отход уходить, неведомо куда, а возле дома трудиться: какая-никакая помощь от них и колхозу перепадет. Первый шаг был сделан. Но одних этих денег было мало. Они ж не только на трудодни нужны: и коровник подлатать, за удобрения расплатиться, кормов прикупить...

Известно, чтоб получать от сельского хозяйства, сначала немалые деньги надо в него вложить. А у колхоза ни основного, ни оборотного капитала. Даже натурой колхозникам труда не оплатить. Просто заколдованный круг. Выход виделся в одном: скорые деньги, позарез необходимые для перестройки, могли б дать только товары, которые пошли бы сразу на рынок. А где такие товары взять? Из чего изготовить на этой поросшей кустарниками да изъеденной болотами земле? Да из того же кустарника, из тех же веток можно наломать метел и веников, наделать черенков для грабель и лопат. Вот и деньги.

Оставалось немногое: уломать селян приняться за это дело. Не обошлось, конечно, без уговоров, но работа пошла. Колхозная касса стала оживать. И на трудодни стали выплачивать, и средства для вложения в основное производство потекли. Но был в этом еще момент, может, даже более важный, чем чисто денежный. Люди стали понимать, что для того, чтоб заработать себе на хлеб, вовсе не нужно покидать дом, деревню, колхоз: руки твои и здесь пригодятся. А когда ты при доме, и огородишко не сиротлив, и домашняя скотина не впроголодь. Все чаще стали задумываться отходники: брести ли на сторону? Все больше своего труда они отдавали колхозу. Не понравилось это прежде всего бригадирам отходников: они и власть теряли, и деньги.

Когда они почувствовали, что председатель взялся всерьез за «ходокоа», что не будет больше уходящим из деревни на сторону потакать, почувствовал тридцать первый на одном из собраний: не все ладно. Припозднилось, пока народ стал расходиться. «А ты не спеши,— сказал председатель одному из тех, кто вызывал у него беспокойство.— Нам есть еще кой о чем поговорить. Зайдем ко мне, чайку попьем да и вопросы решим». Дома лампу зажгли, чай вскипятили. Собеседник все подальше от окна жмется — так и чай за столом пить неудобно. «Да ты придвигайся поближе...» Не успел председатель договорить фразу — раздался звон стекла, грохот выстрела, лампа вдребезги, чашки полетели, председатель свалился со стула, стал ощупывать себя. Нет, вроде все цело, бровь только слегка стеклом посечена.

— Поднимайся, пошли,— скомандовал Степан.

Похоже, чутье не подвело: на ту избу вывел председатель. В избе темень, но чувствуется: здесь не спят. Пришлось хозяину открывать. По бледному лицу его и испуганному виду все уже можно было понять: стрелял он. И ружье здесь же нашлось. Но председателя удивило другое: во всей избе ни колченогой скамьи, ни одеяла — пусто. Одна лишь печь в голой избе. Не много же скопил себе мужичок в дальних странствиях.

— Бери ружье, иди,— уже негромко сказал председатель.— Ничего я тебе не сделаю. А ружье свое ты сейчас утопишь в проруби. Понял?

— Сейчас это вроде смешно,— говорит уже мне Степан Петрович,— а тогда было и угроз немало, и хулиганских выходок. Не раз в колхозе портили и без того неважные механизмы, разные машины. И это в середине пятидесятых годов!

Но дело шло. Через пару лет построенный на веники птичник стал давать 250 тысяч яиц в год, удои выросли вдвое. К 1959 году в районе уже перестали говорить о колхозе как об отстающем и тут же присоединили к «16-й го-

Степан Петрович Гинин, председатель владимирского колхоза имени 16-й годовщины Октября.

довщине Октября»— гининскому колхозу — совсем слабый колхоз, состоящий из трех деревень. И, забегая вперед, скажу, что потом в 1974 году еще присоединили колхоз, в 1979-м — еще два отстающих...

Наверное, нет нужды проходить всеми теми тропами и дорогами, которыми гининское хозяйство шло от нужды к относительному благополучию, от него — к настоящему достатку. Нет нужды повторять, как медленно и осторожно менял (не годится здесь слово «ломал») психологию людей председатель. Хозяйство становилось показательным, о нем стали поговаривать не только в районе или области — дальше известность пошла. О светлой стороне дела было немало уже и рассказано, и написано. В относительную тень уходило другое. Почти с тех первых дней, как хозяйство из безнадежно отсталого начало выравниваться, становиться на собственные ноги, оно стало, как бы это выразиться поточнее, стало объектом более пристального внимания со стороны контролирующих, инспектирующих, руководящих и прочих, и прочих инстанций. Первые ласточки не заставили себя долго ждать. Председатель должен был ответить за прорвавшуюся старую колхозную плотину, за размытые дождями посевы картофеля, за оборудование льнозавода, неведомо когда и чем подвешенного на баланс колхоза. И не раз потом еще был у председателя повод вспомнить слова одного из своих предшественников: «Чего бегу? Сидеть не хочется...» Не стану в хронологической последовательности вспоминать, когда председателю приходилось ночевать в скирдах, а не дома, опасаясь быть увезенным «в район», а когда мужики, уже почувствовавшие всю силу нового колхоза, уже официальным порядком, всем сходом отбивали председателя от очередного «повышения». Чем больше крепло хозяйство, тем, как это ни странно, становилось оно неугоднее. Впрочем, чего же тут странного. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что это путь каждого из удачливых председателей. Удача к ним не приходила сама собой, а являлась результатом определенной хозяйственной политики. Но если председатель проводит свою политику: не в спущенное по инструкции сверху время сеет, да к тому же и не то сеет, не то и не там строит, не так и не туда деньги вкладывает — выкаблучивается, словом,— кто же это терпеть станет? И потому среди видимых миру наград прославленных председателей теснятся невидимые миру выговоры, предупреждения, угрозы за самоуправство положить партийный билет и даже угрозы сесть за решетку...

— Период тот для колхозов был не самым легким: волевой стиль руководства особенно проявлялся в сельском хозяйстве. Вместо помощи некоторые руководители вмешивались в колхозные дела, вынуждали заниматься не тем, чем нужно. Чего стоило нам, например, планирование посевов кукурузы в неразумных масштабах в ущерб нашим традиционным культурам.

И снова за строптивость председателя грозили снять, и снова поверившие в правоту его дела колхозники не давали в обиду тридцать первого.

Дела у колхоза все шли и шли в гору. За шесть лет с приходом Гинина колхоз увеличил поголовье коров в пять раз, сдачу мяса — в двадцать семь раз, картофеля — в двадцать раз. Уже в 1959 году колхоз одним из первых в районе и области перешел на денежную оплату труда, стал рассчитываться с государством за ссуды, полученные ранее.

— Замечу, что и в дальнейшем, за последние два с лишним десятка лет, нашему колхозу не списали ни копейки средств, полученных от государства в качестве ссуды. А ведь и в более благоприятных для сельского хозяйства зонах многим колхозам продолжают списывать сотни тысяч и миллионы рублей. Не списывать нельзя. Государство учитывает трудности многих хозяйств. А списывать? Не секрет, что в некоторых колхозах привыкли к этому. Рассуждают так: оплата труда у нас гарантированная, а долги если и будут — государство спишет, оно у нас богатое. Колхоз, который по самой сути своей должен быть хозяйством самоокупающимся, превращается в постоянного нахлебника, должника государства. В результате бич многих колхозов — безразличие колхозников к работе, выполняемой спустя рукава, безразличие, нетерпимое в любом деле, но особенно пагубное в сельском хозяйстве...

В 1961 году беда пришла посерьезнее. Стали повсеместно закрывать промыслы. В селе каждый должен заниматься только землей — вот в двух словах суть того волевого решения.

Как же так, недоумевает председатель, размышляя над книгами ночами. Вот у Маркса в «Капитале» сказано:

«...Чем неблагоприятнее климат, тем короче рабочий период в сельском хозяйстве, тем короче, следовательно, и то время, в течение которого затрачивается капитал и труд. Например, Россия. Там в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130—150 дней в году. Легко представить себе, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда должны прекращаться всякие полевые работы... Существуют деревни, где все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножевщиками и т. п.; в особенности это наблюдается в губерниях Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской».

Маркс из дали времени и места сумел разглядеть российскую проблему, а в России ее не желали и признавать.

А Ленин? Разве его слова, сказанные на Московской губернской партийной конференции в октябре 1921 года: «Мы не должны чуждаться коммерческого расчета... Только на этой почве коммерческого расчета можно строить хозяйство»,— разве эти слова не относятся к каждому хозяйственнику? Или ленинские слова о мелкой промышленности, «которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы».

Может, эти слова устарели? Тогда почему же его, гининские, расчеты и практика полностью подтверждают их правоту? Сколько ни складывай и ни вычитай, мещерское хозяйство не может быть рентабельным, если не поддерживает себя экономически и за счет промыслов. Едва ли для кого секрет, что и мясо, и молоко обходятся слишком дорого колхозу, дороже тех сумм, что колхоз выручает за них. Чем покрывать дефицит? Государственным карманом? А если самим, то из каких средств? И другая сторона. Люди, занятые в колхозном цехе,— резерв для полевых работ в период страды. Та часть колхозников, что работает в цехах, а это меньше трети состава, 207 дней отдает промышленности, но 89 — сельскохозяйственным работам. Не в ущерб основному делу — давать молоко и растить картофель — существует сельский цех, а как заполнитель вакуума, когда сельскохозяйственная работа иссякает. Вспомнить тот же 1961 год. Начали громить промыслы, и тридцать две семьи в деревнях только здешнего колхоза заколотили свои дома, отправились искать по стране счастья... Мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 года исправил и эту ошибку, промыслы вновь обрели права на жизнь...

Тридцать лет председательства — целая жизнь, а для колхоза — без преувеличения — революционная перестройка. Кто прежде был в колхозе — старик, инвалид? Мужик — в отход, молодежь — без оглядки в город. Чем сумел переубедить председатель и молодую девчонку, и зрелого мужика? Сразу всего не перечислить, да и стоит ли? Искал председатель ответ и нашел. Да, прежде всего заработок. Но деньги — это еще не все. Поднял престиж сельского труда. Кого заинтересовал техникой, кого — возможностью проявить себя творчески, увидеть смысл в труде. Быт отладил, отстроил жилье, дороги провел. Создал условия для работы такие, какие заставляют эту работу уважать. Как принято говорить нынче: учел человеческий фактор. А если говорить проще, отнесся к людям по-людски. И они поняли его, ответили взаимностью. Не стоит даже говорить, что не только из хозяйства не бегут, а со стороны просятся. Что средний возраст работающих в колхозе — 35 лет у мужчин и 31 у женщин. Командиры производства — правление — молодые лица: главному агроному 28 лет, главному инженеру 33 года, бригадиру-животноводу 28 лет. И так далее можно продолжать. Один председатель только седой. Но это пока седела его голова, родились и выросли новые колхозные силы. Вот она — могучая, крепкая — уж и не поросль, а сама зрелость. Колхоз крепкий — единственное самоокупаемое хозяйство в Гусь-Хрустальном районе, да и в области находящееся в первой пятерке по насыщенности скота. Председатель — кандидат экономических наук, голова. Живи да радуйся. Все беды позади.

— Какие же были, Степан Петрович, самые трудные годы?

— Какие? Да вот нынешние самые и трудные.

Уж, верно, шутит председатель. Через столькое в прошлом герешагнул, хозяйство крепко на ноги поставил. Все едут к нему — смотрят, учатся, опыт перенимают. Сам ездит, перед экономистами выступает, перед слушателями партийных школ, перед хозяйственниками. Статьи пишет, книги. Все интересно, все правильно, есть чему поучиться. И журналисты не забывают: о нем пишут, о колхозе... И всетаки, все-таки...

Вот минул прошлый год — год шестидесятилетия Гинина. Дата и сама по себе заметная, а для председателя-тридцатитысячника, три десятка лет положившего на один колхоз — много ли их таких сыщется по стране? — тем более...

Орден Ленина и три ордена Трудового Красного Знамени украшают парадный костюм Гинина. Но это заслуги прошлых лет. А где ж новые? Нету их пока. И не потому, кажется мне, что колхоз что-то утратил, упустил. Напротив, став экономически самостоятельным, он стал неудобным для всякого рода указаний, одергиваний, окриков. Председатель стал играть не по правилам, которые жизнь хотя и отвергает, но которые пока еще существуют, закоснели в инструкциях, в инстанциях. Страна перестраивает многие свои механизмы, можно сказать, привычки, учится считать рубли, экономить, не делать дела ради отчета, ради пыли в глаза... А он-то, Гинин, тридцать лет назад именно с этого и начинал и тем превращал себя для иных руководителей в фигуру неудобную, строптивую... Менялись власти — районные, областные, выше, а отношение к хозяйственнику меняли не все. Прикидывали, наверное, так: как это все не в ногу, а он в ногу, у других шиш в кармане, а у него рубль в кулаке? Вот и шли гонцы с полномочиями. Иные говорили прямо: все равно посадим, не сегодня, так завтра. Колхозные документы арестовывали, на грузовиках вывозили. Но, видно, плохо работали — не находили. Последняя оказия в 1984 году началась, закончилась в 1985-м. Несколько десятков представителей работало, да сколько десятков колхозников было еще оторвано от дела. Разумеется, никто не сомневается в законности подобных проверок, а все же... Не слишком ли мы здесь усердствуем?

Да, Гинин—хозяйственный, предприимчивый человек. Он не может не поклоняться колхозному рублю. И он поклонится, чтобы его поднять, а не затоптать в грязь. Как профессионал-экономист, он умеет считать деньги (колхозные, замечу, государственные), а мы еще порой к этому не привыкли. Тридцать лет он упрямо стоит, несмотря на перемену веяний в разные годы, на своей точке зрения на промыслы. Они подняли его колхоз, они и сейчас дают возможность держаться ему на высоком уровне. Ему намекают: отрекись,— он упорствует, ему говорят: умерься,— он ширится. Наконец, он революционизирует само понятие «местное сырье». «Местное — это не только то, что под ногами своими, но и под чужими». Поэтому в Ростове он закупает излишки подсолнечника, чтобы завод ему выгнал техническое масло, а он уже произведет краски на продажу. В другом месте у предприятия он скупает бросовые резиновые обрезки, которые у него пойдут в дело, превратятся в ошейники. Строители в колхозе свои. Это удобно со всех сторон: и свои строительные нужды они покрывают, и деньги приносят в колхоз, и в убёг не стремятся. В голове у Гинина много планов, не стану их раскрывать. Но все они направлены в одно: крепить экономику колхоза в самом широком плане и вовсе не в ущерб основному делу — кормить страну.

— Но вы хоть понимаете, что каждым новым шагом вы навлекаете не только похвалы на свою голову?

— Иначе жить неинтересно. Да и поздно меняться...

Перестройка. Всегда ли это ломка привычного? Нет, иногда это и умение устоять на избранном пути...

Мещерская осень * Колхозный художник-оформитель Валентин Максимович Смирнов и резчик Сергей Крылов из тех людей, что не дают забыть мастерство предков * Уют колхозного кафе — дело рук своих мастеров * Что же за деревенская улица без живности!

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ДАЮ УРОКИ

Работая за рубежом и растратив деньги, выданные на покупку служебной автомашины, журналист-международник Ростислав Знаменский оказался в Ашхабаде в должности переводчика. Здесь он сблизился с Аширом Атаевым, уволенным с работы следователя по особо важным делам: преступники, на след которых он напал, подложили в его сейф крупную сумму денег, представив дело так, будто это взятка. Атаев на свой страх и риск продолжает расследование, но ему нужна помощь друга, так как за Аширом следят, и любой неверный шаг может стоить ему жизни.

Ростик... Ростик... Его вовлекали в какую-то явно рискованную историю, его опять «повели», взяв, даже схватив за руку, а все-то он Ростик, Ростик...

— Мало мне своих забот, Ашир? — Знаменский откачнулся от него, от этого жара в нем.— И что я могу?

— У тебя связи.

— Какие там связи?! Где был, где очутился? Ровня мы!

— Нет, тут ты не прав.— Ашир снова уселся на свое место, спокойным вдруг стал, не пригубив, отставил стакан, насмешливо, колко поглядывая на Знаменского.— У тебя, Ростик, все куда хуже, чем у меня. У меня совесть чиста. Есть разница?!

— Ну и убирайся тогда, если ты такой благополучный! Пей! Гуляй!

— Не злись. И я не пью и не гуляю. Но это хорошо, что ты так думаешь. Пусть и все так думают. А я работаю. Но мне нужна помощь, Ростик. Пойми, я стреножен. Мне шагнуть никуда не дают! Я думал: вот приехал человек, которому надо заслужить доверие, вернуть назад доверие... Я подумал, надо познакомиться с этим человеком... Может быть, не все уже кончено для него?.. Мы познакомились... Ты еще неконченый человек, Ростик... К счастью... Я так думаю, поскольку знаю людей, а я знаю людей, со сколькими в грязи вывалялся, я думаю, что ты не безнадежен... Я решил, ты согласишься мне помочь...

— Так вот зачем Дим Димыч сдал мне свою комнату? Ну и ну!

— Не злись. У Дим Димыча свои планы касательно и тебя, и меня, и Светланы, и маленького Димы, и вообще Вселенной. Он строит души. У меня планы поскромней. Мне нужно, чтобы Ростислав Юрьевич Знаменский слетал через недельку-другую в Москву. На денек. Всего лишь на денек. К себе домой. Навестить жену. Это так естественно. Ну и заодно встретился бы там кое с кем из влиятельных своих приятелей. Да что приятели, у тебя же тесть — министр. Вот этот уровень мне и нужен. Мне нужно, чтобы мое письмо дошло до самого верха. Понял?! К самому! Вот и все, что от тебя требуется, Ростик.

— Сам бы и слетал. Тем более, как ты утверждаешь, тебя в Москве знают.

— Мне нельзя. Чудной человек, совсем, смотрю, наивный человек. Международником был? Совсем, смотрю, наивный международник. Вот тебя и повели.

— И сейчас ведут. Это так, ведут!

— Не злись. Пойми, я на крючке. Каждый мой шаг под присмотром. Ну, полечу, если в самолет пустят, ну, прилечу, если долечу. Кто я? А, этот Ашир Атаев из Ашхабада, выгнанный за взятки! Кто меня выслушает? Жалобщик... Обиженный... Дежурный по МВД возьмет брезгливо письмо, он его и закроет, а то и перешлет сюда, в Ашхабад. И тогда...—Ашир вскрикнул, сжался, обеими руками схватившись за живот, будто кто вонзил ему туда нож. И такая боль развела его губы в яростный оскал, что почудилось: убит человек.

— Тогда пойди здесь в ЦК,— сказал Знаменский.— Пробейся на прием. Тут-то тебя действительно каждый знает.

— И каждый знает, что меня еще будут судить, если не пожалеют, знают, что я спиваюсь. Вон какой! Кто станет со мной разговаривать? А вот то, что я пришел в ЦК, а вот про это кое-кто узнает... И тогда!..— Он снова, но уже медленным движением прижал ладони к животу.— Нет, никуда не денешься, ты мне нужен, Ростик. И еще больше стал нужен, когда подвернулся случай с этим посланником. Удача! Если, конечно, ваша поездка состоится. Но думаю, что состоится. Как думаешь?

— Глупые затеи всегда удаются. Этот глупый посланник, пожалуй, клюнул на твой чал.

— Он не глуп, Ростик, ты ошибаешься. Он просто несчастный, смертельно больной старик. Ах, как ты плохо разбираешься в людях! Баловень!

— Ну, хорошо, про Москву мне хоть что-то понятно, но в этой поездке что я могу для тебя сделать?

— Еще больше, чем в Москве. Мне не хватает сведений. Ты их мне привезешь, тебе их передадут. Я думал, что мне пригодятся твои связи, теперь ты поработаешь у меня и связным.

— Если соглашусь, Ашир.

— Как это не согласишься? Ты кто? — Ашир перегнулся к Знаменскому через стол.— Ты задумывался, кто ты?.. Знаю, все время об этом думаешь. Ты — о своей беде, я — о своей. Но... я же сейчас даю тебе возможность послужить Родине... Громкое слово сказал? Нет, такое самое, какое нужно! Тебе повезло, я считаю. Это опасно, учти. Могут убить. Тебе очень повезло, я считаю!

— Да, увлекательно говоришь.— Улыбка все же и тут пришла к Знаменскому на помощь. Не до улыбок было, а он так широко улыбнулся, что и Ашир не удержал губы, оскалился.

— Ах, какой!— восхитился Ашир.— Ах, баловень судьбы! Учти, если проболтаешься, струсишь, меня в одну минуту ликвидируют. А мне нельзя исчезать из жизни. Понял?!

— Что же это все-таки за страсти-мордасти? Торгаши? Всерьез? Взятки? Если это не убийство из-за ревности, то из-за чего же?

— Наркотики, друг, наркотики,— сказал Ашир, осторожно оглядываясь и шепотом.

— Какие еще наркотики? Ты что, в Колумбии, в Сингапуре, в Гонконге?

— Не кричи ты! Тише удивляйся... Я у нас, я здесь...

— У нас наркотики? Торговля наркотиками? Может, скажешь, мафия?

— Может быть... Может быть... Это я выясняю.

— Ашир, да меня погонят с такими мыслями! Скажут, свихнулся я у вас от жары, связался с сумасшедшим!

— Не кричи, прошу тебя! Да, да, мы привыкли думать, что у нас ничего подобного быть не может. Привыкли думать... А привыкать ни к чему нельзя. Опасно! Ведь нас атакуют. Гляди, сколько всего понаползло к нам. И все ползет, наползает. А мы приучили себя думать, что мы всегда вне опасности. Война? Ядерная? Да, про это мы беспокоимся. Но разве эти вещи, вещи, вещи, которые, как вражеские солдаты, заскакивают в наши дома, разве это не военные действия против нас? Ты не спорь, ты послушай. Война это! Сражение!

— Да не ори ты!

— Да, да, я забылся. Прости. А эти вопли на танцульках, эти извивающиеся тела, зашедшиеся девчонки? И ты думаешь, среди них нет уже тех, кто и с наркотиками познакомился? Есть, есть. Курят всякую самодельщину. Колются. Да, да! Ходят по рукам и порошочки. Мода! Видишь ли, мода! Как у них там, как на Западе! Им можно, а нам нельзя?.. Это навязанные нам сражения, Ростик. Это война! Не могут развязать ядерную, страшатся, придумывают такую вот, ползут, наползают. Мода! И мода может обернуться войной.

— Ты считаешь, что сюда к вам ввозят наркотики? Откуда? Это не так-то просто. Уж я-то знаю. Говорят, был момент, проскакивали через нашу страну транзитом, но теперь... Уж тут-то я получше тебя осведомлен. Досматривают железно. И карают.

— Говори, говори, хорошо говоришь, приятно слушать. Но зачем ввозить? Разве здесь, на нашей земле, никогда не рос мак? Мак! Тише, тише...— Ашир прихлопнул ладонью рот, будто произнес невесть какое страшное слово. И уж совсем перешел на шепот: — И разве морфин, алкалоид опийного мака так уж трудно изготовить? В любой прилично оборудованной аптеке это могут сделать. Разумеется, тайно, в неурочное время. И разве героин, самый страшный из наркотиков, не является производным морфина? Но он более токсичен, вызывает необратимую наркоманию. Понимаешь, необратимую? И достаточно для какой-нибудь дуры, для какого-нибудь болвана пяти-шести порошочков, десятка самодельных сигарет, чтобы они стали не-об-ра-ти-мы-ми! Понимаешь?! Война! Проигранное сражение!

— Ты не сгущаешь краски, Ашир?

— Вот! Наше любимое выражение! Сгущаешь краски!.. Ах, как мы любим покой! Но война, если уж не ядерная, она в башках у наших врагов, она им нужна, необходима. И они будут искать, выискивать любые лазейки для нее. Мы еще понагладимся! — Ашир умолк, понурился, он все сказал. Нет, еще не все. Он поднял голову, выпрямился, чтобы еще что-то важное сказать, решающее разговор:— Между прочим, тот ревнивец и убийца был в своем городе директором аптеки. Он, видишь ли, в свое время окончил фармакологический институт. Как окончил? Трудно сказать. Купил, возможно, диплом. Но... у него была аптека, он заведовал аптекой. Между прочим, жена могла знать о его делах. И вот она-то, приревновав — а он давал поводы,— могла пригрозить ему разоблачением. И... А мак? У нас есть такие уголки в просторах наших, где клочок макового поля вполне может затеряться.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—44.

Мы обширная страна. И этот мак у нас может давать три урожая. И даже с воздуха не всегда углядишь этот маковый лоскуток. Все же я потребовал вертолетного досмотра. Я поспешил...— Он замолчал, поник. Вот теперь он все сказал.

16

Как говорится, нельзя пошутить, чтобы шутка не обернулась чем-то серьезным. Застольный треп, шутливая затея, а вот уже и выправлена Знаменскому командировка, ему вменено сопровождать ответственного работника Комитета по туризму, ему и билет на самолет вручен. Клюнул на загадочный напиток чал бывший посланник Самохин. И так увлекся, развил такое ускорение, что уже на следующий день очутился Знаменский в аэропорту, чтобы лететь в Красноводск вместе с Самохиным.

Их отвез туда Алексей, провожал очень обрадованный этой командировкой для друга Захар Чижов. Трое суток прошло — и вот уже нашлась для Ростика работа. Удача!

Летели дневным рейсом на Ту-154.

Очередь, вытянувшаяся на посадку, напоминала базарный ряд, где торгуют дынями, арбузами и виноградом всех цветов и оттенков. Очередь благоухала, а люди в ней уже успели притомиться, и даже не от зноя, а от тяжести своей благоухающей продукции, которую они приволокли в аэропорт в мешках, ящиках, сумках, частью сдав все это в багаж, а частью перетаскивая в руках. Базарная толпа. Даже осы тут появились, всегдашние на базарах в виноградном ряду. От них отмахивались, изнемогая от зноя. А за решеткой ограды протягивались медленные тела лайнеров, этих чудотворящих созданий. Ведь чуть больше трех часов пройдет, и базар здешний, прихватив даже и ос, перекочует в Москву. Или не чудо?

В изнемогшей толпе хорошо чувствовал себя один только Александр Григорьевич Самохин. Во-первых, жара была целебна для него, он в это верил. Во-вторых, он совершил поступок, а это всегда ободряет мужчину. И, наконец, он действительно поверил в загадочный этот чал. А вдруг?!. Самохин был оживлен, говорлив, приосанился, молодо поводил своими выжелтившимися глазами, провожая проходивших женщин. Он беседовал с Захаром Чижовым, с ровней себе, предоставив Знаменскому общество водителя Алексея. Дистанция сразу же была установлена. А иначе нельзя. Самохин и билет себе велел выправить в салоне возле кабины летчиков, хотя в этом рейсе и не было первого класса, традиционно полагающегося для дипломатов высоких рангов. А все-таки салон-то первый. Возможно, об этом и беседовал сейчас Самохин с Захаром Чижовым, втолковывая ему законы устойчивости, остойчивости в житейском море, заодно обсуждая и стать проходящих женщин, подтверждая своим женолюбием свою жизнеспособность. Захар томился, это и издали было видно. Но он был на службе сейчас, он провожал важного гостя, ему надлежало выслушивать и терпеть.

Не терял времени и Алексей. Он таинственно отвел Знаменского в сторонку, спросил, понизив голос:

— Ростислав Юрьевич, а вы, по заграницам ездя, бывали на высокопоставленных приемах? Какие там банкеты?

— Так в чем дело? Зачем тебе эти банкеты, Алексей?

— Не мне, одному влиятельному человеку нужна консультация.

— Какая же?— Знаменский вполуха слушал Алексея, высматривая, не покажется ли в толпе Ашир. Он же о каком-то поручении ему вчера толковал, он и затеял эту поездку, подбил старика. Но Ашира не было, а вот-вот начнут впускать в узкий предбанник, где пассажиров станут просвечивать и промагничивать, дабы дознаться, а не провозят ли они оружие. Это был внутренний рейс, досмотр будет поверхностным, не столь тщательным, как, скажем, на аэродромах Лондона или Парижа, где пассажиров стали обнюхивать собаки, особенно если ты не улетаешь, а прилетаешь. Собаки эти были натасканы на наркотики. Так неужели же и у нас?..

— Нет, не верю!— вслух вырвалось у Знаменского.

— Вы о чем?— удивился Алексей.— Я правду говорю, влиятельный человек. И он велел узнать у вас, как правильно рассаживать народ за банкетным столом. Ну, кто в голове, кто по правую, кто по левую. Какой, так сказать, порядок-распорядок.

— Зачем ему это? Он кто, твой человек?— Знаменский вытянул шею. Кажется, через площадь перед зданием аэропорта, где сейчас плавился асфальт, промелькнула сутуловатая длинноногая тень.

— О, большой в городе человек!— уважительно построжал лицом Алексей.— Зубной техник. Всем у нас, кто при деньгах, зубы в золото обрядил. Юбилей у него. Хочет, чтобы все, как в лучших домах.

— Зубной техник — это все же не посол, не находишь? — Нет, не появлялся Ашир. А уже отворились двери, уже первые торопыги протиснулись на досмотр.— Да ты спроси Самохина, он же настоящий посланник.

— Устаревший!— отмахнулся Алексей.— Вы моднее.

— Ладно, вернусь — расскажу. Мне пора на посадку.

— Пока хотя бы в общих чертах,— не отставал Алексей, идя следом за Знаменским.— Глядите, он мне одну коронку уже поставил...— Алексей широко открыл рот, пальцем приподнимая губу, показывая новенькую золотую коронку в ряду его отличных, хищно-молодых зубов.— А мне еще две нужно. Погонит, если не узнаю.

— Так у тебя же замечательные зубы, дуралей,— сказал Знаменский, еще раз, в последний раз высматривая в толпе Ашира.

— Мода! Мода! Ну что вам стоит намекнуть, Ростислав Юрьевич, где кто сидит?! Ведь я у него в руках, зубы-то подпилены.

— Ну, Алексей... Значит, так, посол-дантист, он же хозяин дома, сидит не в голове стола, а посредине. Понял, посредине? Послиха-дантистиха, стало быть, сидит насупротив него. Стол должен быть прямоугольный. Запомнил?— Знаменский уже подходил к дверям, за которыми начинался досмотр. И снова глянул: нет, не было нигде Ашира.— Ну, а гости...— Знаменский вступил в проем дверей.— Вернусь, доскажу. А вообще-то рассаживайтесь по степени нахальства. Ближе к хозяину и по праву понахальнее. Понял? До встречи, Алексей! Жаль мне твои зубы!

— Что передать дамам, Ростислав Юрьевич?

— Дамам? А! Передай, чтобы ни в коем случае не поддавались моде!

Знаменский махнул, прощаясь, рукой Захару — их разъединила толпа — и вступил под подкову досмотра, в триумфальную эту арку конца нашего столетия, отмеченного терроризмом, угоном самолетов и провозом наркотиков. Но это не у нас, это там, у них. Сгущает краски Ашир. Говорил, пугал, просил помочь, а сам даже не явился.

В самолете Знаменский сел рядом с таким принаряженным мужчиной, какие только в Латинской Америке могли бы повстречаться. Зной, в самолете просто парильня, а сосед и в пиджаке, и даже в жилете, и, конечно же, платочек торчит из кармашка, и галстук не устрашился нацепить. Латиноамериканец — и все тут. Но личико российское, лукавое, и хотя молодое, но уже изморщиненное страстями. Знаменский вспомнил себя вчерашнего, каким явился в МИД. И устыдился. Таким же почти и явился. Разве что без жилета. Но сегодня он уже иным был. В путь отправился в старых джинсах, в свободной рубахе, в башмаках, в которых было хожено-перехожено.

Знаменский рассматривал, но и его рассматривали.

— Рубашечка, гляжу, фирменная,— сказал латиноамериканец.— Джинсята, гляжу, доведены до кондиции. Ох, эта наша простота из валютного магазина! Послушайте, где я вас мог встречать? Кстати, познакомимся, лететь-то три с лишним. Петр Сушков. Кинодраматург. Здесь, в этой печке природной, у меня фильмик испекается. Знаете, совсем неплохая тут студия. С традициями. Иванов-Барков... Алты Карлиев... Мансуров... Теперь вот братья Нарлиевы... Но где же все-таки, где я мог вас встречать? В Доме кино? Нет, не то видение! Иным зрением я вас помню. А? Будем знакомы!— Этот общительнейший кинодраматург протягивал Знаменскому руку, улыбаясь всеми своими жизневедущими морщинками. Что ж, и Знаменский откликнулся улыбкой, врубил свое обаяние.

— Ростислав Юрьевич Калиновский,— назвал он себя, взяв девичью фамилию матери. Он так и раньше при подобных знакомствах поступал, чтобы избежать удручающих разговоров о его профессии, когда случайный знакомец узнавал, что повстречался с журналистом-международником Ростиславом Знаменским, лицо которого — ах, вот вы кто?!— он видел, по телеку, ну как же, как же.

— Калиновский?.. Калиновский?..— задумался кинодраматург Петр Сушков и вдруг хохотнул.— Чуть было не спросил вас, а не родственник ли вы того Кастуся Калиновского, про которого был очень знаменитый некогда фильм смастерен? Так и назывался «Кастусь Калиновский». Но незапамятных времен лента. Только природный киношник, только вгиковец, а мы во ВГИКе изучали историю кино, может вспомнить этот боевик.

— Кстати, а возможно, и родственник,— сказал Знаменский. Мог бы не говорить этого, но бес попутал, он все же продолжал оставаться самим собой: ну как было не ухватиться за такую великолепную возможность чуть-чуть не побахвалиться перед мимолетным знакомцем. Впрочем, это даже не бахвальством было, это истиной было. Его мать была из знатного польского рода Калиновских. Конечно, быльем все это поросло, но мама гордилась. И в их небольшой квартирке в старом доме московском, в двух тесных комнатках, изо всех углов, со всех стен глядели на маленького Ростика, на подрастающего Ростика и на совсем взрослого Ростика его усатые, горделивые прапрадедушки и томные, с осиными талиями прапрабабушки. Шляхта! Может, и не родня вовсе. Как узнать, где добыт портрет, с кого писан? Но мать утверждала, что Ростик похож вот на этого лыцаря, и совершенно такие же у него глаза, как вот у этой юной паненки из семнадцатого прославленного века.

— Да ну?! — изумился Сушков.— Разве Кастусь Калиновский не вымышленный герой?!

— Конечно, нет. Это древний польский род. Были в нем и гетманы, воеводы, были и повстанцы. Как же вы там историю изучали кино, если не знаете, кто у вас вымышленный, а кто доподлинный?

— А какая разница? Мы изучали не историю персонажей, а как фильм сделан. Помнится, в ленте про вашего родственника нас особенно занимал параллельный монтаж при погонях. Это еще от Гриффита пошло, от этого американского реформатора кино. Слыхали про такого? Десятые, двадцатые годы нашего века. Заря кинематографа.

— Тот, что открыл Дороти и Лилиан Гиш? После него был Мак Сеннетт, кажется. Это тогда началась слава Голливуда, возникли студии «Юниверсэл» и «Метро-Голдвин-Мейер»?

— Господи, да вы же культурнейший человек!— возликовал Петр Сушков.— Кто, кроме киношников, да и из нас-то немногие, может знать такое! Вы кто? Изнываю от любопытства!

— Никто.

— О, инкогнито?! Не хотите, чтобы узнали? И так простенько совсем оделись. Но, увы, и из простого прет. Рубашечка, повторяю, фирменная, джинсы — тоже. Впрочем, не это тряпье вас выдало, оно доступно нынче каждому, дорогой товарищ правнук Кастуся.

— Что же меня выдало?

— Вообще-то многое. Но прежде всего эти вот часики золотые на вашей руке. Заветные часики с фирменной подковкой на циферблате. «Омега»! И золотая «Омега». Это же номерной экземпляр. Такие, из золота, такие плоские, убийственно скромные, внемодные и обморочно дорогие носят на запястьях исключительно миллионеры. Или не так? И вдруг в самолете, следующем из Ашхабада, на руке соседа я вижу такую вот любопытнейшую деталь. Вы, конечно, бывали за границей?

— Бывал.

— А на Капри?

— Был и на Капри.

— Эх, инкогнито! Да кто же из наших, из советских, бывал на этом островке миллионеров?! Единицы! Но взысканные, взысканные единицы.

— Вот вы были.

— Понял вас, сэр. Я не выгляжу слишком уж взысканным. Но я киношник. А киношники — причудливой судьбы люди. Куда нас только не заносит! Да, был. Собирались снимать фильм о Горьком. Ну, на три дня командировали предполагаемого режиссера и предполагаемого автора сценария. Валюты — в обрез, срок —

ничтожный. Мы даже не сумели найти на Капри за эти три дня, а где же там жил Максим Горький. Показали один дом, но внутрь не пустили, на воротах было начертано: «Кани мордачи!» — «Злые собаки». Мы и не сунулись. Показали еще какую-то гостиницу. Жил ли, нет ли, а нам уже уезжать пора. Но все-таки Капри я поглядел. Так вот, на этом курортном острове миллионеров, когда слонялся по улицам, глядя на богатейшие витрины, прикидывая, что могу купить на свои лиры, и убеждаясь, что ровным счетом ничего, ну, ни единой даже безделушечки, обратил я внимание на гулявших там старух. Знаете, этих американок с седыми куделечками и высохшими икрами? Железные старухи! Они бегали по острову как молоденькие. Глазками постреливали на мужчин, честное слово. Но не в этом суть того, что я тогда подметил. А подметил я, что старушки эти были наипростейшим образом одеты, в жалких платьицах бегали, чуть ли не в шлепанцах и на босу ногу. Им было так удобней, старому телу вольготней, ведь на Капри была жара. Что удобно, то и надели. Но...— Сушков воздел указательный палец.— Внимание! Внимание! Но... на каждой из этих старушенций, одетых как нищенки, в ушах ли, на запястьях, на подагрических ли пальцах, висели или надеты были целые состояния. Мол, знай наших! Платьишко пятидолларовое — для тела, а браслетик тысяч на сорок — для престижа. Чтобы не спутали, и верно, с какой-нибудь беднячкой. Вот что я тогда подметил. То же самое и с вами... Совсем простенько одет человек, но — «Омега». И золотая, заметьте. А вы говорите — никто!

— Никто, никто, именно так,— покивал, разжигая свою улыбку, Знаменский.— А часы, что ж, подарок жены.

— И где же это раздобываются такие жены? Вы москвич?

— Да.

— Она будет вас встречать? На «мерседесе» домой покатите, угадал?

— Не угадали, Петр. Я схожу в Красноводске.

— Вон как! Да там же сейчас сто градусов в тени! Причем, замечу, тени нет.

— И все-таки схожу именно там.

— Так, так... Значит, вы еще загадочней, чем я думал. Но все-таки Калиновский?

— Все-таки Калиновский.

— Княжеский род, что ни говори?

— Что ни говори. Мама утверждает, что Калиновские были знатнейшими шляхтичами в одном ряду с Вишневецкими и Потоцкими.

— Да... Но «Омега» не из шестнадцатого века, как я полагаю?

— Тогда вроде этой фирмы еще не было.

— В том-то и дело! Так вы в командировке здесь? И вас погнали в такую наижарчайшую пору? Экстренный случай? Угадал, вы ревизор?! Ловите жуликов?! Сейчас это модно. Ловят и ловят! Что, в Красноводске какой-то торгаш крупно попался? Вы уж простите меня, что я допытываюсь... Профессия! На расспросах и кормлюсь. Сюжетики! Судьбишки! Вот ваша «Омега» — это уже сюжетик. Нет, не ревизор? Да, не похожи, это я так, не подумавши ляпнул. Режиссер? Актер? Тогда бы я вас знал. Все дело в том, дорогой Ростик, ох, простите, что я так, по-приятельски, все дело в том, что если я когда-то хоть раз углядел своими глазками, то это уже навсегда, как фотография. А я вас где-то да углядел. И вот томлюсь, хочу вспомнить. И к тому же «Омега»... Не признаетесь? Не раскроете инкогнито?

Но тут Знаменского выручил радиоженский голос, уведомляющий пассажиров, следующих до Красноводска, что самолет идет на посадку и необходимо пристегнуть ремни.

— Пойду к своему шефу,— сказал, поднимаясь, Знаменский.— Он в первом салоне.

— Сбегаете? Допек я вас?— Сушков поднялся, протянул руку, морщинками бывалыми применывшись и без того маленькое и прелюбознательнейшее свое личико.— Простите, молю, но — профессия! А мы еще встретимся! Пароль донёр! Нес па?

— Мэй би, мэй би...— Подхватив сумку, Знаменский быстро пошел по проходу. Ну и духота в этом самолете! Взмок весь. И уши заложило. Самолет круто шел на посадку. В окошечках замелькала синева, изумительная синева. Это было Каспийское море. Не поверилось, что там, внизу, тоже злобствует зной. Синева эта его утешила, ободрила.

Позади прибрежная скалистая гряда — в скалы, теснимые морем, и врезался этот город,— позади немыслимое хитросплетение труб громадного нефтеперегонного завода, позади эта чужедальщина для глаз, будто ты где-то вблизи Эр-Риада или Эль-Файюма, и вот уже сидят они в гостиничном ресторане, где никакой чужедальщиной и не пахнет, разве что запах остывшего бараньего жира укоренился тут, а он не из самых приятных. Но на столе перед ними большой графин с мутновато-белым напитком. Это чал.

— Вот мы и в государстве Чал!— наливая в пиалушку этот мутноватый, жидко изливающийся напиток, провозгласил Самохин. Он осторожно приблизил к губам пиалушку, испил, страшась, коротко сглотнув, и замер, ожидая мгновенной смерти или мгновенного исцеления. Но не случилось ни того, ни другого.

— Пейте, пейте, я раздобыл для вас изумительный чал, наисвежайший, от самой красивой верблюдицы! Мне позвонили из Ашхабада и дали указание. Во-первых, показать вам все перспективные курортные места, во-вторых, обеспечить любым транспортом, включая вертолетный, в-третьих, наладить снабжение чалом. Я решил, что «в-третьих» важнее, чем «во-первых» и «во-вторых», ибо через желудок проходят все караванные тропы. Пейте, пейте, наш уважаемый Александр Григорьевич! Смелей, это не девушка! Чал не обманывает!

Кудрявый, веселый круглоголовый человек, не шибко молодой, но молодоглазый и улыбчивый, все эти слова произносил с напором, раскатывая в них «р» и сглатывая «л», отчего слова как бы выпархивали из его сочных, смугловато-красных жизнелюбивых губ. Он их встретил в аэропорту, торжественно представился заведующим всей культурой города-порта Красноводск. Он их и препроводил в лучшую гостиницу города, разместил в лучших номерах, в люксах, разумеется, явно проявив душевную тонкость, ибо и шефу, и его помощнику он добыл одинаковые номера. Но тут сыграла роль мгновенная симпатия, которую взаимно ощутили друг к другу и он, и Знаменский, совпали их улыбки и отворились их души. Самохин же был сановен, малодоступен, изнутри надут. Роль играл. Нравилось ему быть начальником. Но чал смягчил его. Все-таки врачеваться же сюда прибыл, а врачуясь, мягчают.

— Почему, дорогой Меред, вы особенно подчеркнули, что чал от красивой верблюдицы?— спросил Самохин, еще разок коротко сглотнув.— Разве это имеет значение?— Он поставил пиалу, начал вслушиваться в себя, замерев, полузакрыв глаза.

— Громадное! Наигромаднейшее, уважаемый Александр Григорьевич!— Меред не позволил себе улыбнуться, только на Знаменского скосил лукавые глаза, приятельски чуть-чуть ему подмигнув.— Красивое только и лечит! Возьмем, к примеру, ту же девушку... Какая разница в конце концов какое у нее лицо? Если вдуматься! Но мы тянемся к красоте, ибо это главный закон гармонии. А гармония, не мне вам объяснять, уважаемые москвичи, главный закон жизни. Я правильно говорю?

— Вы где учились, Меред?— смеясь спросил Знаменский.— Не на философском ли факультете?

— Выше, выше поднимайте, дорогой Ростислав.

— Может, в Академии общественных наук?— спросил Самохин.— У нас? В Москве?

— Выше, выше поднимайте, уважаемый Александр Григорьевич!

— В школе при ЦК?— спросил Самохин, повнимательнее глянув на Мереда.

— Это, конечно, совсем высоко!— Меред почтительно свел ладони.— Но я еще выше учился.

— Ну, брат!— радуясь этому веселому малому, наиграл изумление Знаменский.— Разве есть что выше?

— Есть, дорогой! — Меред выждал, округлил глаза, таинственно понизил голос.— Я у жены учился. И учусь. А она у меня секретарь обкома.— Он развел руки, уронил голову.— Вы знаете, что это за наука — каждый день? И ночью тоже! А вообще-то я окончил семилетку и курсы киномехаников.

— Так, так, очень забавно излагаете,— сказал Самохин и позволил себе улыбнуться, тем более что чал, который он потягивал, кажется, начинал завоевывать его доверие.— А теперь определим нашу программу. Я бы хотел прежде всего встретиться с руководством.

— Прежде всего мы встретимся с шурпой,— сказал Меред и молитвенно повел носом.— Слышите благоухание? Несут! Шурпа — это суп, где встретились барашек и козленок. Какой там суп! Это — блаженство! На три пальца огненного жира!

— Три пальца жира?!— ужаснулся Самохин.

— А для начала икорка паюсная, рыбка горячего и холодного копчения... Все наше, все дарит нам седой Каспий! Прошу!

Две официантки с двух подносов сгружали на стол пленительнейшую жратву, эти дары седого Каспия, разом смешавшие свои царственные запахи. Официантки действовали быстро, споро, отмекали их полные руки, и женщины удалились, покачивая внушительными бедрами, а на столе, на скучной только что скатерти возникла скатерть-самобранка с яствами из сказочных времен.

— Прошу! Скромный завтрак...— Меред даже голову свою круглую и кудрявую вобрал в плечи, таким скромным считал он свое угощение.— На скорую, как в России говорят, руку... Вам прозрачной налить, Александр Григорьевич? Чуть-чуть, разумеется, совсем чуть-чуть, лишь для пищеварения.

— Но я страшусь жира! Какая там водка?!— Бедный Самохин утратил всю свою сановность.— Мне бы творожку немного...

«Смертельно больной старик...»— вспомнились Знаменскому слова Ашира. И вспомнилась расплавленная площадь перед аэровокзалом, на которой померещился Ашир Атаев. Померещился, не явился. А они вот здесь, слуги его затеи. И чал на столе. Но еще и эта жратва замечательная, которая старику страшнее яда.

— Чал все снимет,— сказал Меред.— А страшиться надо только змеиного укуса и предательства друга.

— Из лекций жены?— спросил Знаменский.

— Н-е-е-т! Это народное.

Самохин оживился.

— Икорки я все же отведаю! Но копченостей — ни за что! И не упрашивайте! Это главные мои враги!

— Главные наши враги — сомнение в своих силах и робость при исполнении желаний!— провозгласил Меред.— Так выпьем же, друзья, ну хоть чала, чтобы эти враги никогда не мешали нам в ответственный момент!

— Шутник, вы шутник, я гляжу!— Самохин судорожно тер ладони над столом, не решаясь и уж почти решаясь протянуть руку к чему-либо из этих яств.— А! Рюмочку я все же выпью! Крохотульную!

— Чал все снимет,— сказал Меред.

— Да, обучен ты совсем не худо,— сказал Знаменский.— И все жена?

— Зачем про жену спрашиваешь? Нельзя спрашивать про жену! Нет, это еще до нее. Киномеханик — тоже наука. Везде свой человек. Даже грабитель в пути не остановит. Он знает, что человек везет фильм к чабанам. Я прошел большую школу, друзья. Потому я такой веселый, что я такой ученый. А жена, что жена? Я несчастный человек. Я не могу вас пригласить к себе домой. В туркменском доме хозяин муж. А как я, скажите, могу быть хозяином в своем доме? Нет, конечно, не совсем несчастный человек, но все-таки я немножко неудачно женился. Меня оправдывает только то, что тогда она была всего лишь инструктором райкома комсомола. Выпьем, дорогие москвичи! Мои заботы — не ваши заботы!

— Александр Григорьевич, вам не стоит, пожалуй,— сказал Знаменский.

— Да, да! Вы правы, правы!— Самохин отдернул от рюмки руку.— Эх, рыбки золотые, подружки мои заклятые!.. Отгулял, отгулял...

— Слово даю, я не враг вам, чал все снимет,— сказал Меред.— Но лучше не пейте, если не верите. Без веры ни в чем нет радости. Какие у вас часы замечательные, Ростислав Юрьевич. «Омега»! Не люблю дорогие вещи. Жена говорит, что дорогая вещь хуже аркана.

— Это из уроков марксизма-ленинизма?— усмехнулся Самохин.

— Именно! У меня замечательная жена! Но я несчастный человек... Поехали! Шурпа не должна остывать!

Они вдвоем азартно принялись за шурпу, а Самохин, судорожно сглотнув, завороженно

глядел на них, а потом схватил свою пиалушку с чалом и стал пить, судорожно глотая. Бедный, бедный старик... Он вдруг вскочил, бодро объявив:

— Идея! Пойду вздремну часок. Хоть и не долог был полет, но перепад давлений ощутим. К морю спустились, как с горы. Всего часок, и я буду как огурчик.— Счастливый, что может улепетнуть от этого стола, где все будто помечено было для него скрещенными костями и черепом, Самохин даже помолодел, уверенными стали его движения.— А графинчик с чалом прихвачу. И малюсенький кусочек икорки. Что еще?— Глаза его всматривались и меркли, всюду натыкаясь на скрещенные кости и череп.— Все! Долой соблазны!— Он подхватил графин, пиалушку, отмахнулся в последний миг от тарелки с икрой и, бодро, прямо держась, важно ступая, отбыл.

— Долой соблазны...— Меред долгим взглядом проводил старика.— А если их долой, так зачем тогда жить?— Меред перевел свои навыкате глаза, веселые, смеющиеся, на Знаменского.— Зачем, спрашиваю? Ешьте шурпу, дорогой. Ее надо горячей есть. Все надо горячим есть, что снято с огня, и все надо горячим ощущать, что сжал в ладонях. Чокнулись? За соблазны! Чтобы не убегать от них! Никогда! До последнего вздоха!

— Где я? В Грузии?— Знаменскому было легко с этим человеком, у которого уже и седина пробилась в крутых завитках его смоляной шевелюры, которому и жилось, наверное, не просто, томил его этот перепад высот в семейной жизни, но веселость жила в нем неигранная, приветливость была в нем от души.

— Ты в Туркменистане, дорогой! Про Грузию почти уже все известно, землю роют, чтобы еще что-нибудь узнать. Про нас еще почти ничего не знают. Мы загадочный народ. Ты в ссылке у нас? Ну, ну, я знаю. Нами получены все сведения — и о посланнике этом больном, и о тебе. Иначе нельзя, вы будете у самой границы. Много русских еще до революции попадали к нам. И очень многие не умели нас понять. Они считали дни, чтобы уехать. Они жили у нас с полузакрытыми глазами. Что можно разглядеть такими глазами? Зной! Песок! Скорпионов и змей! Но те, кто приехал жить, а не отбывать срок наказания, те начинали любить эту суровую землю, нас, туркмен, начинали любить. И понимать! Мы заслуживаем открытого сердца. Ты как к нам приехал, отбывать или жить?

— Вот и ты, Меред, взял меня за руку и повел,— потускнев, сказал Знаменский.— Все меня учат, все меня учат... Что ж, заслужил. Поделом. А я думал, ты веселый человек, Меред, без учительских этих ноток. Сказалось все-таки влияние жены? Ее наука?

— Обидел тебя? Не хотел. Разве я учил? О, не хотел! Прости великодушно.— Меред, моля о прощении, провел ладонями по лицу и свел их под подбородком. Замер так, не шуточно моля глазами, гася в них веселье, что не легко ему было сделать, ибо веселье, готовность к смеху укорененно жили в них.

— Прощаю, прощаю. Перетерпеть надо. Полоса!

— А, не простил! Понимаю, тебе очень трудно. Думаешь, я не могу понять?

— Не знаю. Ну, понял. Жить-то мне дальше. Я вот про тебя понял, что трудно тебе, хоть ты и шутя жаловался. Но жить-то дальше тебе.

Они глянули друг на друга через влагу глаз, разом вдруг рассмеялись.

— А, тебе тоже нельзя позавидовать!— сказал Меред и покрутил над головой рукой, замысловатое что-то начертав в воздухе.— Жена — дочь министра, скажу, это тоже не подарок!

— Все знаешь про меня.

— Все! А как же? На самую границу повезем. Слушай, а я тоже азартный, в очко однажды двести рублей проиграл. Хотел тельпек еще проиграть, но друг не дал, оттащил в сторону, кушаком связал руки. Он был сильнее меня. У тебя там рядом не было сильного друга? В Каире?

— Все знаешь про меня.

— Почти. Один процент. Никто ни про кого больше одного процента не знает. Согласен? Сами мы про себя знаем, ну, на два, ну, на три процента. Как поступим через минуту, кого полюбим, кого возненавидим, не знаем. Вот вздрогнет сейчас под нами земля, что станем делать? Может, я тебя спасу, а может, ты меня, когда станут падать стены. Народ — загадка, но и человек — загадка. Согласен?

— Ты такой мудрый, что с тобой даже спорить нет смысла. Один процент, говоришь?

— Ну, два, ну, уступаю, три.

— А суры, а сунны ваши — там же все расписано.

— О чем ты?! Потому и расписано, что аллах нам не доверяет. Вот он не велел нам пить, а мы иногда выпиваем. Что аллах? Жена мне запрещает. Она мне обещала партийный выговор. Я ее собираюсь поцеловать, а она от меня отстраняется, опять, говорит, от тебя этим отвратительным араком несет, смотри, говорит, получишь ты у меня выговор с занесением в учетную карточку. И где, где это говорится, друг?! Я несчастнейший человек!

— Не страшись, чал все снимет.

— А запах? Его не скроешь, выключив торшер... Скажи, тебе понравился Ашир? Сильный человек, да?

Продолжение следует.

ИНТОНАЦИЯ, ЗНАКОМАЯ ВСЕМ

Плеяда радиозвезд — мы узнавали их и помним по голосам! Всегда рядом были — в эфире и студии — Ольга Высоцкая и Юрий Левитан. А потом родилась школа теледикторов и телекомментаторов, среди которых обрели известность и Валентина Леонтьева, и Наум Дымарский, и Юрий Летунов... На фотографии 1971 года они еще все вместе.

За четыре минуты до эфира в студию приносят дикторский текст. Ольга Сергеевна Высоцкая быстро листает страницы, уточняя отдельные слова.

На электронных часах скачут секунды.

— Передаем сигналы точного времени...

После тонких гудков зуммера звучат позывные.

Ольга Сергеевна нажимает кнопку, загорается красное табло «Микрофон включен».

— В Москве сейчас пятнадцать часов... на Дальнем Востоке—полночь,— произносит она знакомую фразу. И мне кажется, что рядом заработал репродуктор.

Ольга Высоцкая. Для наших отцов и дедов ее голос — символ их молодости, молодости страны. Радио входило в нашу жизнь с именами ударников труда, бесстрашных путешественников, больших ученых. И звучало оно голосами Ольги Высоцкой и Юрия Левитана.

В 1932 году комсомолка, страстно влюбленная в спорт и театр, отправила на радио письмо. Тогда только-только появилась передача «Утренняя гимнастика». Писала Ольга о том, что хочет и знает, как помочь сделать эту передачу живее и интереснее. Ее пригласили в радиостудию.

Сначала она помогала диктору, выполняя упражнения, потом повела передачу сама. Иногда читала информацию: дикторов было мало, и порой некому было рассказать о последних новостях. И постепенно вместе с Юрием Левитаном Ольга Высоцкая стала ведущим диктором радио.

К нынешнему юбилею Ольги Сергеевны Московский Художественный академический театр прислал ей адрес, в котором мхатовцы называют Высоцкую своей актрисой. Ведь Высоцкая вела все спектакли театра, которые передавались по трансляции. И из Малого, и из Большого — тоже.

Ни одно важное событие, ни один важный документ, ни одна трансляция с Красной площади не проходили без участия Ольги Высоцкой.

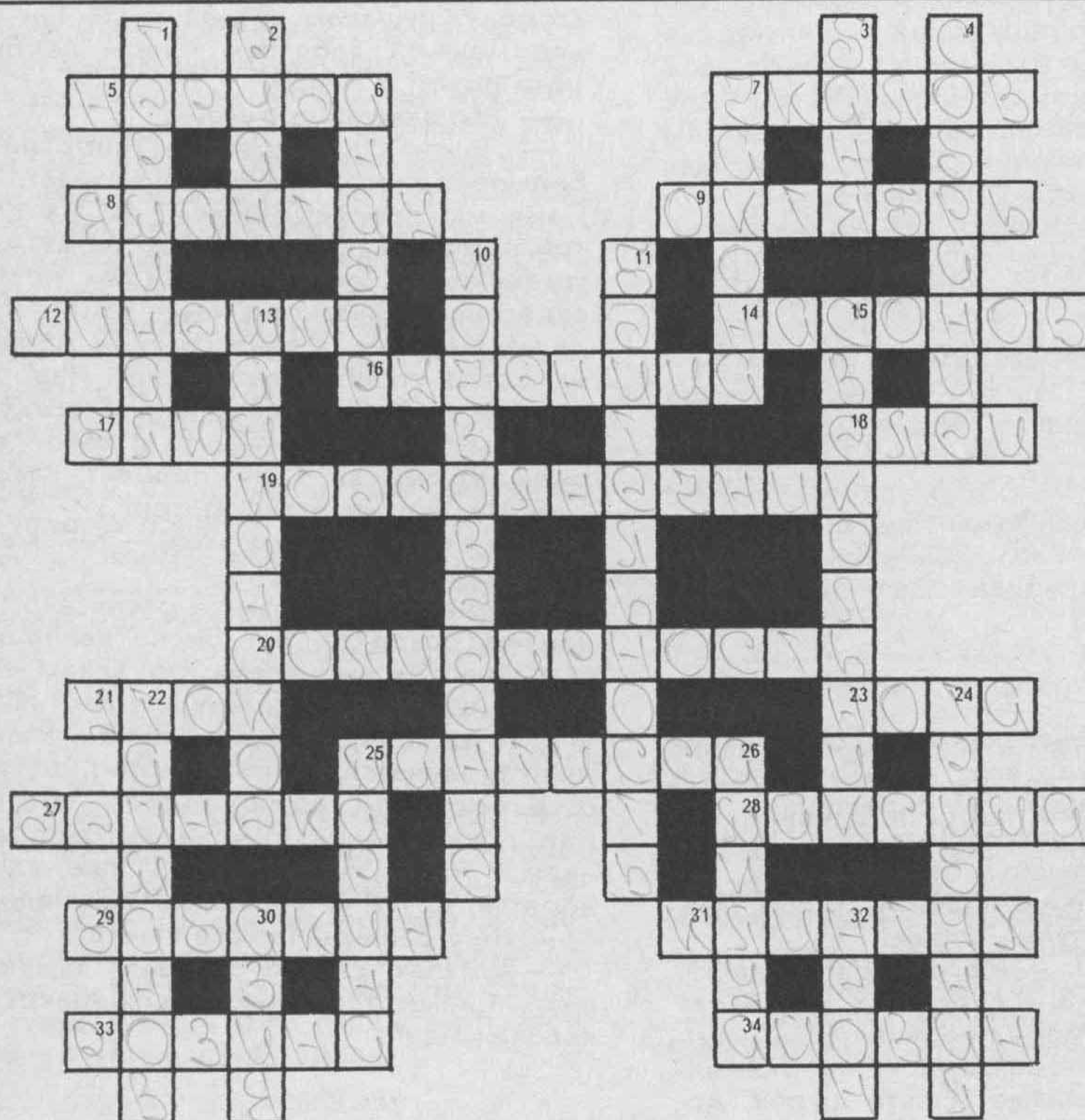
7 ноября или 1 Мая. За 15 минут до начала праздника в эфир летели слова.

— Говорит Красная площадь! Работают все радиостанции Советского Союза! — ликующе звенел голос Высоцкой, вторя внушительной торжественности Левитана.

Они вдохновенно дирижировали всеми, кто в этот момент оказы-

кроссворд

По горизонтали: 5. Чилийский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 7. Летчик-испытатель, участник беспосадочного перелета в США, Герой Советского Союза. 8. Наиболее высокий массив Южного Урала. 9. Опера В. И. Мурадели. 12. Порт на Волге в Ивановской области. 14. Ученый, один из авторов проектов МГУ, Центрального стадиона имени В. И. Ленина, лауреат Ленинской премии. 16. Болгарский народный танец. 17. Стальная заготовка. 18. Промысловая рыба семейства карповых. 19. Масличная культура, медонос. 20. Общность интересов, единодушие. 21. Поперечные нити ткани. 23. Официальный дипломатический документ. 25. Дробная часть десятичного логарифма. 27. Живописец и график, народный художник СССР. 28. Краткое изречение. 29. Конструктор космической техники, Герой Социалистического Труда. 31. Дикий голубь. 33. Действующее лицо оперы Д. А. Россини «Севильский цирюльник». 34. Травянистое пряное растение.

По вертикали: 1. Оконечное устройство в вычислительной системе. 2. Административный центр департамента во Франции. 3. Пьеса В. В. Маяковского. 4. Заседание. 6. Река в Якутии. 7. Старинный испанский танец. 10. Наука, изучающая строение верхнего слоя земли, его плодородие. 11. Настороженность, неослабное внимание. 13. Рассказ А. П. Чехова. 15. Овощной суп. 22. Советский шахматист, международный гроссмейстер. 24. Чрезвычайный судебный орган. 25. Картина, морской пейзаж. 26. Роли, соответствующие дарованию определенного актера. 30. Часть света. 32. Химический элемент, инертный газ.

вался у микрофона. Известные писатели, поэты, артисты, герои пятилеток становились коллегами и соисполнителями праздничного репортажа Ольги Высоцкой и Юрия Левитана.

— Но 22 июня 1941 года у нас началась скорбная работа,— рассказывает Ольга Сергеевна.— Не так страшно было работать под бомбежкой, особенно в первый год, как тяжело передавать сообщения о зверствах фашистов. Комок стоял в горле. И делали паузы не там, где требовал текст, а там, где надо было проглотить этот комок, чтобы не сорвался голос...

Они оставались на посту при налетах: в любую минуту могло прийти важное известие. И ходили под обстрелом домой и снова на работу. Для Ольги Сергеевны этот путь — от сегодняшнего проспекта Мира до телеграфа на улице Горького. Там тогда находилось Всесоюзное радио. Бывший фронтовик сказал мне однажды, что голос Высоцкой он воспринимал как голос героини плаката Тоидзе «Родина-Мать зовет!».

Так уж получилось, что дежурство Высоцкой и Левитана выпало в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Уже с середины апреля все ждали: когда же конец войне? Город брали за городом, салют следовал за салютом... И в тот вечер праздничный концерт не кончался.

— Около трех часов ночи объявляю последний номер. Вбегают: «Концерт не кончай!» Наконец принесли текст Акта о подписании капитуляции. Начинаю читать, а самой хочется просто закричать в микрофон: «Все, товарищи! Победа! Война кончилась!»

И парад Победы был тоже с ней — с Ольгой Высоцкой. И она тоже ощутила, что тогдашний летний московский дождь, тихий и теплый, как невыплаканные слезы о погибших...

До сих пор Ольга Сергеевна не просто в строю — она на правом фланге.

— Я очень люблю свою работу. Я не могу привыкнуть к ней. Прихожу, сажусь перед микрофоном, и все начинается заново...

За микрофоном — мы. Ольга Высоцкая помнит об этом всегда.

И. ТОЛКАЧЕВА

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 3. «Человек». 6. Пинаева. 8. «Коммунист». 9. Скопа. 11. Олень. 13. Можайск. 16. «Арсенал». 17. Крейсер. 18. Флюорит. 19. Архимед. 22. Экзамен. 24. Духовка. 25. Прима. 27. Атлет. 28. Велосипед. 29. Ревизор. 30. Жанекен.

По вертикали: 1. «Сельхоз». 2. Явление. 4. Вика. 5. Камзол. 6. Прииск. 7. Нето. 10. Президиум. 12. Лейтенант. 13. «Манфред». 14. Антонио. 15. Критика. 20. Раритет. 21. Дублер. 22. Экипаж. 23. Еремеев. 26. Аваз. 27. Аден.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Первые дни Октября в Старой Руссе. [См. в номере материал «Зримая память Октября».]

СПОРЫ НА ВСЕХ ЭТАЖАХ

Письмо Г. Каримовой из Ужгорода в 36-м номере нашего журнала, посвященное передаче «12-й этаж», вызвало обильную почту, и голоса пишущих противоречивы.

Одни принимают, одобряют цикл новых телепередач о молодежи и ее проблемах, другие, подобно Г. Каримовой, нет.

В чем-то эта читательская полемика и сама напоминает — знаете что? Да, вы угадали: шумную, горячую разноголосицу на «12-м этаже» во время передачи.

Эта-то разноголосица, в общем, непривычная нам необходимость искать и нащупывать истину вместо того, чтобы удобно и привычно получить ее в готовом, сформулированном виде, и вызвала недовольство ряда наших читателей.

«Невозможно было понять, кто вел передачу,— пишет П. М. Чирков из Одессы,— была какая-то неразбериха мнений, неуправляемая...» Однако, как это часто бывает, претензии к форме оборачиваются несогласием с сутью. «Неужели нет толкового, сведущего и отвечающего за передачу человека, который бы взял ее в свои государственные руки и направил в должное русло?» — продолжает он же.

Однако авторы других писем ценят в «12-м этаже» именно то, что здесь стараются узнать нечто новое о молодежи, разглядеть ее и расслышать. И земляк П. Чиркова одессит В. И. Баланюк возражает, по сути, именно ему:

«Если бы не «12-й этаж» с его искренностью, вряд ли бы вы знали, какова современная молодежь... А так легче в чем-то помочь молодежи, в чем-то и поправить».

Как и в студии, и на знаменитой уже «лестнице», споры часто заходят о самой манере вести спор.

С. Я. Базаров из Москвы, которому «12-й этаж» так не нравится, что он пишет: «Я тоже не смотрю эту передачу»,— язвительно замечает в наш адрес: «Некоторые редакции совершенно неправильно называют письма сердитыми, если в них высказывается из всей глубины души возмущение отдельными лицами или явлениями».

Отчего же, Спиридон Яковлевич? «Сердитый» — еще не значит «неправильный». Это слово как раз и говорит только о возмущении автора.

В свою очередь, многие недовольны как раз тоном письма Г. Каримовой.

«Правильно вы назвали письмо Каримовой сердитым. Конечно, любое зрелище, любую программу можно воспринимать по своему желанию, дело добровольное. Но для разговора, обсуждения вряд ли нам помогут раздраженные слова. Вот хоть «ненавижу». Иногда дети говорят так о невкусных лекарствах, например, о рыбьем жире. Ну и что? Разве лекарства принимают из-за приятности? Разве не важнее их польза, даже если они не слишком приятны на вкус?

Л. Бузанова, кандидат технических наук».

Москва.

А вот А. И. Голосова из г. Кашина Калининской области обеспокоена:

«Я ваш давний читатель и подписчик. Писать не люблю. А на этот раз решилась написать: боюсь, как бы «сердитое письмо», опубликованное в 36-м номере, не закрыло передачу «12-й этаж».

Я тоже член партии, правда, с 1946 года, и тоже отвечаю за свои слова.

Эту передачу следует продолжать и совершенствовать».

Ее поддерживает В. Палишин, старший инженер Миннефтегазстроя из Москвы:

«Конечно, слишком категоричную оценку передаче дает читательница из Ужгорода. Любить или ненавидеть — дело сугубо личное. И в том, что зам. министра отчитывается перед юными, нет ничего зазорного. Споры нужны, ибо в споре рождается истина».

И тут же переходит к предложениям по улучшению и передачи, и, скажем так, состояния молодежного досуга.

Другие тоже предлагают. Есть, например, и такие рецепты:

«Словом, дорогие товарищи, вернитесь к системе образования и воспитания на 50 лет назад, и будет гораздо больше порядка.

Е. В. Фролова».

Москва.

Но среди тех, кому передача по душе не пришлась, вовсе не все так безапелляционны. Вслушайтесь, пожалуйста, в слова ленинградки Веры Михайловны Пюсе:

«Письмо Г. Каримовой вы назвали «сердитым письмом». Я его таким не считаю. Это очень правильное и справедливое письмо.

Мы, старшее поколение, и так старались — все для детей. А им жить хочется сейчас, пока молодые...

Я здесь пережила блокаду. Муж мой всю войну (4 года) прошел, имеет 8 правительственных наград, два тяжелых ранения, а живем мы в 11-метровой комнате... На очереди стоим уже скоро 5 лет, и когда получим отдельную квартиру, нам даже не говорят. Если уж молодые хотят строить квартиры для себя, то пусть еще построят 2—3 квартиры для старшего поколения, пусть даже для своих родственников».

Это письмо заставляет задуматься о многом. На первый случай вот хоть о чем. Наш журнал уже рассказывал (№ 27), что в Эстонии действует постоянная телепередача, посвященная ветеранам, пенсионерам, их проблемам, которые, право же, не уступают молодежным.

Почему же не сделать такую передачу общесоюзной — ее посмотрят вовсе не одни те, кому она специально предназначена. Передачу для пожилых, несомненно, увидят и юные, и, может быть, именно она научит их замечать чужую беду, быть добрее, а при случае — и просто предлагать свою помощь?..

В «12-м этаже» самое острое, непривычное впечатление производит именно «лестница» — подростки, проводящие свой досуг в темном и неуютном подъезде.

ТВ

ТВ

Введя такое собирательное действующее лицо в кадр, создатели намеревались, очевидно, показать сам процесс воспитания. Конечно, нетрудно было бы найти подростков более послушных, даже внешне более привычных. Но ведь в воспитании нуждаются больше всего не те, кто уже послушен и благообразен.

«Г. Каримовой не нравятся прически подростков с «лестницы». Это, собственно говоря, ее право. Но что получится, если разделить наше население по прическам, да еще придав им какой-то гражданственный, социальный смысл? Кому это может быть выгодно, кроме наших злейших врагов? Ага, скажут они, русские переругались из-за причесок! Вот, давно бы так!

П. Р.».

Москва.

О «проблеме причесок» будут и еще отклики. А пока продолжает А. И. Голосова, чье письмо мы уже цитировали:

«Возмутил Г. Каримову отчет перед юнцами министра просвещения... Надо приглашать и министров, не только заместителей: надо знать интересы и запросы молодежи — и воспитательную работу вести в нужном направлении.

«Лестнице» надо побольше выступать, а то их забивают другие. И там, возможно, сидят будущие герои нашей страны, отличные защитники нашей Родины».

Не все согласны с читательницей Г. Каримовой не только по форме, по тону, но и по существу. Вот что пишут нам из Ярославля:

«Товарищ Каримова пишет, что отвечает за свои слова. Но ведь не одна она видела передачи из цикла «12-й этаж». Мы тоже смотрели всей семьей, и ни один из нас не услышал таких слов: «Давай, Родина, строй нам дворцы, кафе, рестораны, денег побольше, а мы тебе — ничего». Больше того, и мыслей таких не было. Речь шла о том, что ребята пытались сами определить свои интересы, учились формулировать свои чувства, мысли. А это ох как не просто, и письмо Г. Каримовой тому еще одно доказательство. И мы, в свою очередь, при всем к ней почтении за свои слова, глаза и уши тоже отвечаем.

Григорьевы, семья из пяти человек».

Действительно, наша молодежь и не очень привыкла к тому, что ее спрашивают и выслушивают. Видимо, этим объясняется то, что в нашей почте о молодежной передаче почти нет писем от самих подростков. Их мало, и они не слишком выразительны.

А вот человек чуть постарше говорит очень интересные слова:

«Я завидовал тем ребятам. Меня, когда я был чуть моложе, никто с таким интересом и вниманием не выслушивал, и, наверное, я был бы более инициативным, смелым, энергичным, если бы в мои комсомольские годы было такое отношение к молодежи.

И прически здесь ни при чем. Самые вопиющие случаи злоупотребления властью, взяточничества, идеологического перерождения совершали аккуратные «дяди», с аккуратными прическами и безупречными манерами...

Борис Чимит-Доржиев».

Пушкино.

С молодым участником нашей дискуссии солидарен человек пожилой, тоже озабоченный воспитанием настоящей активности подрастающего поколения:

«Вы хотите, чтобы подростки поехали на БАМ или туда, где они будут нужны? Я тоже. Но как их туда направить из этого подъезда? Под конвоем участкового милиционера? И что же, трудовые и всякие другие свои подвиги они тоже будут совершать под присмотром? Наивно это, хоть и прикидывается мудростью. Я воспитала двух детей после гибели мужа, ушедшего на войну добровольцем и погибшего в ополчении. И мы всегда обо всем говорили честно, открыто, без этого ни людей, ни тем более патриотов не воспитаешь. Ребята не ожидали, что с ними так откровенно будут говорить, и уже после одной передачи, уверена, стали добрее и мягче.

В. И. Буреева, пенсионерка».

Москва.

Но есть ли у нас надежда, что передачи срабатывают, приносят пользу? Воспитание человека — процесс длительный, жатва от посева отделяется в нем годами и десятилетиями. Однако мнение В. Буреевой о том, что «12-е этажи» полезны, разделяют многие наши читатели. Более того, С. Закревская из Москвы, например, из передач «12-го этажа» заключает:

«Радостно, что наша молодежь так глубока и умна».

Где это она увидела, в чем именно нашла основания для такого вывода? — возможно, спросят некоторые. Тогда пусть прочитают следующее письмо:

«Сергей Владимирович Образцов сказал, что «лестница» нужнее нам, чем мы ей. Его можно понять. Разумеется, воспитатели (и телевидение среди них) нужны для тех, кого воспитывают, а не сами по себе. И нужны только в том случае, если есть какая-то польза. Так вот «12-е этажи» можно рассматривать как своеобразные уроки общения. Я предвкушала некую пользу от них для подростков. Но, честно говоря, меня удивила ее скорость и масштаб. Ребята, простите, взволнованно мычали в первых передачах, а в последующей — внесли предложение о создании каталога типовых решений домов для молодежи. Вот это темп! Что же можно ждать еще через парутройку выпусков? Академия наук, ты готова к их новым идеям?

З. Ферсова,
сотрудница МДУ АН СССР».

Москва.

И вот последнее письмо, которое хотелось бы привести сегодня:

«Мне 28 лет, ношу джинсы и модные прически. И, по словам Г. Каримовой, выходит — кто я такая, имею ли право высказать свое желание, как я хочу жить?

А почему бы и нет. В 18 лет вступила в партию, значит, партия посчитала: достойна быть членом КПСС. А эти мальчишки, девчонки могут завтра совершить подвиг? Возможно! Вполне. Дворцы, кафе и даже рестораны? Но ведь все это они строят молодыми своими руками. Поэтому правительство и спрашивает у них, что нужно, чтобы им, нашим детям, жилось радостно, заботится о здоровье и отдыхе.

Я, мать двоих сыновей, в будущем защитников нашей Родины, считаю, что передача очень нужна, многому она учит не только 12—18-летних, но и нас, взрослых.

Л. Н. Юдаева».

Московская область,
Луховицкий район,
дер. Чуприково.

Каковы же выводы? Что же все-таки это за передача, в чем ее смысл? Полезным считает состоявшийся разговор и заместитель министра просвещения СССР Владимир Николаевич Шадриков, за которого почему-то обиделись иные из наших корреспондентов. Специальное совещание о работе педагогов-новаторов намечено на ноябрь. Вот и в последнем выпуске «12-го этажа» сообщается, что принято важное постановление о любительских объединениях, им даны права юридического лица — стало быть, есть и практические результаты.

Правда, Ролан Быков тут же скептически отнесся к этому постановлению и таким постановлениям вообще, и, значит, сами участники не в практических результатах видят смысл передачи.

А в чем же? Ну, прежде всего в том, что здесь происходит школа общения. В самом деле, где и когда могут встретиться и обсудить общие проблемы такие разные люди — педагоги и воспитатели, руководители детских клубов и строители МЖК, ответственные работники и сами воспитуемые, которых символически представляет «лестница»?

Мало того, что они встретились, они и разговаривают, обращаясь прежде всего к авторитету мысли, доводов, а не, скажем, должностному и возрастному авторитету.

И тут обнаруживается, что это не всегда получается. Многие просто-напросто не умеют выразить свои мысли, сформулировать то, что чувствуют. Тем более им бывает сложно услышать собеседника, понять его логику, встать на его точку зрения, а иначе дискуссия просто не может состояться.

Конечно, нас может раздражать не только стиль, но и позиции участников спора. Но ведь все эти позиции реальны! Их надо понять, с чем-то согласиться, что-то, возможно, оспорить. Но отбросить их, объявить несуществующими — увы, это, как уже понятно, не приводит к решению, тем более конструктивному.

Мы, конечно, все за демократизм общения. Но в теории. В жизни он бывает шумным, невоспитанным, порой и вздорным... Так что же теперь, отказаться от демократизма? Или все-таки проходить эту самую школу общения?

Да, вот так она может выглядеть, эта кухарка, которая, по Ленину, должна учиться управлять государством. Только что от плиты, раскрасневшаяся, порой и прядь волос выбилась из-под косынки. Но учиться она должна. Потому что это ее государство. И потому что, не учась, она будет управлять плохо, по-кухонному.

Вообще, как ясно сказано в последних партийных документах, у нас нет выбора — развивать ли социалистическую демократию или нет. Безусловно, развивать.

Надо информировать всех, выслушивать многих, надо вовлекать в общий процесс ближних и дальних. И «12-й этаж» всего только проба — но удачная! — участия телевидения в этом нарастающем процессе.

ОТДЕЛ ИСКУССТВ

...В конференции Санкт-Петербургской академии наук восемнадцатого века принимает участие съемочная группа нового телевизионного девятисерийного фильма-эпопеи «Михайло Ломоносов». Фильм охватывает почти всю жизнь гениального русского ученого, и режиссеру-постановщику А. А. Прошкину пришлось привлечь для исполнения главной роли сразу трех актеров: Александра Михайлова, Игоря Волкова и Виктора Степанова.

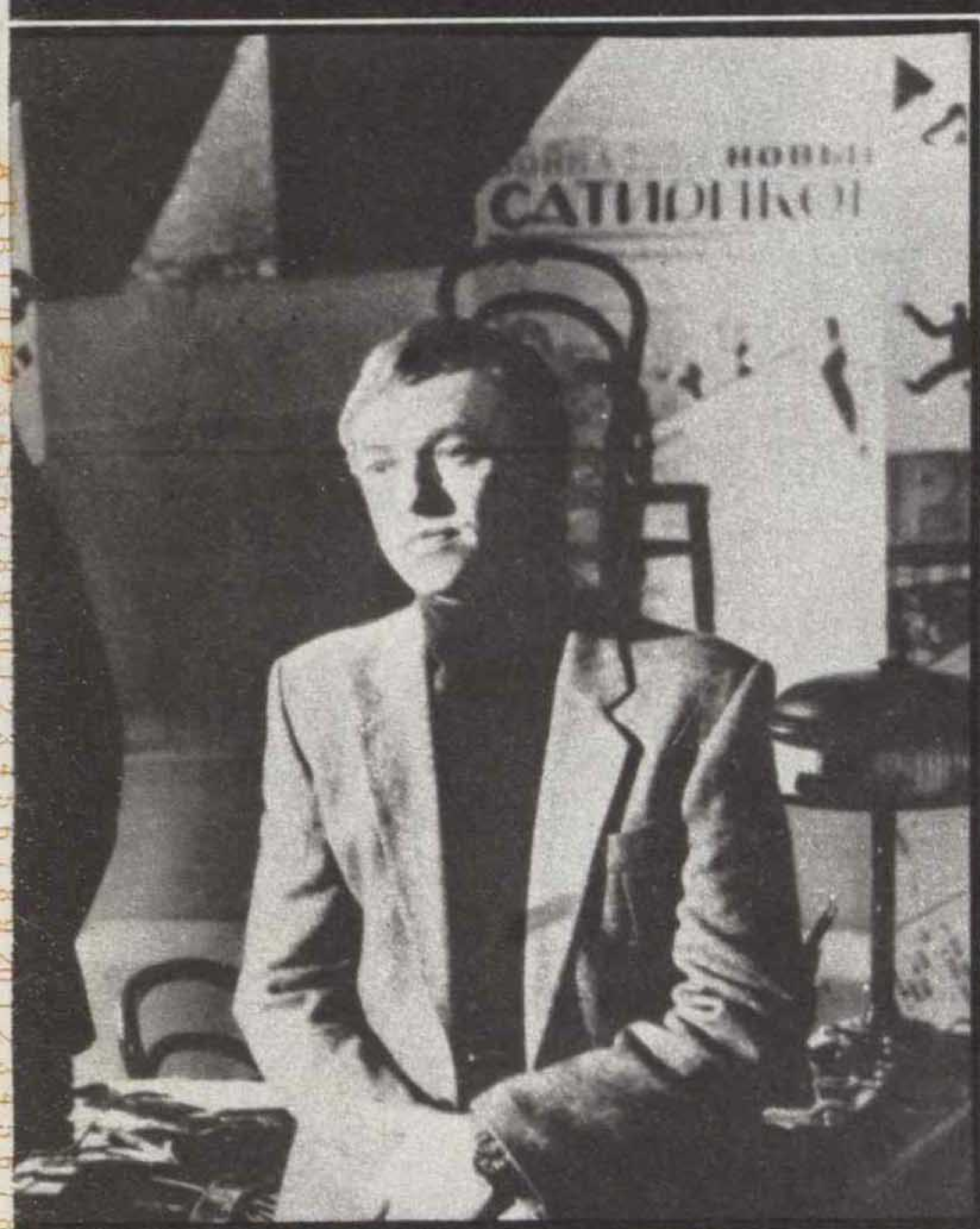

передачи которые мы выбираем

Мы уже привыкли, что телевизионная передача «Шире круг» знакомит нас с новыми интересными коллективами. А кого же мы увидели на этот раз! Театр танцевальной пластики «Импульс». Ведут передачу Вячеслав Малежек и Екатерина Семенова. Фото Ю. Бомзе

Поэзия и эпоха. Мы возвращаемся к этой теме, размышляя сегодня о личности Владимира Маяковского. Еще одна версия — новый четырехсерийный видеофильм режиссера С. Евлахишвили «Призванный революцией», премьера которого ожидается в ноябре.

В последнее время кинопанорама ищет своего ведущего, ищет новую интонацию разговора со зрителем. Посмотрим, как сложится разговор Ролана Быкова, режиссера Георгия Данелия и оператора Павла Лебешева о новом фильме Г. Данелия. Фото Н. Агеева

ТВ

Эти работы взяты из редчайшей сейчас книги «Русский плакат 1917—1922 годов», вышедшей небольшим тиражом в Петрограде в 1923 году, с текстами на английском и французском языках. Автор опубликованных плакатов — замечательный советский график В. В. Лебедев (1891—1967). Один из лучших художников книги, он в первые годы Советской власти самоотверженно работал в петроградских «Окнах РОСТА».

Всем известны плакаты московских «Окон РОСТА», создававшиеся при активном участии В. В. Маяковского. Но, говоря его словами, «протокольную запись труднейшего трехлетия революционной борьбы» вели и художники Петрограда. Не случайно первая книга русских революционных плакатов целиком посвящена творчеству В. Лебедева. В своих работах он достиг гармоничного синтеза традиций русского народного лубка, сатирической журнальной графики, рожденной в годы первой русской революции, богатого опыта книжной иллюстрации. Динамизм, лаконичность формы, образная и цветовая символика, острота и политическая зоркость отличают плакаты В. Лебедева. Язык художника звучит в них подобно речи политического оратора, доносящей до нас романтическое и суровое дыхание уже далекой эпохи.

Вглядываясь сегодня в петроградские «Окна РОСТА», будем помнить, что на заре молодого Советского государства, в период интервенции и гражданской войны именно плакат становится в авангарде изобразительного искусства, он был действенным оружием в борьбе с империализмом и контрреволюцией. В этом значение и непреходящая ценность плакатов революционных лет.

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663